

Оружие

№ 9 МАРТ 1981

ISSN 0131—6656

**МОРСКАЯ
ПЕХОТА:
СЛАВА,
МУЖЕСТВО,
ОТВАГА**

ВАЧЕСТВО° УРОВЕНЬ ТРУДА-

Прошедший XXVI съезд КПСС определил цели экономического и социального развития страны и пути их достижения. Сейчас — время работы. Работы, которая позволит выполнить решения партии.

Какой она должна быть сегодня, наша работа? В своих размышлениях об этом читатели особо выделяют отношение к труду, необходимость восприятия своей работы как дела жизни. Подчеркивают, что именно труд, вклад в общее дело — самый верный показатель того, как и для чего живет человек.

Как раз разговором на тему «ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ: гражданственность, деловитость, сердечность» («Смена» № 5, 1981 г.) и завершился большой этап нашей дискуссии, которая шла под рубрикой «Коллективный критический анализ: работа в тяготы, работа в радость». Этот разговор представлялся нам, с одной стороны, итоговым, а с другой — начальным. Читатели поддержали нас — дискуссию необходимо продолжить. И предложили новую формулу

НОВАЯ РУБРИКА

«Работа
как дело жизни»

ЛИЧНОЕ

Яков РЫБИН,
строгальщик
Рязанского
станкостроительного
завода

На одном из цеховых собраний мне вручили круглый металлический стерженек с цифрой «90» на торце — личное клеймо. Означало это, что теперь ОТК уже не будет проверять изготовленные мною детали.

Такая степень доверия — мощнейший стимул к работе по самым строгим меркам качества. Дело не только в том, что я получаю пятипроцентную надбавку к зарплате за то, что фактически совмещаю две профессии — строгальщика и контролера. У меня теперь никто, если можно так сказать, не стоит за спиной; никто не должен искать мои возможные ошибки. Последняя «инстанция» — я сам. Значит, ошибаться никак нельзя. Конечно, и раньше старался, чтобы брака не было, но сейчас все-таки невольно относился к делу строже: лишний раз проверишь установку заготовки, придирчивей измеришь готовую деталь. Ведь достаточно всего три раза ошибиться — отберут клеймо, тогда стыда не оберешься...

На завод я пришел, как и большинство наших рабочих, учеником, то есть начинал с нуля. Но в одном мне повезло,

КАЧЕСТВЕННАЯ РАБОТА НА КАЖДОМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ — ТРЕБОВАНИЕ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

пожалуй, больше, чем другим: приступить к самостоятельной работе пришлось в очень сложное время. Цех, спроектированный для изготовления деталей станков с числовым программным управлением, тогда только переживал свое становление. В такой обстановке учиться было и трудно и вместе с тем интересно. Пока осваивали оборудование, технологии буквально не отходили от наших станков всю смену. Вместе с ними пришлось немало покопаться в новой технике, научиться разбираться в чертежах. Находили конструктивные недостатки станков, доводили их «до ума». Короче говоря, школа работы была нелегкая, но в смысле повышения квалификации очень полезная.

Чем занимается наш цех? Получаем черновые заготовки из литеек, фрезируем их, строгаем, растачиваем, сверлим, шлифуем — и отправляем в сборочный цех. Качество станков во многом зависит от нас, механообрабатчиков. Нетрудно представить, что если хоть одна деталь пройдет через ОТК со скрытым дефектом, если это вовремя не заметят на сборке, то и весь новый станок (стоимость которого может исчисляться сотнями тысяч рублей) придется разбирать и собирать заново. Ну, а в худшем случае придет рекламация от заказчика.

Марка нашего завода хорошо известна. С каждым годом улучшается качество станков, повышается их надежность, а количество рекламаций снижается. И все же они еще бывают! Вполне возможно, что где-то такой же рабочий, как я, получив не вполне исправный станок, нелестно отзовется о рязанских станкостроителях вообще. Я понимаю, ему безразлично, что какие-то отдельные детали станка сделаны строго по стандарту: его интересует лишь то, ка-

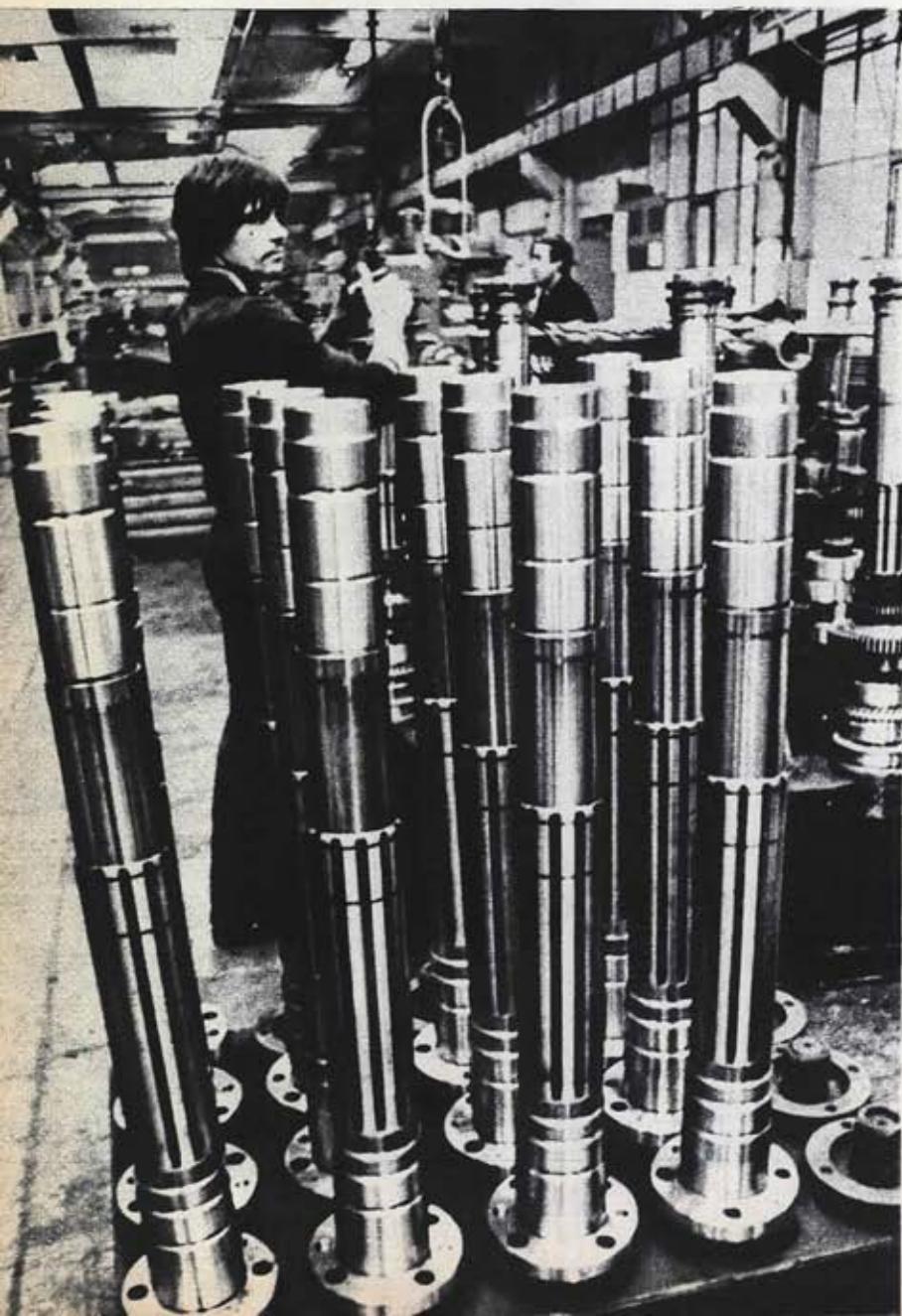

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Соответствие лучшим мировым и отечественным образцам — ни на что меньшее мы не можем и не должны соглашаться. К этому надо себя приучать, этого надо добиваться, решительно отбрасывая все устаревшее, отставшее, уцененное самой жизнью.

Из Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС
XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза

УРОВЕНЬ ПРОДУКЦИИ

разговора: «РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ», считая, что она позволит затронуть и обсудить важнейшие СЕГОДНЯШНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАШЕЙ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ. Согласны.

И первый разговор под новой рубрикой — о качестве. Прежде всего — о качестве работы каждого на своем рабочем месте.

Разумеется, уровень выпускаемой продукции зависит и от качества оборудования, сырья, материалов. Качество работы, отношение к делу — от способа организации труда, нравственного климата в коллективе, условий работы. Но ведь все эти факторы — результат деятельности конкретных людей. Вот почему сегодня из всей цепочки мы выделяем главное — качество работы самого человека.

От чего же зависит хорошая работа? Что делать, чтобы человек не хотел и не мог работать плохо? Давайте подумаем вместе.

КЛЕЙМО

ков станок в целом. О качестве работы всего коллектива судят обычно по конечному результату.

...Не случайно говорят, что «совесть рабочего — лучший ОТК». Давайте не будем лукавить: опытный станочник гораздо лучше контролера видит качество своего труда, знает, какие дефекты сложней, какие проще обнаружить. Вот поэтому я считаю, что личное клеймо надежней любого ОТК, и чем больше станочников получат право самоконтроля, тем меньше вероятность рекламаций.

Я говорил своему контрольному мастеру, что все-таки мало молодых рабочих имеют у нас такое клеймо. Всего человек пятнадцать. А станочников в цехе около двухсот. В прошлом году мы брали обязательство добиться, чтобы личное клеймо получили еще десять человек. Обязательство осталось полностью невыполненным. Разве это дело? Мастер со мной согласился, но посетовал: уж очень трудно такое обязательство выполнить.

А если задуматься, в чем трудность? Оборудование самое современное; условия труда хорошие. Внедрена комплексная система управления качеством продукции и труда. Однако та же система показывает: коэффициент качества труда у нас составляет в среднем 0,7 (поясню, что максимальная оценка — единица). Значит, работаем ниже своих возможностей.

Знаю, стало «модным» ссылаться на смежников — они, мол, не сделали, не завезли и т. д. И у нас такое бывает: мы ругаем литейку, сборку — нас... Нам не вовремя доставляют заготовки, мы, в свою очередь, поздно отправляем готовые детали. В результате — нервозность, напряженная обстановка к концу месяца: спешка. Все это сказывается на

качестве работы. Как в таких условиях можно говорить о личном клейме для каждого?

Но мне кажется, что многие «условия» мы создаем себе сами, смежники тут ни при чем. По моим прикидкам (разумеется, приблизительным), наш цех без всяких капитальных вложений мог бы увеличить свою мощность процентов на пятнадцать и тем самым создать хорошую обстановку для ритмичной работы. Такую обстановку, когда мы могли бы меньше думать о количестве и больше — о качестве. За счет чего? Я не инженер и не хочу вдаваться в тонкости планирования, нормирования. На своем рабочем месте мне виднее другие резервы. Они — в человеке, в его профессиональной подготовке и отношении к делу.

Направляясь к своему станку, я ежедневно прохожу мимо стендов, где выведен список рабочих, которым ОТК вернул детали на доработку. Список иногда доходит до 30—40 фамилий. Значит, столько людей будут повторно делать

одну и ту же работу, терять лишнее время. А бывает и совсем неисправимый брак. Отчего так происходит, если станки у нас первоклассные?

Дело в том, что из хорошей вещи запросто можно сделать плохую. По разным причинам нам иногда приходится временно меняться станками. Мне потом приходилось от некоторых товарищей слышать: «Твой станок лучше, точнее и чище работает». А станки-то одинаковые, и возраст у них равный! Разница только в одном — качестве ухода за станком. Вроде бы пустяки — почистить его, протереть, смазать. Но из-за этого пустяка со временем станок «отказывается» делать некоторые детали: теряет точность обработки.

Иногда брак происходит из-за незнания техники, иногда из-за равнодушия. Был у меня сосед по участку; сколько ни бились с ним — то возврат деталей у него, то брак. Пытались помочь ему, спрашивали, что мешает работе. Он нам объяснил свою позицию: «А мне лишь бы день прошел и наряд закрыли. Что и как сделано — какая разница? Авось, проскочит через ОТК». В том и беда, что иногда проскаивает: контролеры не всегда могут уследить... Сосед в конце концов уволили. Но разве не осталось у него «единомышленников»? Это не только к нашему заводу относится. Думаю, на любом предприятии свои бракоделы имеются. Поэтому можно понять, какие трудности имел в виду наш цеховой контрольный мастер: чтобы вручить личное клеймо рабочему, надо повысить его квалификацию и, что не менее важно, воспитать ответственное отношение к делу. Но сказать это, конечно, легче, чем сделать.

Квалифицированные станочники даже из собственного ГППТУ к нам почти не приходят. После выпуска из училища им, как полагается, предоставляют отпуск. Вернутся, 2—3 недели проработают — и, пожалуйста, повестка в военкомат. Как правило, после службы новичок не возвращается на завод: за полмесяца работы он не успевает сжиться с коллективом. Не знаю, какой тут искать выход. Наверное, надо обязывать выпускников ПТУ отработать по направлению два-три года (пусть и после армии), как обязывают молодых специалистов. А там, глядишь, приживется и сам уходить не захочет...

Пока эта проблема не решена, большая часть станочников готовится непосредственно на рабочем месте. Но надо

признать, что полноценной эту подготовку не назовешь — здесь многое зависит от субъективных факторов, от того, какой наставник попадется, как сумеет подладить с учеником. Определенная система подготовки кадров есть, но невыполненный пункт обязательств (я имею в виду личное клеймо) говорит о том, что она не гарантирует высокую квалификацию молодого рабочего. А ведь квалификация — основа всего. Без нее даже самый горячий интерес к делу, любовь к профессии не помогут завоевать полное доверие коллектива.

Я считаю, что для молодого рабочего нет ничего лучше, когда в его мастерстве, человеческих качествах заинтересована бригада. Когда ко мне прикрепили ученика, Виктора Кочеткова, мы с ним вместе начали готовиться к тому, чтобы в будущем работать на один наряд. Но два человека — еще не полноценная бригада. Это только первый шаг к ней.

Между тем и у нас на заводе есть интересный в этом отношении опыт. В пятом цехе за счет лучшего использования техники, роста мастерства рабочих производительность труда поднялась в полтора раза, снизились потери от брака. А произошло это вскоре после того, как цех перешел на бригадную форму организации труда. В нашем же цехе задание по внедрению такой организации не выполняется.

Казалось бы, ясно, что будущее за бригадами. Но в жизни столько нестандартных ситуаций встречается... Один токарь мне говорил: «Да я и представить себе не могу, как это буду работать в бригаде! Сейчас у меня весь инструмент свой, заточка резцов моя, особая. А в бригаде должен буду пользоваться всем общим? Так я не согласен». Другой аргумент противников подряда — недоверие к сменщику. И так бывает, что даже два человека, работая на одном станке в две смены, не могут найти общего языка, требуют отдельных нарядов. Что же говорить о бригаде?

Верно считают, что самое главное — умело подобрать людей в бригаду: чтобы все по добре воле пошли, никто не был ущемлен, обижен. Только вопрос: кто должен заниматься организацией бригад? Занимаются-то вроде все — администрация, цехком, комсомольская организация. Но практически основная тяжесть ложится на мастеров, хотя у них и без того хлопот хватает. К тому же для мастера внедрение бригадного подряда не является основной служебной обязанностью. Основная — плая...

Мне в свое время здорово помогли в работе технологии. Но период освоения новой техники прошел, и теперь нередко после присвоения разряда станочник остается предоставленным самому себе. Значит, надо искать другие возможности, чтобы облегчить путь человека к мастерству. Надо, чтобы потенциальным возможностям рабочего соответствовала система подготовки и воспитания, способ организации труда. Добиваться личного клейма порознь, в одиночку становится все трудней.

Но главные резервы заложены в самом человеке — в качестве его труда, в его жизненной позиции.

А ЕСЛИ ОГЛЯНУТЬСЯ НА СЕБЯ?

Никому не нравится покупать некрасивую, неудобную вещь или есть невкусный суп. Никому не хочется идти в театр на плохой спектакль. Оценивая, что хорошо, а что плохо, мы тем самым оцениваем чужую работу. И очень часто негодуем по поводу чьей-то плохой работы. А если оглянуться на себя? Кто может похвастаться тем, что ни разу в жизни не схалтурил? Разумеется, пренебрежительное, безответственное отношение к труду не является у нас ни системой, ни правилом. Но ведь бывает так: если появляется хоть малейшая возможность сделать работу «тип-тип», то она делается именно «тип-тип» и ничуть не лучше. Где уж тут говорить об удовольствии, получаемом от работы! О том, чтобы сделанное тобой радовало людей!

Евгения КИСЛАЯ,
учащаяся СГППТУ-64, Москва

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1295) МАЙ 1981

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
воины-комсомольцы
морской пехоты
накануне учебной
высадки на берег.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

1 НОВАЯ РУБРИКА: «РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ». «КАЧЕСТВО: УРОВЕНЬ ТРУДА — УРОВЕНЬ ПРОДУКЦИИ».

6 Владимир СИДОРИК, полковник, член бюро ЦК ВЛКСМ, делегат XXVI съезда КПСС. «СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!»

9 Лев ДАНИЛОВ. «ФОТОПОРТРЕТ 42-ГО ГОДА». Невыдуманный рассказ.

11 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ. Александр БАЛИН. «НЯНЯ».

12 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. «ДУНАЙСКАЯ ВЕНЕЦИЯ». Фотоочерк Леонида ЖУХОВИЦКОГО и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

14 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

18 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».

20 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ. Алексей КОРЗУХИН. «РАДУГА В НЕНАСТЬЕ».

23 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

24 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

27 СПАСИБО ЧИТАТЕЛЯМ! НОВЫЙ УРЕНГОЙ: КНИГИ СОБРАНЫ — БИБЛИОТЕКА РАБОТАЕТ!

28 МИР КАПИТАЛА: ИДОЛЫ ВМЕСТО ИДЕАЛОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрушов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

редупреждаю сразу: в истории, которая будет сейчас рассказанна, мне далеко не все ясно, придется думать вместе. Пройдя по всей управленческой цепочке — от бригады до союзного Госплана, я, смею думать, нашел экономическую подоплеку дела, но мне непонятна яркая личность, которая стоит в самом начале цепочки.

Мы встретились, когда он только что вернулся со смены. Во всей лесной отрасли в ту пору было только шесть бригад, сумевших досрочно выполнить пятилетку, и одна из них — его. За то ему громкая слава. Славу свою он добыл горбом: по лицу, рукам, позади, сколь нелегким был его обычный трудовой день.

Привыкший уже к тому, что наш брат, журналист, задает одни и те же вопросы, он дельно и складно рассказывает о товарищах по бригаде, о технике, о совмещении профессий.

Все это важно, однако мне надо задать ему странный, если хотите, некороткий вопрос: а зачем он торопился выполнять свою пятилетку? Он с товарищами нарубил много леса, в нынешнем году взялся нарубить еще больше, но для чего? Не может же он не видеть того, что видят все, о чем с болью говорят и на собраниях и в семьях: рубки эти лишние, немалая доля заготовленного леса никому не нужна.

Чтобы понять, почему так случилось, надо вернуться к событиям многолетней давности. В Иркутской области, по берегам таежной речки Чуны, растет лучший в мире лес — знаменитая ангарская сосна. Бывшее Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР решило развернуть здесь крупные заготовки и одновременно построить комбинат для переработки древесины. Но одновременно не получилось — пуск комбината опоздал на шесть лет, да и сегодня он потребляет только половину заготовляемого для него сырья. Куда же деть другую половину? По ходу дела приняли решение вывозить продукцию на запад, в европейскую часть страны. Затея удалась не вполне — за всю прошлую пятилетку заготовительные объединения «Лесогорсклес» и «Чуналес» получали в лучшем случае 80 процентов потребного количества вагонов. А поскольку план заготовок исполняется гораздо исправнее (при нынешней технике дерево свалить — пара пустяков), год от года растут запасы невывезенного леса. Между тем продукция эта скоропортящаяся. В бассейне Чуны сгинуло уже около миллиона кубометров готовой древесины.

Трудности на транспорте известны, глубоко осознаны. Вы, наверное, помните, как остро

был поставлен вопрос о них в Отчетном докладе товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС. Меры, причем весьма основательные, уже принимаются, но это задача не одного дня и даже не одного года. А пока нам надо сделать самое простое — не валить лес, который все равно нельзя вывезти, или, говоря на языке экономики, согласовать планы рубок с реальными возможностями транспорта.

Теперь, надеюсь, ясен смысл вопроса, который я задал бригадиру. Он понял все с полуслова:

— Да уж чем так гноить лес, лучше бы вовсе не рубить.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Василий СЕЛЮНИН

— Для чего же рубили?

— А что вы от нас хотите? Есть план, есть дисциплина.

Все правильно — дисциплина. А, с другой стороны, какое к черту правильно, когда миллион кубометров народного добра превращен в пыль, в прах, в ничто? И это ведь сделано не без его участия. Взглянем на вещи просто: бессмысленные рубки вел именно он. Как тут рассудить, герой он или совсем наоборот?

Случай, конечно, редкостный, но заставляет задуматься. Часто говорят так: каждый должен добросовестно исполнять свои обязанности, быть дисциплинированным, аккуратным на своем рабочем месте — и тогда все пойдет у нас, как надо. Но вот жизнь подсовывает опровержение: люди показали высочайший образец труда как раз на своих рабочих местах, а вышел конфуз. Нет, видно, маловато одной добросовестности, необходимо понимание исполнителем высшего, конечного смысла труда на благо общества.

Читатель вправе возразить: в общей форме это, конечно, верно, однако каким образом приложить такое правило к живой жизни? Как же все-таки надо было поступить бригадиру и его товарищам?

Откровенно говоря, не знаю — когда речь идет о нравственной позиции, тут каждый обязан решать сам за себя. Но одно я знаю определенно: если ты выбрал позицию, если в своей правоте уверен, твоя совесть подсказ-

ТАМ, ГДЕ ДЕЛО СПОРТИСЯ, ВСЕГДА ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ.

Фото Юрия УСТИНОВА

жет и действия. К счастью, мне здесь незачем фантазировать, домысливать — действия предприняты именно рабочими.

Сам бригадир посоветовал мне поговорить с Николаем Семеновичем, шефом, депутатом поселкового Совета. Разыскал я его на заседании Совета. Узнав о цели визита, Николай Семенович немедленно решил использовать заезжего корреспондента на полную катушку:

— Зачем откладывать разговор? Давайте прервем заседание и обсудим все вместе.

Разговор получился долгим и трудным. О фактах порчи леса узнал я здесь больше, чем за всю остальную командировку. Глубоко

потерь, а добро, прошедшее через его собственные руки. К тому же ему незачем приукрашивать положение, скрывать что-либо из боязни личной ответственности. Теперь понятно, какую громадную роль играет в хозяйстве краинственная позиция исполнителя.

А дальше события развивались так. По инициативе Николая Семеновича вопрос о лишних рубках обсуждался на партийном борю, об этом сообщено в обкоме партии, в министерство. Позднее, будучи в Москве, я узнал, что по сигналам рабочих уже готовятся решения о том, чтобы привести рубки леса в Чунском бассейне в согласие с возможностями железной дороги.

И не только в этом бассейне. В Минлеспроме мне показали письма рабочих из леспромхозов Архангельской области, Коми АССР, Красноярского края и еще из нескольких мест. Спешу оговориться: дело там не зашло столь далеко, как в Чуне, масштабы потерь гораздо скромнее. Но суть ведь не в размерах беды. То дорого, что люди не по службе, а по душе хлопочут о сохранности каждой крупицы нашего богатства.

А к мнению рабочих отношение у нас особое. Письма прочитаны первыми руководителями министерства, по каждому сигналу предприняты энергичные управленические действия, хотя надо добавить, что пока не всегда достигнут нужный результат.

Не подумайте, будто я призываю по поводу каждого изъяна в хозяйстве писать послания «наверх». Мы ведь с вами рассматривали труднейший случай, когда не месте предотвратить потери не удалось, они допущены как бы на законном основании, по плану. Это, разумеется, не правило, а исключение. А обычно достаточно усилий коллектива предприятия, довольно выработанных жизнью форм, посредством которых осуществляется участие рабочих в управлении производством.

Формы эти известны, все дело в том, чем они наполнены. А уж наполнение зависит лично от тебя, от него, от всех нас. Главное — понять, решить для себя раз и навсегда, как ты понимашь свою рабочую ответственность, кто ты есть — безупречный исполнитель и только или хозяин своей страны. «Рабочему классу принадлежит ведущая роль в управлении государственными делами», — говорится в партийных документах. Убежден: отвечаем мы не за один порученный нам участок общего дела. Нет, за все, что произошло, происходит и только еще произойдет при нас, на наших глазах.

неверно мнение, будто в экономике сверху виднее. Да, действительно обидная, возмутительная бесхозяйственность допущена тут вследствие управленических просчетов. Однако можно как-то понять и плановиков. Задумаемся, что получилось бы, если бы они с самого начала уменьшили задание по заготовкам леса. Тогда пришлось бы сокращать планы строительства, производства бумаги, мебели — короче, во всех отраслях, потребляющих лес. А ведь народное хозяйство не может ориентироваться на отстающее звено. Плановики исходили из потребностей экономики и рассчитывали на улучшение работы транспорта. Тут еще не было прямого просчета, содержалась лишь возможность его. События могли повернуться и так и здак. Разверстывая общее задание по районам заготовок, Минлеспром выдал чрезмерное задание сибирским лесорубам, которые отправляют продукцию как раз по наиболее перегруженным магистралям. И возможность просчета превратилась в ошибку. Дойдя до исполнителей, ошибка стала уже явной несуразностью.

Такая раскладка вообще характерна: то, что на верхних этажах выглядит как некоторая несбалансированность плана, внизу может обернуться абсурдом, нелепостью. А именно здесь и действует рабочий человек. На его долю в подобном случае выпадает самое неприятное. Он острее чувствует недадное хотя бы потому, что упомянутый миллион кубометров для него не цифра в отчете

СОЮЗ НАЧАЛ И ИТОГОВ

смена

Работа
как дело
жизни

Вячеслав МЕНЬШИКОВ,
директор Ставропольского
завода поршневых колец

— Вячеслав Иванович, у колечников бытует присловье: сказки мне, сколько моточасов живут твои кольца, и я скажу тебе, как ты работаешь...

— А можно рассуждать и иначе: покажи мне, как ты работаешь, и я скажу, какие кольца ты делаешь. Кстати, именно так рассуждают те, кто больше других заинтересован в качестве продукции — потребители. Замечали, видимо, что сейчас многие, прежде чем приобрести изделие, узнают, когда оно изготовлено. Если в конце месяца, квартала, года — предпочту другое. Потому что знают, как работают в это время иные предприятия, когда штурмуются планы и программы. Знают, к какому качеству ведет подобная работа.

И мне представляется, что в такой последовательности — от как к какой — ухвачен более емкий и точный смысл, чем в той, что припомнилась вам. Почему?

Даже предприятие, на котором не отложено производство, может, поднажужившись, да еще при счастливом стечении обстоятельств, выдать партию качественных изделий. Или отработать за счет других качества той или иной модели. Так правомерны ли будут комплименты в адрес такого предприятия? И потом, у подобного качества не будет главного — стабильности. Оно может рухнуть в любой момент — стоит измениться ситуации или людям устать работать в ненормальных условиях. Такое положение не гарантирует качества в будущем, при переходе к выпуску новой продукции.

Вот почему в трудные для нашего завода дни борьба за качество продукции была прежде всего борьбой за качество работы всех звенев предприятия, всех его служб. Оно должно было стать той основой, которая не даст качеству наших колец прыгать вверх и вниз, а будет подталкивать его только вверх. Тем более, что качества многих моделей вообще нельзя было добиться, не научившись работать по-новому.

— Качество работы. Из чего оно складывается, на ваш взгляд?

— Разумеется, из технической оснащенности предприятия, степени совершенства технологии. Но сейчас я хотел бы выделить и другие моменты. А именно: отношение людей к делу и отношения между людьми, занятыми этим делом. То есть речь идет о стиле работы и внутреннем климате коллектива. О производственной культуре.

— Вернемся на девять лет назад. Завод выполнял тогда план едва на половину: текучесть, прогулы. А качество изделий... Да, собственно, не было никакого качества. За несколько дней до вашего прихода на завод Госстандарт остановил его на 14 суток. Сейчас завод стал буквально другим: половина поршневых колец идет со Знаком качества.

— По отчетам завод действительно выглядит другим, а между тем основной контингент работающих прежний. Мы его сохранили. Потому что хронические прогульщики, бракоделы, злостные нелюбители дисциплины — это малая часть в любом трудовом коллективе. Под силу ли им «делать погоду» не то что по заводу, но и даже в цехе? Нет, конечно. Другое дело, что не только они срывают планы и гонят брак. В такую работу оказываются втянутыми и люди, которые хотели бы и могли работать по-другому. Переменить настроения этой, основной, массы, дать ей раскусить смысл и почувствовать вкус настоящей, творческой работы, суть соревнования — вот какую цель поставили мы перед собой.

Очень большие надежды возлагали на реконструкцию, на ввод новых производственных мощностей. Но эти надежды оказались обманутыми: строительство нового корпуса затянулось. Тогда основной упор был сделан на техническое перевооружение, совершенствование технологии, устранение тяжелых ручных операций. Мы стремились решать как текущие, так и перспективные задачи комплексно и научно обоснованно. Нужен был творческий поиск всех специалистов завода, и здесь нам очень помогло движение «Каждому инженеру — личный творческий план». Эффект выполнения творческих планов многих специалистов оказался весьма значительным. Причем, когда внедрение новинок требовало солидных организационно-технических мероприятий, создавались творческие бригады.

Одновременно завод осваивал КСУКП — комплексную систему управления качеством продукции. Система охватывала все наши службы, всю деятельность коллектива. Были разработаны стандарты предприятия и система бездефектного труда, проведена реорганизация служб контроля. Стали регулярно проводиться «Дни качества». Неослабное внимание уделялось совершенствованию организации социалистического соревнования. Соревнование должно создавать атмосферу на предприятии. Такую, чтобы именно работа делала человека главным лицом на предприятии. Чтобы человек, работающий не так, чувствовал: он вне коллектива, вне моральных законов, которыми живет завод. И знаете, не многие согласились пойти на такое испытание.

СОЮЗ НАЧАЛ И ИТОГОВ

Важно было не пропустить желания любого работника качественно изменить свой труд. Будучи замечен и отмечен, порыв уже не затухает, а придает новые силы. Сегодня все наши специалисты и рабочие имеют пятилетние паспорта эффективности «Мой личный вклад». В них подробно записываются обязательства, делаются регулярные отметки о выполнении. С их помощью мы не только отмечаем работу каждого — люди еще и учатся строго и ответственно относиться к своему рабочему слову. Пустопорожние обещания уже не остаются незамеченными.

И, наверное, поэтому у нас умножаются хорошие традиции, рождаются инициативы. Одна из них — работать без отставших; в последние годы на заводе нет бригад, участков, цехов, срывающих выполнение плана. Отметим такую деталь. Как в ходе разработки пятилетнего плана, так и в период его выполнения главный акцент делался на то, как достичь наилучших конечных результатов при наименьших затратах.

Что все это дало? Присвоение Знака качества алтайскому поршневому комплексу — основному виду продукции, практически прекратились рекламации и нарекания по качеству наших изделий.

Система позволила изменить во многом само содержание труда и отношений в процессе труда как рабочих, так и инженеров. Куда более строгим стал и самоконтроль каждого заводчанина.

После выступлений «Смены»

«НАДО Б ЛАМПОЧКУ ПОВЕСИТЬ...»

Старооскольский горком ВЛКСМ, комитет комсомола объединения «Электрометаллургстрой» совместно с заинтересованными организациями провели определенную работу по устранению недостатков, отмеченных в корреспонденции «Надо б лампочку повесить...» (журнал «Смена» № 23, 1980 г.).

В феврале текущего года в одиннадцатом общежитии открыта столовая, ведется ремонт жилых и подсобных помещений, советом общежития организовано социалистическое соревнование на лучший этаж, комнату образцового порядка.

Общежития объединения «Электрометаллургстрой» укомплектованы кадрами воспитателей, разработан перспективный план учебы воспитателей, председателей советов общежитий. При горкоме ВЛКСМ создается координационный совет по работе с молодежью, проживающей в общежитиях. В функции совета войдет координация работы общественных, административных, хозяйственных органов: обучение воспитателей, председателей советов общежитий; подготовка и издание методических материалов об опыте работы по месту жительства.

В целях оказания практической помощи в организации и проведении политico-воспитательной работы обком ВЛКСМ регулярно направляет в Старый Оскол агитационно-пропагандистские группы, в

— Перспективы и резервы здесь открылись значительные. Как коллектив смог использовать их с еще большим толком для дела?

— Какая организация работы сулит максимальные выгоды, мы уже знали — бригадный подряд и рабочее самоуправление. Живем-то не на острове. И о Злобине с Сериковым и о Калужском турбинном заводе знали немало. Но недостаточно быть самому убежденным в том, что подряд у нас необходим и возможен, надо было убедить в этом людей завода. Заразить их желанием работать по-новому. Просто? Как бы не так! Ведь надо было менять, а то и попросту ломать — а люди-то живые, им и больно бывает! — прежнюю психологию, закосневший стиль работы, въевшийся внутрь отношение к общему делу, к нуждам других. Знаете, сколько занял у нас подготовительный процесс к переходу на подряд? Около двух лет.

— С чего же он начался?

— С самого доказательного — строгого и честного эксперимента.

Первой, образно говоря, получила «в аренду» участок бригада с законченным циклом.

З бригадой закрепили необходимое количество станков, довели до них план и выдвинули непременное условие: коллектив отвечает абсолютно за все на участке. Хозяйничайте. Необходим маневр в расстановке кадров — пожалуйста. Но и бракодела сами воспитывайте, сами расплачивайтесь за него. А оплатят предприятие участку лишь высококачественные кольца. Сколько сдадите — столько и получите. Кому сколько, тоже рассудите. Коэффициент трудового участия сами определяйте.

Еще за год до перехода на подрядный метод бригада мастера Анатолия Лапина редко когда 14 тысяч колец в смену выдавала. Качество то хуже, то

лучше. Сейчас в бригаде не 35 рабочих, а 27. Выработка на тех же станках — 20 тысяч колец в смену.

Как-то разговорился я с наладчиком механического цеха Иваном Солгаловым. Он мне без обиняков заявил: «Когда получал «голый» оклад, кто и как работает, меня как бы не касалось. Мое дело станок отладить. Больше ли станок простит, меньше ли — мне-то что? На подряд же, чем больше и лучше бригада сделает, тем больше и я заработкаю. Потому слежу не только за станками. Меня волнует все. Заболел товарищ, не пришел на смену, я встаю к станку. Мне бригада нужна, я — бригаде».

Замечаете? Это уже не просто вы-свобождение рабочей силы и рациональное ее использование. Тут уже главное — желание, стремление. А появилось оно у коллектива, и решились проблемы качества, нехватки кадров, текучести, нарушений трудовой дисциплины.

— Однажды местные журналисты поспорили с Анатолием Лапиным, что найдут на участке брошенные и никому не нужны кольца. Основания на то были. Прежде кольца в буквальном смысле слова валялись под ногами. Их пинали в сторону, мастер накричит — поднимут...

Как ни спорил Лапин — мол, что было, то прошло, — гости стояли на своем. Тогда Лапин достает из кармана бумажник и говорит: «За каждое найденное кольцо на территории участка плачу рубль. Идите, ищите. Уйти-то его отпугнете ушли, да не вернулись. Зачем же возвращаться с пустыми руками...

— Рабочий на этом участке стал хозяином.

Чем раньше занимался мастер?

Всем без исключения: брак, снабжение, дисциплина. Мотался по участку всю смену. Он же времени подумать, как лучше организовать ход работы, не имел. Он заставлял ее двигаться хоть как-нибудь. Есть прогул в смене — сам к станку. А приписки? Наша экономистка даже коэффициент не-гласно завели, сколько надо сбрасывать со сменного показателя — вот как! Спросили бы раньше Лапина о самых главных проблемах на участке, он бы ответил: качество, текучка. Сегодня в его бригаде — очередь из желающих в ней работать. Качество изделий? Безупречное.

Знаете, что для меня лично самое важное в рекордных достижениях бригады Лапина? Их, если хотите, обыденность. То, что достигались они не напряжением сил, а нормальной работой. Но возможна такая работа только как результат высокой культуры производства.

— Знакомясь с участком, бригадой, сравнивая ее вчерашнюю работу с сегодняшней, понимаешь: прежде и у хороших работников были, так сказать, «основания» трудиться хуже, чем можешь. И главное — уравненность. Конкретный исполнитель, создатель не выделялся. Не был замечен. Потому и качество работы многих не очень волновало — авось, не хуже других. А если и хуже, никто не отметит. Теперь усилия каждого четко просматриваются. Теперь, сработав некачественно, человек подводит всю бригаду. С легкой душой на такое пойти сложно.

— Но и после такого успеха были сомневающиеся. Участок не абсолютный показатель. А вот окажет ли такое влияние на качество работы бригадный метод в условиях, скажем, цеха?

И тогда мы решили внедрять бригадный метод в механическом цехе. В цехе, где работает едва ли не половина завода, который, собственно, и делает план. Не просто экспериментировали,

а выхода другого не видели: цеху предстояло увеличить выпуск колец более чем на несколько миллионов штук. Причем на тех же площадях и практически с тем же количеством станочников. Нужен был качественный скачок в организации и стимулировании труда.

— Очевидно, очень важно было добиться умелого сочетания моральных и материальных стимулов?

— Разумеется. Ведь деньги — это мера труда человека. Ими оценивается его качество, а значит, и сам человек как специалист и личность. Но только сам по себе заработанный рубль — слишком скучная оценка всей деятельности работника, его отношения к делу.

— Электрогазосварщик Казанского компрессорного завода В. Добрынин писал в одной из центральных газет, что на их заводе зарплата в среднем на 50 рублей выше, чем в целом по городу. И жилье строили там хорошо, быстро. А каждый год с завода увольняются 1000 человек — столько же, сколько поступает. Приходят люди вроде бы за жильем, за заработком, но, не встретив простого человеческого тепла, душевного участия в радостях, заботах и бедах, отказываются от высокого заработка и направляются туда, где рассчитывают на лучшее к себе отношение, туда, где они будут ощущать себя не просто исполнителями, а товарищами по работе.

— Мы провели у себя опрос на тему: «Что, по вашему мнению, побуждает ваших товарищей работать качественно?» Конечно, были названы и материальные интересы. Но в огромном большинстве случаев назывались: рабочая честь, ответственность перед коллективом, желание принести больше пользы, важность выпускаемой продукции. Многие заметили, что иначе не получаешь удовлетворения от работы. Кстати, такие мотивы, как боязнь наказания, карьера, встречались редко.

— Значит, атмосфера на предприятии стала такой. И «делают» эту атмосферу...

— Партийная организация... Нашей заботой стали прежде всего бригады и их советы. Советы, которые избираются из числа лучших рабочих. Советы, которым предоставлены немалые полномочия. Совет утверждает коэффициент трудового участия, от которого зависит размер премий, определяет, кому повысить разряд, установить доплату за мастерство и совмещение профессий, кого признать победителем соревнования внутри бригады, выдвинуть кандидатом на цеховое и заводское поощрение. Без ведома совета на заводе не примут и не уволят члена бригады, он же, как говорится, вершил суд над бракоделами, нарушающими дисциплину. Через советы бригад и бригадиров на предприятии привлечены к непосредственному и активному участию в управлении производством сотни самых авторитетных рабочих.

Можно смело утверждать: бригадный метод заставил пересмотреть не только традиционные принципы планирования и организации производства. Он вдохнул свежую струю во все стороны деятельности коллектива. Крепнет содружество рабочих и инженеров, объединяющихся в творческие группы. На новую ступень поднялось и наставничество — оно стало коллективным. Замечено, что курс ученичества в бригадах значительно короче индивидуального.

— Коллективу, так же как и отдельному человеку, надо знать себя, планомерно расти, формироваться,

Владимир ГЕРАСИМЕНКО,
секретарь Белгородского
обкома ВЛКСМ

последовательно ликвидировать в микроклимате все, что людей разъединяет. Даже если это «мелочь», вроде бы временное явление. Еще из школьного курса физики мы знаем: достаточно малейшего воздушному пузырьку попасть в масло, которое используется в прессе, и работа его значительно ухудшится. Все те гигантские силы, которые можно было пустить в дело, теперь будут направлены на сжатие злосчастного пузыря.

— Точно так же, чтобы коллективный разум, устремления каждого были направлены на общий конечный результат, на эффективный и качественный труд, надо добиваться, чтобы в сфере человеческих отношений было свежо, легко дышалось! А сам собой такой микроклимат не возникает — он создается.

Каждый умудренный жизненным опытом руководитель, по сути, так и поступает — он буквально создает коллектив день за днем. Ведь если присмотреться, не руководитель же командует, не он призывает или поощряет. Все это имеет силу лишь постольку, поскольку отражает коллективное мнение. Связь микроклимата, традиций коллектива с трудовыми результатами очень тесна.

— Знаете, о чем я вдруг подумал? Спросите на любом заводе Ставрополя: где самые преданные, дружные болельщики? Скажут: у колечников. Даже примета появилась: директор на трибуне стадиона — победа! У вас, Вячеслав Иванович, и золотой значок ГТО есть.

— Когда я принял завод, сразу про себя решил: обязательно построим спортивный комплекс. Методом народной стройки, всем заводом, семьями, на субботниках и воскресниках строили его. Трудно было. Зато теперь спортивный комплекс 18 часов в сутки работает. Мы самое дорогое получаем стоящее: здоровье, отличный тонус, желание наполненно жить. Колечники болеют гораздо меньше, чем рабочие других заводов. Есть и еще результат массовости: коллектива живет одними общими интересами и после работы. Это очень важно, это сближает людей, заставляет относиться друг к другу бережнее, что ли. Как, допустим, подвести завтра смежника, если вчера «сражался» за честь завода на волейбольной площадке или болел от всей души за него с трибуны?

— Порой решение социальных вопросов воспринимается слишком узко — как нечто, связанное лишь с удовлетворением потребностей человека...

— Во всем комплексе работ по внешнему управлению качеством трудно с полной уверенностью выделить те резервы повышения качества, которые дают наибольший эффект. Где их больше: на предприятиях или за его пределами, в городе, районе? Стремление коллективов предприятий планировать только «на себя», создать только у себя «лучшую жизнь», не учитывая интересов развития города, «не проходит». Необходимо и в городе создавать благоприятные условия труда, отдыха, повышения образования, квалификации и т. д. Вот, к примеру, нам «резали» автобусную линию, а больше к нам не идет ни один вид транспорта. Нужно видеть лица рабочих утром у проходной. По нашим предположениям, процентов 8—10 производительности труда в первый час работы мы теряем, качество тоже снижается. Вот элементарная арифметика, во что обходится государству срезанный маршрут. Однако мы добьемся его восстановления. Непременно.

Без создания хороших производственных и культурно-бытовых условий

нельзя создать крепкий коллектив с устойчивым составом и хорошим микроклиматом. Поэтому параллельно совершенствованию производства на заводе осуществлялась большая программа социального и культурно-бытового строительства.

Завод старается, чтобы свободное время рабочего было свободно. Тебе надо закупить продукты? Пожалуйста. Относительно дефицита к твоему столу ломать голову должен не ты — работай спокойно, — а тот, кому завод поручил хлопотать за тебя. Чистка одежды? Ремонт обуви? Гарантируем и это. Билеты в ближайшие кинотеатры — не беспокойся, всегда готовы. Подлечить зубы — осуществимо. Завод гарантирует после работы большой выбор занятых, более достойных, чем стояние в очередях за покупками, товарами и услугами. Вместо этих выставлений — занятия поэзией, музыкой, спортом.

И такая деталь: посторонним вход на такие мероприятия не закрыт — пусть идут. Пусть смотрят. Ничего, что они пока посторонние. Походят, посмотрят и, глядишь, потянутся сюда на работу.

— Видимо, и поэтому ваш завод не страдает от текучести кадров. Больше того, является, по существу, комсомольско-молодежным — двум из каждого трех рабочих не исполнилось и тридцати лет.

— Есть у меня «крестник». Как-то докладывает пост охраны, что задержан подросток, пытающийся перелезть через забор завода уже с территории. Доставили его ко мне. Стоит, голову опустив, рукавистый такой, волосы до плеч, а туфли нечищены. Зачем же лез, спрашиваю? Оказывается, он меломан, ему нравится наш магазин грампластинок. Есть у нас такой. Выбор, мол, есть, и продавец не прогоняет, слушай на здоровье.

Значит, сработала наша задумка, верна идея. И свой клуб любителей современной музыки мы создали. Шефствует над ним комитет комсомола. Надо же открыть двери ребятам, интересующимся музыкой. Это же здорово, когда есть интерес, есть страсть. Значит, надо помочь. Чем ярче, богаче будет личность рабочего, тем лучше и работать он будет. Его внутренняя культура не позволит ему работать плохо, кое-как. Это и есть искомый результат. Вот почему нам на заводе нужен не только гастрономический магазин.

Мы рассматриваем процесс адаптации работников несколько шире, чем это принято обычно. Ведь фактически мы можем целенаправленно воздействовать на процесс формирования личности будущего работника и в подведомственном детском саду, и в подшефной школе, и в ПТУ, и в техникуме или вузе, где наших стипендиатов становится все больше. Все эти этапы становления личности определенным образом стимулируются предприятием — морально и материально. Коллектив как бы авансирует и моделирует будущего работника, создавая для него возможности роста на протяжении многих лет.

— Какую роль играет в этой работе заводской комсомол?

— Раз в неделю у меня в кабинете общезаводская планерка. Приходят главные специалисты, начальники цехов, руководители служб. Минут за пять нет-нет да и взгляну на третий справа от меня стул. Это место Любы Кобозевой, секретаря комитета комсомола. Без ее присутствия никак нельзя, не получится планерка полноценной. Мне важно знать не только причину брака в литейке или процент выполнения норм рабочимиочных смен. Мне необходимо держать руку на пульсе настроев комсомольцев и

молодежи. Вот почему на общезаводской планерке можно услышать о качестве... вечера отдыха в минувшую субботу, отчет начальника цеха о качестве... учебы его молодых рабочих в вечерней школе. Словом, секретарь комитета комсомола — мой заместитель по будущему. Определение «по будущему» можно, конечно, и в шутку обратить, но каждый на заводе знает, что вторая часть «мой заместитель» — хоть и нет в штатном расписании завода такой должности, — существует реально. И действует комсомольский секретарь со всей вытекающей из этого звания ответственностью.

Комитет комсомола искал себя немало времени. Завод становился на ноги, менялся и стиль работы комитета. Он, если хотите, от общих, абстрактных призыва перешел к конкретным делам.

Например, его вклад в решение проблемы качества.

Как-то пришли ко мне члены штаба «Комсомольского проектора» с вопросом, где они могли бы быть наиболее полезными. Зашли на минутку, а засиделись допоздна. Очень интересным получился разговор. Они принесли предыдущие выпуски «КП», «молний», «тревоги» — все вроде бы правильно: бракоделов бичуют, пьянки и прогульщиков высмеиваю, но... Не взяется это с реальной картиной появления брака. Он идет в основном от молодого рабочего, новичка. Идет при всем его старании. В чем же дело? А в том, что все же затягивается у нас процесс адаптации. Вынесли эту проблему на расширенное заседание комитета комсомола. Там же ребята решили организовать школу молодого рабочего. Чему в ней учат? Истории завода, традициям, нашим неписанным законам. Лучшие рабочие завода делятся секретами. Спортсмены приглашаются в секции, артисты — в самодеятельность. Ну и так далее. Но главное — новичка знакомят со всеми ситуациями, в которых возможен брак. Эти ситуации как бы проигрываются заранее, анализируются. Тут же — грамотные советы, как выбираться из сложного положения.

Что же изменилось за время существования школы молодого рабочего в общей картине реального брака? «Брак по неопытности» снизился. Но вичок уже через три-четыре месяца начинает работать в полную силу.

— Не могли бы вы привести тут конкретный пример?

— С удовольствием. Причем давайте учтем и то, что большинство работающих на заводе — женщины. Любовь Гандрабурова работает в механическом цехе. В начале 1979 года ее выработка составляла 65, 83, 98 процентов в месяц. Через год — 115, 124, 127 процентов соответственно. Заработок вырос у нее со 120 рублей до 200 в месяц. Любовь сама уже может «преподавать» в школе молодого рабочего. Она свой человек в коллективе. Ее бригада на отчетно-выборном комсомольском собрании предложила открыть заводскую комсомольскую копилку в честь XXVI съезда КПСС. Свои обязательства молодежь, весь коллектив с успехом выполнила.

Заканчивая наш разговор, хочу подчеркнуть: работать качественно естественно для человека, осознавшего себя мастером. Мастерство — это, собственно, и есть качество. Но мастер не тот, кто накопил какое-то определенное умение. Мастер — это и нравственная категория. Человек, плохо делающий свое дело, не может сейчас ощущать себя человеком нравственным, каким бы замечательным ни был он за пределами предприятия. Однажды пятилетка всем нам предъявляет высокий счет. Наши достижения возможны лишь на основе дальнейшего повышения эффективности производства и роста производительности труда.

Беседу вел Валерий КУЦ.

В усложнившихся условиях сегодняшнего производства крайне важен нравственный облик каждого работника, его отношение к товарищам, к труду, к жизни. Борьба за качество обнимает гораздо большую сферу деятельности, чем может показаться поверхностному взгляду.

Мужчина с блуждающим взглядом, небритый, неприбранный, с дрожащими в мелкой тряске руками приближается к станку. Вчера он сильно выпил. Мысли его — об опохмелке... Можно такого допускать к работе? Можно ожидать от него производительности, не говоря уж о качестве?..

А какую ценность представляет личность, помышляющая лишь о выгодной работе, о выгодном заказе, заранее подсчитывающая изящную изду? У иных забота сперва об оплате, о деле — после... И пусть такой владеет ремеслом хорошо, но он же, имея в виду только интересы собственного кармана, никогда не станет болеть душой за общее дело, не поможет другому, не станет ни до, ни после гудка соображать, как сделать, чтобы получилось получше у всех, и именно поэтому нам небезразлично, как рождается изделие — ценой ли творчества, души или по меленькому расчету поднаторевших рук!

Да, речь не только о профессиональных, но и о моральных «вложениях» в дело, если хотите, в жизнь.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственных премий

А что, по вашему мнению, нужно для того, чтобы работать качественно? Что мешает так трудиться? Что здесь зависит лично от вас, а что — от коллектива? Какое влияние оказывает работа на самочувствие человека, на отношение к нему в рабочем коллективе? Ждем ваших писем.

«ПОРЯДОК В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ!»

«ВСЕ НАВЕРХ!»

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ...

«ПО МАШИНАМ!»

XXVI

ВСЕ СЮДА ПОС- ВОЙСКА!

Владимир СИДОРИК,
полковник, член бюро ЦК ВЛКСМ, делегат
XXVI съезда КПСС

Эти дни со мною навсегда. Пройдут годы, придут другие события, неизвестно, какой поворот примет судьба. Одно известно: время на всю жизнь запечатлено в памяти февральские и мартовские дни восемидесят первого, когда вместе с другими посланцами нашей более чем семнадцатимиллионной ленинской партии мне выпала честь участвовать в работе XXVI съезда КПСС, обсуждать вопросы исторической важности. С гордостью за наши славные Вооруженные Силы, за воинов армии и флота слушал я строки Отчетного доклада, где давалась высокая оценка людям ратного труда, абсолютное большинство которых — комсомольцы и молодежь. Это они продолжают сегодня традиции, рожденные в пламени боев за Республику Советов. Это они в каждодневном ответе за счастье Родины, за мир на земле. И когда думаешь так, сердце неизменно диктует знакомые строки:

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
ОТЛИЧНО СПРАВИЛОСЬ
С ПОСТАВЛЕННОЙ
ЗАДАЧЕЙ.

Отец,
Я все запомнил свято.
Во имя памяти твоей
Я пронесу в душе солдата
Твои бои,
Твоих друзей.
А если вдруг (все может статься)
Наступит снова грозный час—
Мы будем по-отцовски драться,
Взяв смелость, мужество от вас.

Эти стихи написаны нашим современником — солдатом послевоенных лет. В них само назначение молодого стражи Отчизны: продолжать дело старших поколений, приумножать их ратный подвиг, быть, как и они, в постоянной готовности отдать всего себя делу Ленина, делу Великого Октября. Воспитанные партией, взращенные комсомолом, молодые воины беспредельно верны своей стране, идеалам социалистического содружества. И как символ этой верности горит на груди многих из них комсомольский значок.

Неразделимы судьбы армии и Ленинского комсомола.

Ленинскому комсомолу сегодня — за шестьдесят. Но по сути и характеру своему он всегда останется молодым, устремленным в день завтрашний, отвечающим по-солдатски «Есть!» на призыв Коммунистиче-

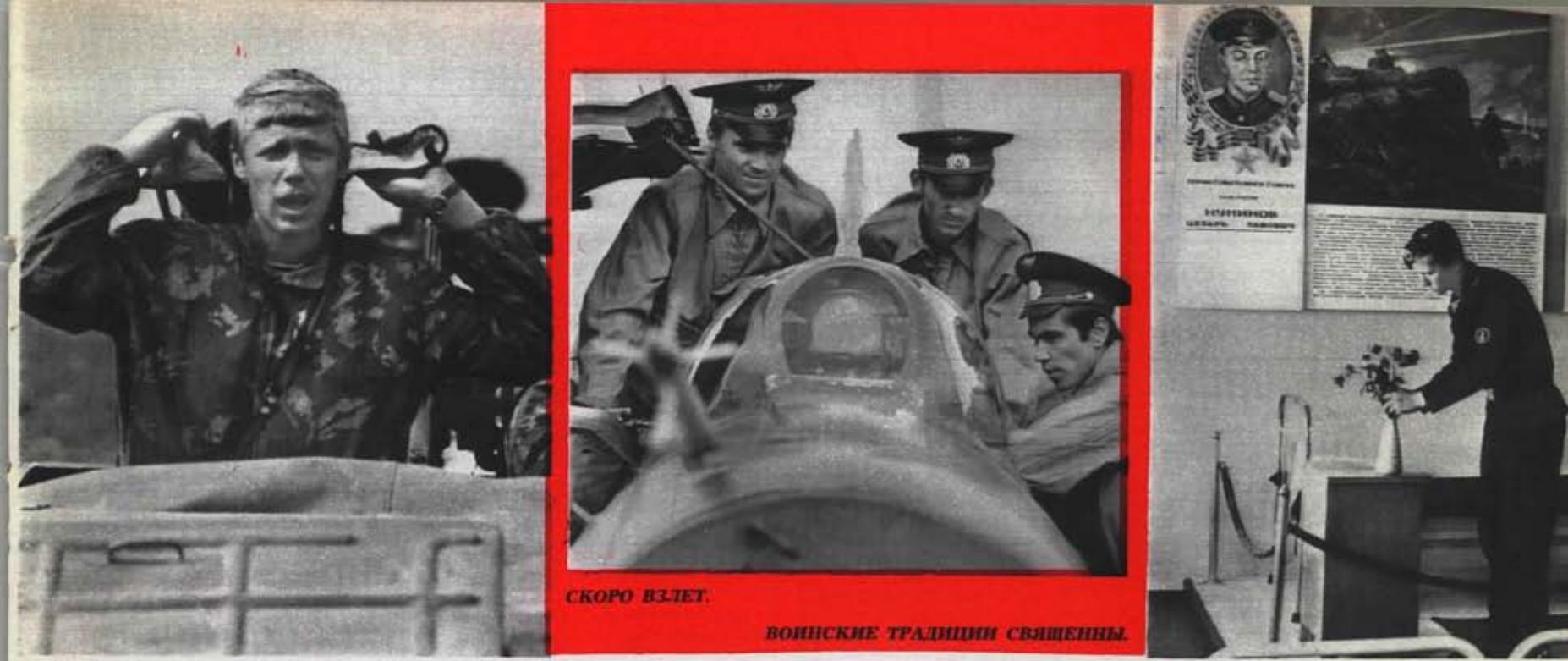
ской партии. Сколько бы лет ни прошло, но мысленным взором своим мы вновь и вновь увидим несгибаемого Виталия Бонивура, лихо мчащихся на врага молодых красных конников, полыхающие флаги непокоренного Краснодона, ощутим накал бывших сражений, услышим отзвуки далекого боя.

Принято считать: языки арифметики сух и лаконичен. Но давайте еще раз задумаемся над некоторыми цифрами. Около двухсот тысяч комсомольцев и молодых воиновшли огневой дорогой гражданской войны, пять тысяч комсомольцев за героизм в боях отмечены высшей наградой республики — орденом Красного Знамени. За этими цифрами — жизни, ставшие легендами, вошедшие в песни, в боевую летопись армии и комсомола. «Лучше с честью пасть в открытом бою, чем снова лечь под кровавую пяту буржуазии. Теснее сплотим свои ряды, крепче сожмем в руках винтовки и дадим грозный отпор врагу». Так присягала юность далеких и незабываемых двадцатых.

...Перевернем еще одну страницу нашей общей биографии. Тридцатые годы... Уже в начале их в рядах армии постигали науку побеждать 250 тысяч комсомольцев, а в конце — более 405 тысяч. Массовой формой пропаганды военных знаний, замечательной школой патриотического воспитания юношества стал военный экзамен. Молодым людям нынешних дней результаты его могут показаться не столь внушительными: время другое, масштабы иные. Но тогда, в

СЛУЖУ СО

СКОРО ВЗЛЕТ.

ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ СВЯЩЕННЫ.

ВСЕТСКОМУ СОЮЗУ!

конце тридцатых, более двух миллионов человек с честью выдержали этот экзамен, заслужили значки ГТО, доказав свою готовность к труду и обороне священной земли Отечества.

И когда над этой землей вспыхнуло пламя войны, Ленинский комсомол надел снова солдатскую шинель. Молодежь страны оказалась физически и нравственно подготовленной к смертельной схватке с фашистским агрессором. К июню 1941 года комсомол представлял собой сплоченную вокруг партии, ее Центрального Комитета организацию передовой молодежи, объединяющую 10,5 миллиона человек. Как и в годы гражданской войны, целые комсомольские организации уходили защищать свое Отечество. Документы тех грозных лет обжигают душу и поныне.

Перечитаем некоторые строки, отдав в канун 36-й годовщины Великой Победы светлую дань памяти мужеству отцов и дедов.

«Что может быть почетнее для нас, чем защищать любимую Родину от нашествия гитлеровских банд? Мы обязаны, а потому требуем с полным правом послать нас на фронт. Мы будем мстить врагам с полным сознанием своего долга перед Родиной»,— заверяли молодые москвичи.

«Социалистический строй воспитал в нас мужество и отвагу... У нас зоркие глаза, крепкие мускулы, молодое непокорное сердце. Все эти качества мы отдаем своей любимой Родине, отдаём священной

борьбе с врагом человечества — немецким фашизмом». Эта клятва их ровесников из города Ленина — колыбели Великого Октября.

«От Москвы до самых до окраин...» — пело когда-то юношество в праздничных колоннах. Да, от Москвы до самых до окраин, от студеных северных широт до знойного юга оно вместе с коммунистами, отцами и дедами заслонило путь врагу на огневых рубежах Великой Отечественной. И новые песни придумала жизнь — песни о боевой отваге молодых. Три с половиной миллиона комсомольцев-воинов награждены орденами и медалями за доблесть, проявленную в боях с фашистскими захватчиками. Семь тысяч членов ВЛКСМ и воспитанников Ленинского комсомола удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Более восьмидесяти из них — комсорги Красной Армии. Это они по примеру коммунистов первыми устремлялись в бой, и это о таких, как они, годы спустя скажет один из наших прославленных полководцев: «С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались... Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали».

Молодые помнят. Сменив отцов и дедов на боевых позициях, они стремятся, как учит Коммунистическая партия, перенять существо-их закаленных револю-

ционных характеров, перенять их революционную страсть, их глубокую коммунистическую убежденность, беззаветную преданность великому делу, их огненный романтизм и неугасимую ненависть к врагам революции.

Я встречаюсь с ними в разных уголках нашей Родины и далеко за ее пределами — в средней полосе и там, куда крылья Аэрофлота несут через несколько часов поясов: у дымящих сопок Курил, на голубых румбах океанов и морей, в заоблачной вышине горных перевалов, в сибирских краях, пахнущих ветрами тайги и звенящих задорной комсомольской песней. Посланцы разных областей и республик, порой несходные по своим характерам, они схожи в одном, в основном — в готовности с оружием в руках зорко охранять мирный день страны, священные рубежи социалистического содружества. Это стало смыслом и содержанием их жизни с той памятной минуты, когда они принесли присягу на верность воинскому долглу.

Настал день — страна назвала их одним именем — вооруженный страж Отчизны. Пришел час — поставила в неусыпный дозор у границы, подняла в заоблачную высь, послала на встречу вскипающим штурмам, свела в экипажи и расчеты, одела в спецовку военного строителя. И это их молодыми, сильными руками делается то самое необходимое пока еще для всех нас дело, что воплотилось в строку

Основных направлений: «На должном уровне поддерживается обороноспособность Советского государства». Именно на это нацеливает нас, воинов, и XXVI съезд Коммунистической партии, этого требует уложившаяся международная обстановка.

Действуя под непосредственным руководством армейских и флотских политорганов и парторганизаций, заместителей командиров по политчасти, направляемые командирами-единомышленниками, комсомольские организации проводили и проводят большую работу по идеиному воспитанию молодых воинов, сплочению армейских коллективов, мобилизации их на качественное выполнение учебно-боевых задач. Хроника ударных дел называет нам сотни новых адресов передового опыта, а главной приметой нынешних дней стали такие патриотические начинания молодежи, как «Традиции отцов продолжим и умножим», «Каждому комсомольцу — повышенную классность», «Ночью действовать по дневным нормативам», «Поражать цели с первого выстрела, с первого пуска, на предельной дальности». Каждый из этих и других починов воинов-комсомольцев имеет, разумеется, свой смысл и свою конкретную цель. Традиции отцов полнят сердца сыновей отвагой и мужеством, высокая классность выводит их в победители состязаний с секундомером и нормативом. Однаково четкие действия ночью и днем вселяют уверенность в свои собственные силы, в силу техники и оружия, ну, а цель, пораженная с первого выстрела, — реальная необходимость: ошибка на современном поле боя может обернуться ошибкой сапера для воина любого рода войск. Вот почему техническая вылазка сегодняшнего солдата и матроса — один из основных показателей его боеготовности.

Не случайно мысль эта отшлифована временем в армейские пословицы и афоризмы: «Сила воина оружием удвоена», «Техникой владеешь — врага одолеешь...»

Те, кому довелось посетить выставку НТТМ-80, возможно, обратили внимание на экспонаты, сделанные руками молодых солдат и офицеров. Называю адрес умельцев: часть, где членом комитета комсомола лейтенант С. Гребеньков. Здесь все воины-комсомольцы на десять процентов перекрывают учебно-боевые нормативы. Они активно участвуют в движении «Учебно-материальной базе — комсомольскую заботу». А свыше ста участников этого движения удостоены медалей ВДНХ СССР.

Другой адрес: полк, где комсомольским активистом является старший лейтенант Ю. Егоров. За высокие показатели в боевой и политической подготовке, освоение новой техники и оружия часть награждена переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ.

Приведу еще несколько примеров, которые, на мой взгляд, дают нам представление о том, что значит в современной армии сплав знаний, опыта, отваги.

Бомбардировщик, пилотируемый молодым офицером В. Бурштыном, летел над морем, когда неожиданно создалась сложная ситуация. Бурштын приземлил машину на запасной аэродром. За мужество и находчивость, высокое летное мастерство экипаж был поощрен командующим авиации округа. Остается только сказать, что на все это: соотнести степень риска, выработать окончательное решение, выбрать режим дальнейшего полета, — как показали потом данные объективного контроля, Валерию Бурштыну было отведено 1... Нет, лучше прописью: одна и две десятые секунды!

Отвага, мужество. Ярче всего эти замечательные качества советского человека проявились в годы войны. Иначе и не могло быть. Защита социалистического Отечества, сложная боевая обстановка требуют исключительной силы воли, постоянной готовности к подвигу. Однако и в мирные дни воины совершают поступки под стать героям-фронтовикам.

Рядовой Рахматжан Зулинов, воин Дальневосточного военного округа, в составе очередной смены вновь заступил на пост. Поеживаясь от пронизывающего холода, двинулся по знакомому уже маршруту. Внимательно вглядываясь часовой в начавшую бледнеть черноту уходящей ночи. Конечно, он не мог предположить, что где-то рядом, совсем недалеко от него замышляется недобро.

...Первый час смены приближался к концу. Вдруг внимание и слух Зулина привлек топот ног бегущего человека. В свете фонаря Рахматжан разглядел неизвестного с оружием в руках. Вслед за ним показалась еще несколько человек.

Это показалось часовому странным. Ночью, да еще с оружием, просто так люди бегать не станут. По всей видимости, решил он, совершило преступление. А когда группа приблизилась к объекту на расстояние, считавшееся по табелю постов недопустимым, Зулинов передернул затвор автомата и приказал:

— Стой, стрелять буду!

Неизвестные замерли. Освещенный неровным светом фонаря, часовой был весь на виду у них, как на ладони. Но каждое движение его в этот момент диктовалось солдатским расчетом, желанием образцово выполнить боевую задачу.

Самоотверженность — вот каким словом можно характеризовать его поведение в этот трудный час. Качества такой высочайшей нравственной пробы советские люди всегда проявляют при спасении товарищей, при оказании помощи тем, кого постигло или могло постигнуть несчастье. А Рахматжан Зулинов сразу понял, какую угрозу могут представить вооруженные преступники. И без раздумий вступил в нервный и опасный поединок с ними. И вышел из него победителем.

...Оператор радиолокационной станции рядовой В. Аржанов несл слушку, когда разразилась гроза. В это время где-то в горах потерял ориентировку экипаж самолета. Поступил приказ обнаружить самолет и вывести его на аэродром. Работать в условиях сильной грозы оператору было небезопасно. Но надо было спасать крылатую машину и людей, и Аржанов, не теряя времени, выполнил поставленную задачу.

Нелегко было установить координаты самолета, но вот уже экипаж получил информацию о своем местонахождении, и пилот с помощью радиотехнических средств повел машину на посадку.

...Тревожный сигнал поступил в подразделение: в городе на строительстве новых корпусов обнаружены четыре авиабомбы, их надо обезвредить. Последовал приказ командира о немедленном выезде лейтенанта А. Воробьев и рядовых А. Темирканова и Т. Давлатшина к месту происшествия.

Утро, на редкость в эту пору, было солнечным. Люди жили спокойной, размеренной жизнью. И мало кто знал, что неподалеку шла напряженная работа воинов-салперов.

С предельным вниманием лейтенант и его подчиненные вынимали из траншеи под будущий водопровод опасные находки. Вот на землю ложится одна бомба, вторая, третья... Недолго длился этот поединок. Вскоре взрывобласные предметы были обезврежены. Затем смертоносный груз отвезли в безопасное место. Далеко за городом раздался мощный взрыв.

За умелые действия и проявленные при этом мужество и самоотверженность воины были поощрены командиром.

Отвага, мужество, упорство... Все эти качества проявляются не обязательно в чрезвычайных обстоятельствах. Они присущи абсолютному большинству молодых воинов и в первую очередь тем, кто снискал добрую славу правофланговых социалистического соревнования. Именно их вижу я прежде всего, когда пишу эти строки.

Вижу сержанта Александра Трофимова из Забайкалья — гордость полка, одного из лучших комсомольских вожаков округа. Вижу лейтенанта Александра Самойлова с могучего корабля, идущего холодными северными морскими рубежами в район очередных тактических учений. Немало сделано Александром для обеспечения личной примерности комсомольцев в учебе и службе. Вижу лейтенанта Владимира Поликарпова из ордена Ленина Ленинградского военного округа — одинаково надежного и в работе и в дружбе.

Среди тех, кто по праву считается гордостью армейского комсомола наших дней, надо назвать двух молодых офицеров: старшего лейтенанта-инженера В. Белова и лейтенанта В. Чеботарева. Оба они лауреаты премии Ленинского комсомола.

Для того, чтобы по-настоящему представить масштабы сделанного Виктором Беловым и воинами его строительно-монтажного участка, борющегося заование коллеги коммунистического труда, надо увидеть многоэтажные жилые корпусы, сдаваемые с высоким качеством и раньше намеченных сроков. Тут опять не обойтись без цифр, лучше всяких слов говорящих о трудовом энтузиазме воинов-строителей. План по генподряду участок Белова выполнил на 143 процента. Норма выработки по участку — 132 процента. Себестоимость строительства снижена на 10,8 тысячи рублей. За этими процентами и рублями вдохновение молодых сердец, неустанный поиск, радость новоселей в гарнизонах, где ударно поработал человек в спецовке военного строителя.

Лейтенант В. Чеботарев трудится на строительстве железной дороги. Придет час, и по всему протяжению трассы сквозь вековую дремлю тайги застучат поезда. На участке магистрали они уже пошли и на полтора месяца раньше срока. Это стало возможным потому, что в свое время воины-комсомольцы во главе с членом комитета ВЛКСМ части лейтенантом Чеботаревым давали по две с половиной нормы в день. Три года взвод молодого офицера в числе лучших. Три года на правом фланге соревнующихся.

Как отдельные ручейки образуют широкую и полноводную реку, так из каждого дневных, замечательных дел молодых строителей и защитников коммунизма слагается могущество нашей Родины, ее высокая обороноспособность.

Солдатами не рождаются. Мастерами ратного дела в армию и на флот не приходят. И все же не могу скрыть восхищения, когда доводится наблюдать четкие действия воина, армейский или флотский стаж которого пока не исчисляется в неделях и месяцах.

Дело понятное, юноша получил определенную подготовку, так сказать, на ближних подступах к военной службе. Его первый атакующий бросок к опорному пункту «противника» — это своеобразное продолжение военизированной игры, первая посланная в эфир молодым радиостанции радиограмма «закодирована» еще в досафовском кружке.

Физически закаленное, любящее технику пополнение приходит в части и на корабли из Московской и Волгоградской областей, со Ставропольшины, из Днепропетровска и Ростова-на-Дону. Естественно, что такие призывники скорее становятся в строй, показывают высокие результаты в боевой учебе, задают тон в социалистическом соревновании.

И все же, говоря доброе слово в адрес комсомольских организаций, проявляющих повседневную заботу о приобщении юношества к технике, не могу уйти от нескользких «почему?». Почему, например, становление воина-комсомольца как мастера своего дела порой непростительно затягивается? Почему иных из недавних призывников пугает сама мысль, что дело им придется иметь с самыми современными вооружениями, самыми новейшими машинами?

Тому несколько причин. Остановлюсь на некоторых.

Хорошее дело делают комитеты комсомола, организуя встречи воинов с будущими призывниками. Но почему порой сама идея таких встреч сводится лишь к организации спортивных соревнований да к обмену концертами художественной самодеятельности? Согласитесь, молодежное мероприятие должно быть увлекательным. Но почему развлекательным? Почему в обход главного — воспитания завтраших солдат и матросов на опыте ратных будней? А ведь если хорошо подумать, то рассказ о мастере огня или вождении, техническая викторина, состязание на лучшее знание техники могут получиться не менее интересными.

Или такая сторона вопроса. Давно и прочно установились связи между комитетами ВЛКСМ частей, кораблей и райкомами комсомола. Конверты с солдатским треугольником почты приносят в райкомы чуть ли не ежедневно. Как и райкомовские письма — в части и на корабли. Такая переписка — хорошее подспорье в воспитательной работе с молодежью.

Поинтересуюсь: о чем письма? Увы, не так часто о том, какие трудности встретились молодому воину при освоении техники, как потом учтено это в работе, скажем, досафовского кружка или радиоклуба, готовящих завтрашнего призыва.

Не случайно из множества проблем комсомольского влияния на обучение и воспитание сегодняшнего воина, подготовку юношества к армейской службе я выделил освоение техники. Это, повторяю, один из главных показателей боеготовности.

Еще одна грань проблем — военно-патриотическое воспитание молодежи. В прошедшем году 70 процентов юношей приняли участие в встречах с ветеранами революции, гражданской и Великой Отечественной войны, 60 процентов регулярно смотрели телепередачу «Служу Советскому Союзу». В играх «Зарница» и «Орленок» участвовало около 24 миллионов пионеров и школьников, юношей и девушек.

В разных городах и селах тысячи молодых граждан заступают на посты у памятников и обелисков, у братских могил, в местах боевой славы и священной памяти. Это продолжение Вахты памяти, приобщение к подвигу, совершенному во имя Родины, и, если всмотреться, к завтрашней армейской службе. Ведь заступление на пост, по сути, армейский ритуал!

Безусловно, все это — Вахта памяти, военизированые игры, встречи с ветеранами — дело полезное, но бывает и так: выступят, скажем, те же ветераны перед молодежной аудиторией, на том дело и кончится. А порой приходится видеть и полупустые залы. Обидно. Обидно еще и потому, что молодежь тянется к героическому, но не поработали как следует комитет комсомола части, райкомом комсомола, заводской или фабричный актив.

Нередко случается и так, что активисты ищут, кого бы из героев войны пригласить на встречу, рассыпают приглашения в разные уголки страны, а он, герой, живет и трудится рядом. Происходит так из-за расхожих привычек думать, что все значительное, волнующее находится где-то там, за пределами нашего города, поселка, военного городка.

А ведь это самое значительное и волнующее подчас рядом. Надо только сделать более целенаправленным комсомольский поиск.

...Когда-то, рассуждая об истоках героизма советского человека, Леонид Леонов писал: «... Если бы... только и было суждено в жизни телом остановить пулю, летящую в сторону Родины, то и для этого стоило рождаться на свет». Пришло время, и с этими строками прекрасно перекликнулись другие, из популярной комсомольской песни: «... прежде думай о Родине, а потом — о себе».

Есть такая традиция в комсомольской семье! В армейской комсомольской — тоже!

Лев ДАНИЛОВ

ФОТО-ПОРТРЕТ ЧУРГОЛА

НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ

Автора «Фотопортрета 42-го года» Льва Данилова мы знаем тридцать пять лет — с осени 1945-го, когда во ВГИКе началась первая послевоенная сессия, большинство студентов было одето в гимнастерки и шинели, а среди многих костылей и палок — памяти медсанбатов, лазаретов, фронтовых госпиталей, прислоненных к стенам аудиторий, в которых читались курсы кинотехники, искусства режиссуры и актерского мастерства — стоял костыль и бывшего гвардейца Льва Данилова — будущего известного режиссера-кинодокументалиста, лауреата Ленинской премии.

Ничего нет удивительного в том, что кинематографисты выступают на страницах прессы — дают интервью, делятся секретами своего ремесла: зрителей интересует, что происходит на съемочных площадках, или как мы добываем-строим-производим кадры — в этом продолжение профессии. Но ведь одно-то дело: репортаж из киноэкспедиции, а уж совсем иное — беллетристика — сочинение и правда, факты и фантазия, документальность и селекция...

С трудом представляем, как в нашем деле, полном напряжения, хлопот и сумасшедших темпов, деле, забирающем все силы без остатка (а Лев Данилов работает не вполнакала!), можно находить время и для серьезных занятий изящной словесностью. Знаем: есть люди, которые в свободное от нелегкой работы время отдают себя изматывающему искусству перевода с устного на письменный. Есть такие! Часто не встречаются. Из всех видов человеческого творчества литература — занятие, наиболее удаленное от расписаний, регламентаций и режимов...

Естественно, что представитель поколения, обожженного войной, Лев Данилов пишет о войне. Пишет, зная суть предмета. Здесь все из первоисточника. Он пишет точно и безжалостно. Ну, например, как влетает, вонзается, входит, врывается, впивается в сильное и беззащитное человеческое тело металлом, отлитый для убийства, или как не хватает воздуха в груди, когда бежишь в атаку... Проза его сурова, как и подобает быть прозе. Проза живописна — иначе она не проза. Проза его не застенчива — было бы странно, если бы человек, выстрадавший все это, забыл бы о первой задаче слова — быть правдивым!

В рассказе слышно давно ушедшее время, время нашей юности. Проходит через эту маленькую повесть panorama неповторимых примет, подробностей и деталей (всего того, чего не придумаешь; можно только вспоминать) того далекого и невозвратно ушедшего времени.

Не стоит искать в «Фотопортрете» аналогий — это не репортаж из прошлого. Искать житейские «похожести» в художественном произведении — вещь бесполезная. А литературное произведение кинодокументалиста — художественный документ, где вы не видите швов между фактами и домыслом, не ощущаете стыков между желаемым и действительностью. Проза.

Александр АЛОВ,
Владимир НАУМОВ,
народные артисты РСФСР

В июле месяце сорок второго года судьба закинула меня в Алма-Ату. Произошло все это в высшей степени случайно. И в помыслах Алма-Аты близко не было. К тому времени я, кажется, забыл, что на земле есть такое место. Вся география свелась к изломанной дороге от Одессы до Ростова. А между ними Николаев и Херсон, Геническ и Матвеевский Курган... Во сне и наяву — только эта дорога. Окопов вырыто — рекорды мировые установлены в землекопстве на каждую саперную лопатку. Могил не рыли — те окопы, что оставляли, годились под могилы... Я дом родной на Малой Якиманке не вспоминал ни разу, не то чтобы Алма-Ату. Туда я вовсе не стремился, но на войне выбор, как говорится, очень узкий, от твоих желаний не зависит. Война — довольно странная система обстоятельств для каждого из нас...

Наш эшелон-санпоезд в двадцать семь теплушек, пятнисто, полосато выкрашенных старательными неумелыми руками в зеленый цвет, набитых ранеными с Южфронта — по тридцать в каждой теплушке, — разбомбили вблизи передовой на станции Поворино. А может, это и не Поворино было, а какая-то другая узловая. Во всяком случае, до сих пор я уверен в этом названии. Наверное, один из нас, лежавший наверху, на нарах у окна, взглянул в него, увидел мир и начал в изумлении перечислять все то, что было перед ним в тот миг: деревья, женщины и водяной. Попалась на глаза табличка на ближайшем вагоне «Прислано к Поворино», и сказал: «Поворино». Ну, а теплушка наша и запомнила на всю жизнь. Конечно, раненый мог сказать: «Барнаул», «Караганда» или «Ялтуровск» — каких вагонов и с каких дорог не намешалось на этих узловых, которые по-страшному бомбили немцы, не допуская наши подкрепления к фронту. Да, видно, не попались на глаза вагоны из присанных к сибирским и казахским магистralям. А то спросили тут же бы: «Чего? Какой Ялтуровск? Какая такая Караганда? Башку за такую болтовню отвернуть надо!»

Поворино же было вероятно, как Ливны, Моршанска или Тамбов. И всех устроило. Но точно сориентироваться на планете в этот час нам не удалось. Начался налет. Бомбежка.

Из двадцати семи теплушек только одна целою осталась — наша. Последней была прицеплена к составу. Осколок бомбы отрубил крюк сцепки от теплушек рядом с нами, и воздухом от взрыва — комком упругим, теплым и воняющим тротилом — нас отпихнуло, откатило на запасный путь. Не от войны — от смерти. Все остальное — в клочьях рваного металла. Людей собирали по кускам, хоронили скопом полотна в воронках. Шинели, как обычно, подстилали... И люди — на шинелях... Надо было памятник поставить из голубого мрамора и золотом фамилии все выбить, и свет чтобы неоновый мерцал, как пульс, у текста: «ОНИ УБИТЫ ПРИ БОМБЕЖКЕ...» Но даже тогда страшно было писать такое. И было чуточку поменьше страшным в семье сорока платформ со станками какого-то эвакуированного завода, так и забыли вовсе после этого. Вернее — думать перестали. Считалось — мы пристроены. И к нам еще какие-то платформы и теплушеки

Нас, уцелевших, в суете и спешке (на узловой боялись нового налета и срочно очищали все пути, чтобы не стала пробкой эта фронтовая станция), как прицепили в хвост составу из сорока платформ со станками какого-то эвакуированного завода, так и забыли вовсе после этого. Вернее — думать перестали. Считалось — мы пристроены. И к нам еще какие-то платформы и теплушеки

прицепляли. Так что случились мы в конце концов почти в середине заводского эшелона. Завод был важным — оборонным. К заводу подошла война. Заводу был приказ — срочнейшим образом убрать в пункт Б и выпускать немедленно все, что положено. И он убыл — в цехах поворачивали и поворачивали все станины «ДИПов» из цементных полов и эту технику — с бетонным мясом на искривленных болтах заряженных станин — повезли в какой-то неизвестный и далекий пункт...

О том, чтобы теплушку нашу отцепить в пути, про это не могло быть речи. Какие-то названия мелькали справа-слева: «Дергачи», «Озинки», «Кзыл-Орда», «Арысь»... И еле-еле можно было их разобрать на ходу. Только однажды утром выдалась возможность прочитать название вокзала, не мотая головой. Вокзал был маленьким, а буквы — в целый метр! «АЛМА-АТА — ВТОРАЯ КАЗ. Ж. Д.» Глядели пять минут, глядели полчаса. Пейзажа никакого, во все окошко — лишь метровый этот шрифт.

Поезд дальше не пошел. Пункт Б оказался Алма-Атою.

Был этот сильно перенаселенный город тогда не просто тылом. Глубочайшим тылом. И ранеными переполненный. И нас отправили в деревню — маленький пятак у самых белых гор. В деревне было тихо и тоскливо по-степному. А размещался госпиталь в колхозном клубе. Большой сарай без окон, пыль вокруг него, заборы, и деревья, и кусты так провоняли йодом и карболкой — не ощущались даже запахи воды в медлительном арье.

Рана моя довольно быстро стала превращаться в ужасно чесавшийся, но не нынешний и не дергавший постоянно шрам, приобрелась я, поздоровел, а девять себя некуда, скучно. Вот и стал, улучшился благоприятный момент, бегать в самоволки в город. Благо близко до него было. И увидел однажды в газете объявление: «ВГИК начинает консультации с желающими поступить в институт...» — институт в то время эвакуировали в Алма-Ату. Я подал заявление на операторский. Что, мол, мечтал, прошу учесть и допустить к экзаменам. Не удивились в канцелярии, что домашний адрес — эвакогоспиталь в деревне возле Ала-Тау, не удивились, что вместо паспорта — красноармейская книжка. Правда, профессор Боханов спросил: «А что, она приравнена в удостоверению личности?» Я ответил: мол, приравнена. Еще спросил профессор Боханов: «А фото где?» Пришло сказывать, что там, в Юрге, где я закончил курсы пулеметчиков, фотоателье было закрыто по случаю ухода мастера на фронт.

— Да нет... Я не о том, что в красноармейской книжке, — сказал профессор Боханов. — Я о фотографиях к экзаменам. Ведь вы не собираетесь представить к экзаменам портреты из фотоателье в Юрге?

— Конечно, нет.

— Ну, вот, а как же... да-а, — протянул профессор. — Хотите оператором стать, а фотографий нет. Несколько авантюристично получается. Медаль «За боевые заслуги» не может служить характеристикой ваших творческих возможностей. Вам нужно видеть выраженный фотографией ваш взгляд на мир. На слово мы не верим. Лингвисту поверили бы на слово... А оператору — никак. Ни в коем случае. Изображение — вот лучшее его слово.

Экзамен я все же выдержал. Взял в институте «Фотокор» и представил фотографии. В лазарет возвращался ночью, чтоб не считали дезертиром. Мамалыга в тумбочке у койки была твердой, как асфальт... Приняли меня во ВГИК, но ни на одной лекции не довелось посидеть. Была врачебная комиссия — и проездные документы в часть: я снова оказался годным к строевой. Отсрочки от войны в связи с внезапной талантливостью не давали — доценты и профессора лежали рядовыми в окопах.

Судьба оказалась жестокой к тем ребятам, с которыми я вместе пробовал свои силы. У Васи Маренкова за день до главного экзамена умерла мать, и он уехал хоронить ее домой, в Сибирь. Евгений Симачев все снятые пластинки положил в фиксаж. А переснять фотографии было невозможно — экзамен был наутро. Актёрам верили на слово, а оператор — подавай изображение! Ведь не расскажешь же, как здорово все было на тех пластинках, что не попали в проявитель. Как хороши они были по композиции, по свету и уж, конечно, неповторимостью сюжета. Ушел парень в медицинский институт — там все его отличные оценки за десятилетку пригодились, а делать операции на сердце в программу испытаний не входило.

У Сеньки Маркарева раскрылись раны на спине, и вновь пришло сержанту лечь на операцию в госпиталь, который он покинул лишь весной.

Серега Брянцев потерял продкарточки — квадратные миллиметры липкой бумаги, которые равнялись хлебу. Пять дней держался Брянцев — более не смог, не выдержал, не получилось, без еды. Ушел работать на завод...

Мне выйти впервые было нетрудно — в госпитале три раза в день кормили. Забот о хлебе я не знал...

Вот так судьба распорядилась мною сорок один год назад. С тех пор в Свердловске был, в Одессе и Певеке, Владивостоке, на Мальте, Командорах, в Цинандали и Каире... А вот в Алма-Ате — просто удивительно! — ни разу за эти годы не оказался.

И вдруг командировка — для «Новостей недели», спортивный репортаж с Медео. Подумал: вот отниму в Медео, спущусь потом в Алма-Ату и похожу по городу — увижу прошлое свое. Событийная съемка — разлюбезное дело. Организовывать ничего не надо — будь только зорким и внимательным и бегать успевай. А материал в кассеты сам пойдет.

Вначале было так, как думал. Но после съемки попал в больницу. Хватил воды холодной и простыл. Зимой на фронте спали на снегу — и никакая нас хворь не брала. А тут антиса летом! И операция на гlandах.

Сижу в палате, гляжу в окошко на действительность: что еще будешь делать, попав в местную больницу? Когда долго проработаешь в кинохронике, на все глядишь достаточно своеобразно: годится для кино — и не годится. Есть сюжет — нет сюжета.

Окно больницы кадровало любопытный вид. Квартал жилых домов. Зрелице сейчас достаточно обычное. Таких кадров для Франы Полещук — она у нас начальник кинолотописи — мы насыщали очень много. Да и к масштабам привыкли, не удивишь. Привлекало вот что: в середине гигантского жилмассива между башнями в двенадцать этажей, больших, красивых, разноцветных, притулились бревенчатые деревянные домики — остаток города еще оттуда, из начала века. Такая славная аквареличка. Одноэтажные домишкы с резными наличниками на окошках, с петухами на коньках, с фигурами бордюрами вдоль фасадов под крышами, с узорными ставнями, с выпиленными лобзиком сердечками в центре — этакие «черви-козыри», через которые утрами узнавали, что на дворе: темно еще или уже пора вставать. Печные трубы одеты в железные с прокопченными кружевами манжеты. А дым из труб уже не шел. И двери всех домов распахнуты, а окна все побиты. В домах, наверное, было сырь и пахло погребно плесенью. Домишкы подлежали сносу: мешали капитальному строительству. И памятниками бывшей улице никто их оставлять не собирался.

Раздоле мальчишкам играть в войну, обороняться и наступать, безнаказанно разбивая окна... Довершал все это разрушение бульдозер, готовивший площадку котлована для других бетонных и панельных великанов.

Еще вчера домишке было восемь. Сегодня утром оставалось семь. Объект был «уходящим» — так мы, операторы, говорим.

Здесь только продолжала жить сирень в прозрачных палисадниках. Да и сирени, видимо, осталось жить недолго. Я подумал, что хорошо бы мне разрешили выходить на улицу поскорее — успею сходить на этот милый «уходящий» объект.

...Собака, озвевев, хрюпая задушенно и яростно, давясь слюной, кидалась на бульдозер, который скрежетал, ревел, урчал, гремел, плевался сизым дымом от солярки, и рушил, и курчил, и давил, и поднимал, и сваливал заборы и сараи, подбираясь к дому, охранять который собаку приучали со щенков. Вздыбив загривок и зайдясь от бешенства, натянув к глазам — остекленевшим, неподвижным — всю кожу от зубов, она хватала желтыми клыками тряски гусениц воняющей машины. Вначале бульдозер принес псу суеверный ужас. Теперь бульдозер был не страшен: собака поняла, что не в металле дело — в человеке, и прыгала, кидалась чуть ли не в кабину.

— Твоя собака, что ли?! — перекрывая грохот двигателя, проборал мне бульдозерист.

И помотал головой.

— Вот дрянь — не дает работать!

— А что, не жалко рушить эту красоту?

— Чего?! — орал он. — Громче говори!

А как мне громче говорить — я шепотом мог еле-еле изъясняться. Последний раз я заорал, когда мне щипцами выдрили гланзы. Я показал рукой на горло, потом на больницу.

Бульдозерист понял, что звука из меня не извлечешь, застопорил машину и спрыгнул на землю.

Я тихонечко сказал ему:

— Ты подождал бы, не срывал дома... Пока, естественно...

— А что? Зачем?

— Да вот — засыпал бы я на пленку эту красоту.

— Мою работу?

— Да нет... наших предков.

— А для чего?

Я объяснил. Он понял. И мы договорились с ним о киносъемке через день. Но в понедельник утром в назначенное время работу мне начать не удалось.

— Вы знаете, — сказал бульдозерист, — сейчас вам будет неудобно здесь работать — тут похороны начинаются. Человека из больницы привезли в последний раз в родимый дом. Из этих вот семи оставшихся. Во-он этот дом... Да вы не горюйте. Ждать долго не придется. Не может человечество подолгу плакать над одним покойником. Это я вам точно говорю.

Около скамейки вдоль завалинки стояли венки. Их так поставили, чтобы они не мирились друг о друга. И черные ленты свисали до земли.

— Кто умер, женщины? — спросил я у старух, стоявших около калитки.

— Наш врач... Елена Афанасьевна... Врач-терапевт трижды больницы... — пришли ко мне медлительные и неторопливые ответы.

— Ну разве только терапевт? — сказала низким голосом старуха с орденом «Мать-героиня» на клапане кармана густо штопанной зеленой кофты. — Детей она ведь тоже принимала. И операции делала. О господи, в прошедшем времени опять про человека говорим. Как страшно это...

Пришел оркестр — двенадцать человек. Шесть старииков — небритых, в серебре щетины, и шестеро мальчишек, здорово нестриженных. Они откашлялись, как будто собирались петь, потом, облизывая мундштуки своих медных труб, негромко, как бы извиняясь, попробовали звук у инструментов, чтобы репетиционным разнобоям не нарушать строгость скорбного момента. Попробовали — вышло ладно, и разом дунули в свои двенадцать труб. Конечно, музыку Шопена.

Хоть врач была, а вот здоровечко-то хуже нашего... А ведь и то сказать — была вся поизранена... Дом-то был мужа — от его родителей... Муж на войне убитый был. На первом Прибалтийском фронте. Я это точно знаю, сама мне говорила. Там-то война была еще после войны и сверх войны. Там у меня самой-то младшенький убитый. Был офицером. Капитан... Висит с портретом Славика и его орден — Великой Отечественной войны первой степени. Такой, знаете, две звездочки... Две звездочки и без привесочки, на винтике... Красиво, да-а... А не одел ни разу ведь. Такие ордена навечно остаются в семьях. И у Елены Афанасьевны такой же орден был. Кому теперь останется? Одна ведь Лена оставалась из всей семьи... Свекровь Елены Афанасьевны со свекром — те-то очень скоро отошли после войны...

Все окна в домах-великанах распахнуты, со всех балконов свесились люди. Вышел из дверей домика Елены Афанасьевны какой-то невысокий человек с опущенной головой. Он нес на вытянутых руках бархатную малиновую подушечку с наградами покойной: тот, «без привесочки», орден Отечественной войны первой степени, медаль за город Будапешт, еще какие-то кружочки у ярких лент — и блестящие и тусклые. Он вышел на крыльцо, стал на ступеньке сбоку и не знал, что делать: показывать ли их или стоять так просто неподвижно.

Потом из дома показалась девочка — наверно, лет двенадцати, не больше. Она несла портрет покойной и, чтобы не помять его, из двери вышла боком, и я вначале видел только бант на туго заплетенной ее косичке. И развернувшись, оборотя портрет к нам, она осторожно, словно теперь боялась уронить его, начала спускаться по ступенькам вниз, к земле.

А у меня вдруг бешено заколотилось сердце: портрет был мне известен. Я знал ее — снятую на нем красивую молодую женщину. Но сразу не мог сообразить: кто она? А если и сообразил, то не поверил в это...

Девочка с каждым шагом отводила портрет в сторону, чтобы видеть следующую ступеньку и не споткнуться. Четыре ступеньки — четыре раза портрет отворачивался от меня. Но я уже знал, был уверен: этот портрет делал я! Ведь сколько бы ни доводилось съемок выполнять и как бы это ни было давно — все эти секунды навечно остаются в памяти. У меня по крайней мере так...

— Елена Афанасьевна... А как фамилия?

— А Верхотурова, — ответила мать-героиня.

— Как?! Лена Верхотурова? Не может быть!

Не может быть — и это так.

Фотопортрет я делал для экзамена во ВГИК. Лене он тоже был нужен, чтобы комиссия могла увидеть, фотогенична ли Верхотурова.

— Портрет на тему: девичье лицо, который вами экспонирован, — сказал

скрипучим голосом профессор Баханов в своей обычной замедленной манере говорить, в которой сразу трудно было разобраться: старик любил эффекты и всегда рассчитывал на то, что сразу можно было и не уловить, какой финал последует за вводным предложением — хвала или разнос. И глазами Баханов владел умело: в них нельзя было прочитать хоть намек на оценку. — Портрет этот удался. Это хорошо. Вам — плюс.

Верхотурова была красива. Очень. И, глядя на ее глазищи, можно было даже и не заметить недостатки фото. В конце концов в портрете главное — лицо. Хотя со светом и композицией я тогда порядком помучился.

Сейчас ей было, наверное, за пятьдесят.

Девчонок — тех, кому «жить без кино, ну, просто нет сил, как лягу спать, так сразу вижу — я в кино», — таких девчонок было множество и в августе сорок второго года. Девчонки для экзамена по специальности «актер» учили отрывок из Островского. Один и тот же монолог. Вся сотня претенденток в кинозвезды, как будто говорившиеся, зубрили Липочку. Наверно, самое простое объяснение — считать «Мечты Олимпиады» сильнейшим литературным потрясением душ и сердец десятиклассниц-выпускниц весны сорок второго года.

И Лена тоже готовилась читать из Островского.

И выходили на глаза комиссии поочередно все девяносто девять Липочек. Мечтали девяносто девять о шелках и кавалерах, мечтали шепотом и криком, заламывая руки или неподвижно, кокетливо и скромно, конфузливо и нагло, застенчиво и откровенно — мечтали, чтоб их заметили и приняли во ВГИК. Им так хотелось превратиться в Липочку Смирнову или Люсю Целиковскую...

— Ну-с, что мы можем петь?

О-о! Петь они могли. «Землянку», «Марсельезу», «Хас-Булата» и цыганские романсы...

— Ну, хорошо. Что можем мы играть?

— Как — на рояле? Или сценку?

— Ну, как умеете.

Играли заданные спенки, актерски примитивные этюды: шили воображаемые пальцы воображаемыми иголками, ели воображаемый хлеб за воображаемым столом и у воображаемых столбов с воображаемыми часами ждали воображаемых любимых...

Перед тем как секретарь комиссии провозгласила: «Верхотура! Прошу войти!» — за пять минут до этого мгновения Елене Верхотурой подали телеграмму — чернильные зеленые слова, написанные от руки на грязноватом бланке: «Ваш брат, полковник Дмитрий Афанасьевич Верхотуров, погиб в бою... Пал смертью храбрых... Разделем скорбь... Клянемся отомстить...» И подписи. Много подписей.

И вот в сухой и теплой Алма-Ате, стуча зубами как от жесточайшего мороза, Лена читала монолог Липочки и пытаясь исполнить этюд: «Я рву красивые цветы».

Ее не приняли. Сказали: полное отсутствие актерских данных. Мы просили председателя комиссии прослушать Лену еще хоть разок. И показали ему похоронную. Верхотурову прослушали опять. И снова сказали: не отвечает даже минимальным требованиям.

Все успокаивали Лену. А она не была взволнована. Стояла апатично, говорила мало и не реагировала ни на что.

Во ВГИКе Елена больше не появлялась. Ушла работать в госпиталь, а вскоре исчезла из Алма-Аты. Сказали, что она уехала на фронт.

Мне кажется, что под Корсунь-Шевченковским, в метельной снегопадной тьме, среди солярной вони двигателей танков и запаха нагретой выстрелами краски на стволах орудий, среди бинтов, задубеневших кровью, в микроклимате удущливо-го трущного гниения я видел женщину-санитарку, которая была Еленой Верхотуровой...

Вы можете сказать: не сочиняй жестокого романса!

Не сочиняю, чувствительный роман — не мой любимый жанр.

Вы можете спросить меня: «А что же ты, чудило, с нею и не поговорил? И не остановился?»

Э-эх, если бы все зависело от нас...

Это возможно только в операх, когда спешит куда-нибудь вслед за сюжетом тенор или баритон, но неожиданно встречает нежное сопрано и долго с ним дуэтирует — вдали от этого сюжета и позабывши, казалось, его. В жизни сюжеты пожелезней будут.

Была ли Лена на Украине в феврале сорок четвертого — теперь уже ее не спрошишь...

Я ей обзан всем — не преувеличиваю. К приемному экзамену дела мои с работами по фотокомпозиции сложились, деликатно говоря, не очень складно: работ было мало, а тут еще мешали процедуры в госпитале. И вот за день до главного экзамена я увидел Лену и решил снять именно ее. Ходил за ней, как тень, но попросить стеснялся. Когда же ей подали телеграмму от офицеров танковой дивизии, будто кто-то крикнул мне: «Снимай же!»

Она читала телеграмму снова и снова, не понимая текста, не принимая, отвергая сообщение: УБИТ! СТОРЕЛ! ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ!

Я продолжал снимать. Не утешал ее, а экспонировал светочувствительный материал...

Все эти секунды я не думал про любовь... Сделал тридцать шесть кадров горя и сорвал «отлично» на экзамене.

Профессор Баханов сказал скрипучим голосом: «Все это, знаете, тягостные мотивы...»

Желябужский, тоже профессор, возразил: «А что, Иван друг Александрович, вы разве целый день поете «Легко на сердце»?..»

Из домика Елены Афанасьевны несли тяжелый красный гроб. Я кинулася достать цветы. Какие там цветы — район-то новостроек. Цветочный магазин — не первая необходимость. Тогда я бросился в сиреневую чащу. Я рвал, ломал сырье и пружинистые стволы и ветки. Собака не обращала на меня внимания: ее дом не трогали.

Нарвал букет коричневой, давно уже отцветшей сирени и, положив его туда, взял камеру и начал съемку — в кинолетопись.

Вздыхала и стонала музыка Шопена. Вспенивающие звуки. Они звенели здесь, у дома, который жизнь покинула совсем, где закрыли дверь, притворили ставни, потом по улице оставили свой след, пришли на кладбище.

Музыка замолчала — стали говорить речи. Седые музыканты были скорбны.

Когда в яму бросали землю, оркестр вновь загремел. Когда же ровняли жертвой холмик над Леной Верхотуровой, двенадцать инструментов маленького оркестра вздохнули последний раз, тяжело и безысходно.

Потом на холмике укрепили ее портрет. Мой портрет. Самый лучший, который мне когда-либо удавалось сделать.

Александр БАЛИН

НЯНЯ

Мы брали Рамене... К утру,
Остатком силы запредельной,
Я робко верил: не умру
От раны, вроде не смертельной.
Шел от бурьяна дух ржаной...
Юнец, в шинели длинноватой,
Лежал я... таял подо мной
Рассвятый снег голубавый.
Вот он затылок мне обжег,
Чтоб взялся я, как на пружинах,
И весело слепил снежок
Из розовеющих снежинок.
Казалось, час тому назад
Сосед меня согрел ручицей:
«Имей понятие, детсад! —
Атаки ждать — одна скучища!»
И тут же — жесткий свет ракет
Стеклянными отразился настом,
И за раскатистым,
Горластым «Ура!»
Мы ринулись вслед.
Бежать
Вдоль встречных трасс свинца —
Занятие не из веселых,
Но знали мы, что ждут нас в селах
Надежды полные сердца.
Что видят нас она, Москва,
Свомии скорбными очами.
О ней бессонные слова
Твердили мы в часы печали.
...Шла по грохочущему зною
За нашей целью вся страна...
Ложился иней сединою
На ворс шинельного сунка.
Толчок... Как будто на сучок
Я невзначай наткнулся боком,
Но почему звенят сверхок
Передо мной в снегу глубоком?
Боль это или теплота
Льнет к телу ласковой волною?
Белей стерильного бинта
Река лежит передо мною.
И ветлы, ветлы вдоль реки...
Так к водопою ходят телки...
Мы оглашенные свистки
Умели делать из ветелки.
Пока ее кора свежа,
Пока в зеленой бродят соки,
Из-под апрельского ножа
Стремился в небо свист высокий.
Ах, сколько школьных перемен
Оглушило полетом звука!
Последних классов сладкий плен,
И слово знайное «подруга».
От светлых мыслей мне тепло,
Но потому ли слышать странно:
«Гляди; кровищанатекло,
Как из хорошего барана».
Я без труда их узнаю,
Большие руки хлебороба,
Кто утикал тоску мою
В щели железного суптроба.
И вот уж медленно плыву
На плавной полости носилок...
Срезают росную траву
Сто оглушительных косилок.
Прохладный ветер ворошит
Валки — он на былинке каждой...
Я слышу ясно, как шуршит
Гортань, обугленная каждой.
«Пить... пить!» — твердил на все лады,
Чтоб неотчетливо услышать:
«Милок, нельзя тебе воды —
Напьешься, апости не выжить».
«Пить!» — в жестяной голубизне
Плыл деревенский наш колодец...
Казалось, что снопы на мне
Цепами тяжкими колотят.
Вот тоже — выдумали ток!
Взять отвернуться — нету силы...
Сейчас возьмут меня на вилы:
«Не колотно тебе, браток?»
Но вот не взяли... я с трудом
В лежачем позе непривычной
Чудное прочитал: «Роддом» —
На призрачной стене кирпичной.
Роддом... А он-то здесь при чем?
Все же упустил я память, брежу,
Но солнце острый бьет лучом.
И облака плывут все те же,

Что проплывали надо мной
За час или за миг до боя
Картинкою переводной:
Лиловое на голубое.
Живу, хоть жить уже не рад.
Попить да спать — вот все желанья...
Еще живу, но без старанья
Вдыхаю тепловатый чад.
Запомнилось: лежу ником
И ощущаю незнакомо,
Как будто ходят босиком
По мне, безвольному, нагому.
И слово жалящее: «Шок» —
Уже бесшумно прожужжало.
И запах хлороформа шалый,
Как нахлобученный мешок...
«Ну, вот и все...
Жаль, коротка...»
Они нисколько не дрожали,
Те руки, что во мне держали
Жизнь однодневки-мотылька.
...Рука картофельной ботвой
Вдоль одеяла. Виснет кожа...
«Скажи спасибо, что живой,
А тосковать сынок, негоже.
Крепись... Твой день еще высок,
Вот мой — давно на переломе...»
Палатной няни голосок
Шуршал, как дождик по соломе.
Уже я знал, что лег наш взвод
У ветел возле белой речки...
Под крохотное пламя свечки
Почти кончался мой завод.
Как у часов, что не купил
В свои неполные семнадцать...
Не зря я время торопил —
В дела земные окунаться.
Совсем не зря я послешал
На бой: на первый и последний...
А голос все еще шуршал,
Как по соломе дождик летний:
«Вот ты все мамкой звал меня,
Все звал, аж душенка болела,
А я назад четыре дня
Над похоронкою сомлела
На третьего...
Да что ни млей,
Назад родимых не воротишь.
Уж ты меня-то пожалей:
Зачем от пищи нос воротишь?»
Апрель за окнами шумел,
С воды спадала льда короста,
И начал жить я, как умел,
А начинать — совсем непросто.
Глотая красный стрептоцид,
Чтоб жар не скалывался в ране,
Я был по горло горем съят
Безропотной палатной няни.
Лет сорок, как она при нем,
При кустовом родильном доме...
О чем я думал на соломе
Под стериновым огнем?
О том, пожалуй, что не зря,
Чтобы заправским стать солдатом,
Я здесь родился в двадцать пятом,
Двадцать седьмого января.
И возвращен сюда войной.
Не чудо, просто совпадение...
Несчастью женщины родной
Обязан я вторым рождением.
Не выжить значило предать
Русь светое бескорыстье...
А впрочем, мне тогдашних мыслей
Словами вряд ли передать.
С тех пор всегда они со мной,
Ничуть тем мыслям не перечая,
Подставил я под груз земной
Свои мальчишеские плечи.
Окреп жалезно мой kostяк,
Да не замолкла боль сквозная...
Дышу — у жизни не в гостях
И всей судьбою вспоминаю:
От верной смерти охраня,
Благословляя, обнимали
Те руки, что на свет меня
Уже однажды принимали.
И с совестью глаза в глаза
Жить, как бы беды ни косили,
Покуда слышу голоса
Палатной няни и России.

Красота родной земли

ДУНАЙСКАЯ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Специальные корреспонденты «Смены»

Я плыл рейсовой «кометой» из Одессы к горлу Дуная, и целью моей были заметки о городе Вилково. Предварительная идея заключалась в том, чтобы начать очерк словом «Ах!».

Почему?

На то были причины.

Дело в том, что по Вилково я читал много, знал, что город красив и своеобразен, что расположен на островах в дельте великой европейской реки и ведущую профессию имеет по нынеш-

ним временам экзотическую: столица, дом и база дунайских рыбаков.

Должен сказать, что коллеги писали про Вилково хорошо, с подъемом, находив на находке — читал и завидовал. Но все непременно восхищались и непременно называли город дунайской Венецией.

Вот и возникло желание в пику коллегам над городом не ахать и Венецией не называть. «Ахом» вначале и как раз собирался это свое измерение подчеркнуть.

Идея, прямо скажем, была небога-

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ «ПРОСПЕКТ» ДУНАЙСКОЙ ВЕНЕЦИИ.

тая: антишаблон если и лучше шаблона, то ненамного — тоже примолинен и тоже запоривает мысль. Но уж очень не хотелось со своим восторгом становиться в хвост длинному ряду восхищавшихся: с детства не люблю очередей.

Тем не менее уже на третий день в Вилкове я решил от первоначальных своих пополнений отказаться: и восхищаться буду и Венецией назову. Причины будут изложены ниже.

И уже сказал, что о Вилкове был начитан и имел о нем определенные представления: стоит на островах, уютный и зеленый, вместо асфальта — дунайская вода. Бездесущие мальчики ныряют с мостов, плывут из улицы в улицу. Красивые люди в национальных одеждах сплавляют свадьбу в лодках, похожих на гондолы, — редкий фотоочерк обходился без такого снимка.

Увы, первый же вечер в дунайской Венеции меня изрядно разочаровал.

Черноморский август порадовал обложным дождем. Мы причалили к обычному дебаркадеру, вышли на обычную провинциальную улицу, обходя обычные лужи, а первая попавшаяся навстречу вилковчанка была в венгерских босоножках, польских нельветовых джинсах и под японским зонтиком.

Одна улица, вторая, третья. Автобусная станция. Рынок. Почта. Кинотеатр на две три места. Двухэтажный универмаг. Одноэтажная гостиница.

Все верно, все на месте, так и положено маленькому городку районного подчинения. Но, простите, где Венеция?

Утром я обошел центр городка, пару прилегающих улиц и, наконец, добрался до воды. Небольшую, в полгектара, даже не площадь, а площадку между домами занимал пруд, весь заросший рикой. Из него вытекал узкий, в земляных берегах, канал. На

Венеция

«А У МЕНЯ ВСЕГДА ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ».

ПЛЕТЕНИЕ И РЕМОНТ СЕТЕЙ —
ДЕЛО, ТРЕБУЮЩЕЕ И ЛЮБВИ
И МАСТЕРСТВА.

пруду стояло две лодки да еще одна, пока я смотрел, проплыла по каналу.

И это все? М-да.. Тогда ведь и Москва — Венеция. И Оленьи пруды, и Голицынские, и Кусковские, и Москва-река с обводным каналом, и Язу с горбатыми мостиками, и Неглинка в трубе. А Серебряный бор? Тоже, между прочим, острог...

На третий день я знакомился с местным рыбозаводом. Двухэтажное здание завоудуправления одним крылом выходит на протоку, по местным масштабам довольно широкую, с Яузой, и достаточно густо установленную по берегам лодками. Венеция? В любом портовом городе наткнешься на такую протоку...

С неширокого, двум самосвалам разъехаться, мостика были видны суда на Дунае. Вторая река Европы текла параллельно протоке метрах в восемьстах. Между протокой и Дунаем виднелись темно-зеленые верхушки групп да черепичные крыши частных домиков. Рекой кончался город, кончалась страна — тот берег уже Румыния. Стоит ли идти дальше?

К счастью, у меня было время, и я решил прогуляться до реки.

К счастью потому, что дунайская Венеция существовала, и помещалась она именно там, впереди, на малом пространстве между протокой и рекой.

Это была странная Венеция.

Она начиналась в ближайшей же улочке: то ли узким ериком, то ли широкой канавой, сплошь зеленою от риски. Домов через пять этот ерик пересекался другим, чуть попире. Вдоль воды или экономичные, в две доски, тесовые тротуарчики. Я свернула за угол, потом за другой, потом еще раз — и везде по улочкам текла вода.

Нет, не так, скорей, наоборот: везде текла вода, и вдоль нее жались к заборам те самые, в две доски, тесовые улички. Совсем узкие канальчики уходили в глубь маленьких кварталов, ныряли под заборы, а чаще под калитки. Канал вместо садовой тропинки. Но тут же не ихтманцы живут??

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Напоминаем: в конкурсе могут принять участие все пишущие стихи (не члены Союза писателей СССР), указав фамилию, имя, отчество, возраст, профессию, домашний адрес; лучшие стихи публикуются, победители конкурса, итоги которого будут подведены в конце 1981 года, награждаются дипломами и премией «Смены»; присыпать следует только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Валентин СИМОНОВ,
строитель,
Куйбышев

Творчество

Когда устанут тело, руки,
И ноща приляжет не спеша,
Умолкнут стройки близкой звуки—
Тогда работает душа.
Забыты разные заботы
И надеяда-бригадир,
Приходит радостное что-то,
Приходит мой волшебный мир.
Заря плеснет огнем на крышу,
Угомоняется петухи.
И в той тиши я только слышу
Биение сердца и стихи.
И будут им, наверно, рады,
Придя на стройку в новый дом,
Мои ребята из бригады,
В стихах найдя себя потом.

Борис СУДЕНКО,
токарь,
Грозный

Баллада о работе

Я нощью
Дежурил в насосной
(Начальник участка Мороз
Доверил мне
Очень серьезный
И очень
Ответственный пост).

Я ждал,
Чтобы нефть просочилась,
Чтоб двигатель вдруг отказал.
О, если бы что-то случилось!
Тогда б я себя показал.

И вдруг я шарахнулся в угол
И замер на ватных ногах.
Я вдруг онемел от испуга,
Забыв о ключе и болтах.

Смотрел,
Как прерывистой струйкой
Лупила из сальника нефть,
И прятал вспотевшие руки,
Хотел и не мог не смотреть...

Но в ту мою первую смену,
Закончив крутить
И стучать,
Я долго стоял на коленях—
Все ждал,
Не пробьет ли опять?..

В ту ночь,
Потемневший от пота,
В те памятные полчаса
Я понял, что счастье— работа,
Которую делаешь сам.

Владимир ШАШУРА,
военнослужащий,
Севастополь

Пишут сочинение матросы

Сегодня тихо в кубрике матросском,
Лишь монотонно бьется
в борт вода,
Ребята пишут искренне и просто:
«Вдали от Родины—
мы с Родиной всегда!»

И каждая страница— это повесть
О том, что пронесем
через года.
Ложатся строки чистые,
как совесть:
«Вдали от Родины—
мы с Родиной всегда!»

И пишут парни о родном просторе
И что в разгаре летняя страда...
Свой долг исполним мы
в далеком море:
Вдали от Родины—
мы с Родиной всегда!

Вы в нашей памяти
и в сердце вместе с нами:
Родные лица,
села,
города.
Нас озаряет ленинское знамя,
Вдали от Родины—
мы с Родиной всегда!

Люди навстречу попадались не реже и не чаще, чем это положено на окраинных уличках маленького городка. Шли по мосткам, а чаще плыли, в протоках по шире орудия веслами, в протоках поуже— шестами. У некоторых лодок и моторы имелись, но по-малкивали— ждали достойной воды.

Не знаю, чем занимается малый флот в Венеции, но вилковские гондолы были, как правило, работающие: то гравий везли, то пару мешков, то большую, чуть не метр в диаметре, корзину с помидорами, то дюжину досок.

Порой попадалась лодка и без пассажиров, только с людьми, но и тогда выглядела деловито, транспортно, как какой-нибудь латаный «москвичонок» первой модели в торопливые предрабочие часы.

Зато жилища и усадьбы смотрелись на редкость красиво и празднично. Просторные, чисто беленные, с аккуратной черепицей сверху, с фигурами гнутыми водостоками, с резными калитками, посыпаными ракушкой дорожками, с беседками, густо увитыми виноградной лозой. Дома, хаты? Так и просилось на язык импортное слово «вилла».

Я шел по уличке вдоль узкой протоки, удивляясь геометричности здешней природы: ерики пересекались чуть не в шахматном порядке, и островки между ними были прямоугольны, будто по линейке чертились.

Встретившаяся женщина сказала:

— А дальше пути нет.

Я удивился:

— Как нет? А улица? А протока?

Но женщина была права— и протока и дощатая тропинка вдоль нее через сотню шагов пропали, исчезли в камышовых зарослях с проплещинами воды.

Повернулся назад. Женщина все стояла на мостках у последнего на этой уличке дома— просторного, беленого и красивого, как почти все вилковские дома.

— Ваш дом? — спросил.

— Мой.

— Деды строили?

— Сама.

— А раньше что тут было?

— Раньше? Ничего.

— Одна протока?

— И протоки не было.
Вот тебе и раз...

Зашел в дом, поговорили. Оказалось вот что. В шестидесятом году горсовет выделил Евдокии Калистратовне, тогда тридцатилетней, при двух детях, вдове, пятнадцать соток под застройку и усадьбу. Многовато по городским масштабам? Просто много!

Но горсовет был щедр на городскую землю по той причине, что земли этой практически еще не было. Были плавни— камышовое, кишащее комарем болото.

Дусю, потомственную вилковчанку, это не испугало. По примеру и методу предцов, прежде чем заняться строительством, она занялась гидростроительством: повела дальше канал— ерик, кончавшийся прежде на углу ее будущего двора. Ведром, лопатой, просто руками черпала жирную грязь, на лодке отвозила в нужное место. Не выбрасывала— наоборот, собирала. Весь ее теперешний сад, и огород, и виноградник— все выросло на этой земле. Да и сам дом практически «выкопан» со дна болота: дунайский камыш, обмазанный дунайским илом. Четырехкомнатный, с прихожей, кухней и верандой дом, в котором зимой нехолодно, а летом нежарко, который может простоять, не разваливаясь и не кособочась, сотни лет.

Каждое лето тетя Дуся берет лопату, ведро, лодку и лежит в сотворенный ею канал. Углубляет дно, плетеной лозой укрепляет берега. И по-прежнему вся земля идет в дело.

Чем глубже канал— тем выше двор, тем спокойнее тетя Дуся, тем независимей от разливов Дуная.

Дети ее выросли. Дочь ушла к мужу, сын привел жену. В большом доме не тесно. А станет тесно— что ж: ведь сын и невестка тоже вилковчане. Пойдет в горсовет, оформят нужные бумаги, пригонят в нужное место лодку— и дунайская Венеция станет красивой еще на один островок.

Течет вода по прямым улицам Вилкова. Стоят по берегам улиц домики, один другого симпатичней. Не только жилища— даже заборы на бетонных фундаментах. Хороши прямоугольные острова. Прочно живут люди.

Нет, не Дунай так ровно расчертит

городские кварталы— хоть и великая река, а геометрии не обучалась. Все каналы и острова, вся здешняя Венеция— дело человеческих рук. И это поражает куда больше, чем экзотические свадьбы на воде.

Я видел городки и покрасивее Вилкова. А вот людей, трудолюбивых вилковчан, не встречал. И не встречал людей, более преданных своей малой родине, округе, в которой вырос, к которой словно кровеносными сосудами притек.

Ведь как надо любить родную землю, как надо верить в ее будущее, в будущее детей и внуков на ней, чтобы строить среди сырых плавней такие прочные, вечные и красивые, до крайней ступеньки, до последнего стеклянщика облюбованные дома!

Впрочем, почему удивляться— дело своих рук всегда дорого. А вилковчане не просто заселили— они как раз своими руками и создали землю, на которой живут.

С одной стороны— молдаване, с другой— украинцы, с третьей— румыны. А посередине— липованы. Что за люди? Откуда пришли? И почему липованы?

По сути своей— обычновенные русские мужики. Вот уж почти три века как обосновались в низовых Дуная. Жили под разными государствами, под разными властями. Но себя сохранили— обычаи, нравы, язык.

Почему выбрали для жизни не твердую землю, а гнилые плавни? На то свои причины.

Вообще география многих российских поселений— и малых и крупных— вполне может поставить непосвященного в тупик: то за горами, то за дремучими лесами, то среди гиблых болот. Отчего так странно селились наши предки? По недомыслию? Или сами себе были враги?

Ответы на эти вопросы, как правило, надо искать не в географии, а в истории. Множество причин было у людей рубить, складывать, лепить жилища в глухих и тяжелых местах. Не себе готовили лишние заботы, а тем, кто кинется следом искать и ловить.

Как и многие другие российские города, Вилково основали люди беглые.

По азбучному смыслу слова «беглый» человек должен быть робок и слаб— иначе с чего бы убегал. Но в реальности беглыми становились как раз самые смельчаки, непокорные, сильные духом, да и телом— слабый просто не выдержал бы тогдашних бездорожных путей. Бежали от ордынцев и прочих захватчиков. Бежали на волю от помещиков. Бежали и скрывались от всевозможных властей.

Спасались, наконец, от церковных преследований и новшеств, от трехперстия и брадобрейства, от навязываемой силой новой веры.

И вот для них-то, для беглых крестьян и казаков, болотистая вилка Дуная была местом не гиблым, а, наоборот, безопасным: любая погоня увязнет в непроходимых плавнях.

А выбрав место для жилья вроде бы и непригодное, беглые мужики начали с редкой гибкостью к нему приспособливаться и с редким упорством приспособливаться его к себе. Вынуждены обстоятельства— и вчерашние землепашцы становились охотниками или, как в Вилкове, рыболовами. Надо было— и пустыни делали пашней, а болото— твердой землей. Не приходившая фантазия, а жестокая борьба за свободу, достоинство и саму жизнь создала в разных концах страны удивительные по градостроительному решению города, в том числе и Вилково— крестьянскую Венецию в вилке Дуная.

Однако есть такая закономерность: если люди селятся в веками существующей в какой-то точке на земле— значит, жить в этом месте пусть и трудно, но непременно хорошо.

Чем же хороши были для первых да и последующих вилковчан дунайские плавни?

Ответ на этот вопрос нетрудно найти в малоприметном сером домике на одной из вилковских улиц. Здесь помещается научно-экспериментальная база Института гидробиологии Академии наук УССР. База невелика— всего несколько комнат. Но потеснились, ужалились и одну из них выделили под музеи.

На фронтонах музея принято устанавливать мраморные доски с именем

Александр
КЛИНДУХОВ,
мастер,
Киев

Дежурный по роте

Луна над казармой...
Какая луна!
Полярные сияния
Золотого руна,

А выше луны
Золотая звезда
Горит в золотом
Оперенье одна.
Но золото сникло
И пало с небес.
Чернеет вдали
Облупившийся лес.
На сонной Камчатке
Не видно ни зги...
Рядком у кроватей
Стоят сапоги.
Намаявшись за день,
Ребята солят,

Давно превратившись
В заправских солдат.
Пускай отдыхают,
Покой не спутну,
Лишь тихо рукой
Прикасаюсь к окну.

За ним темнота
Без луны и без звезд,
За ним ни души,
Лишь камчатский мороз,
Такой же дежурный,
Лишь в роте другой,
Случайно к окну
Прикоснулся рукой.

Генрих ЕРЕМИН,
журналист,
Львов

Нет края дороже

Иду я лугом ласковым и влажным...
Любимая,
родная сторона,
я слышу вздох
твоей травинки каждой,
березки, что к пруду наклонена.
В просторах дальних
расцветают зори,
и что-то тихо
шепчут камыши.
И все во мне
земле родимой вторит.
И края нет
дороже для души.

Эрнест ГОНИКБЕРГ,
студент,
Москва

Приходит день — и дети уезжают.
Романтикам нельзя не торопиться
На прииски, где счастье намывают
По долгожданным крохотным крупицам.
О поезда, спешащие по свету!
Ты, современник, будешь счастлив, если
Доверишься плацкартному билету,
Забыв навек о теплом месте в кресле.
Пусть поезда спешат всегда и всюду.
Пока мечту прекрасную имеешь,
Доверяйся их движению, будто чуду.—
Ты ни о чем потом не пожалеешь.
Приходит день — и уезжают дети.
Родители, их рядом не держите.
Немало мест нехоженных на свете:
Спешите же, романтики, спешите!

Татьяна ТОКМАКОВА,
журналист,
Москва

Грибной дождь

Вспышки молний —
свет в окошке,
По панелям дождь
стучит,
Гриб сырой на тонкой ножке
Пень облупленный хранит.
Гулко в зарослях малины,
Мокрый ветер гнет кусты,
Многие опухшие рябины,
Бьет древесные стволы.
И под тяжестью корзинки
Опускается рука,
Разбегаются росинки
От носка до каблука.
Серебром покрыты

листья —

Капли ртути, бусин горсть.
Я сегодня самый званный
И желанный леса гость.
Незнакомая тропинка
Извивается ужом,
А березовая ветка
Чьим-то стала шалашом...
Я сегодня синеющий,
Сизокрылый звездопад
Буду ссыпать на далекий,
На забытый всеми сад.
И под тяжестью

прозрачной
Вновь опустится цветок,
И на небе семизначный
Вспыхнет радуги поток...

Виталий ОСТУДИН,
инженер,
Москва

Журавлиный грустный клин
И печальный красный клён.
Разве только я один
В осень русскую влюблен?
Осень, осыпь, убыль дней.
Дали. Клики журавлей
В небе чистом, голубом.
Возвращайтесь, мы вас ждем.

Сергей ЧАНИН,
рабочий,
Кривой Рог

Фронтовики

Уходят в мир иной фронтовики,
Оставив нам все радости, заботы.
Как будто вновь — от страха далеки —
С собой закрыли огненные доты.

Как будто снова в сумрачную даль
На перехват уходит истребитель.
Не слышен звон медали о медаль.
Тугая тишина — безмолвие в граните...

За тихой далью канула война,
Но сердце бьется трепетно и жестко.
И тает возле Вечного огня
Фронтовиков оставшаяся горстка.

основателя. У вилковского музея нет ни фронтона, ни доски, но основатель есть: четверть века назад тогдашний руководитель базы Александр Иванович Амброз решил во имя науки, природы и местного населения собрать воедино образцы всей живности, что водится в дельте Дуная.

Возможно ли создать музей, у которого нет ни официального статуса, ни штатного расписания, ни, главное, бюджета?

В принципе можно. Если есть достойные меценаты.

В Вилкове меценаты нашлись.

Вот на специальной подставке стоят редкий и очень дорогой экспонат — идеально сохранившаяся, без единой трещины и скола греческая амфора. Сделали ее двадцать с лишним веков назад, а состояние такое, что хоть сейчас наливай в нее масло, вино. На особой бумажке — биография экспоната: «Поднята со дна Черного моря при тралении широта. Место подъема в 50 км к юго-востоку от острова Змеиного. Глубина 60 м. Передана в дар музею». А дальше имя мецената. Его зовут СЧС-20 (капитан Топтыгин Михаил Петрович, старший механик Неплюев Иван Сергеевич).

Все, что есть в музее — и амфоры и чучела рыб, птиц, зверей — найдено, поймано, обработано и установлено руками местных рыбаков. Вилковчане издавна привыкли к совмещению профессий — были не только добывчами рыбы, но и строителями, огородниками, садоводами. Понадобилось — стали и чучелщиками.

Прямо скажем — первопоселенцы Вилкова амфорами не интересовались. Зато другие экспонаты музея легко объясняют, что привязало когда-то к здешним местам беглых российских крестьян и казаков.

Вот изрядный, на полцентнера, осетр. Вот севрюга и сом — той же весовой категории. Вот белуга. Она побольше — сто семьдесят килограммов. Но, оказывается, этот гигант не более чем подросток — здешние белуги весят до восьми центнеров!

Вот знаменитая дунайская сельдь. Вот судак, сазан, камбала...

У другой стены — зверье, от лисы до горностая.

Без малого двести видов рыб, птиц и зверей обитает в дельте Дуная! Да, предкам нынешних вилковчан, тем первым липованам, было за что полноить эту трудную землю...

А, кстати, почему липованы?

Сегодняшние горожане толкуют по-разному. Одни, никогда не покидавшие придунайской степи, уверяют, что их предки пришли когда-то из непрходимых липовых лесов. Другие считают, что причина иная — здешние староверы хранили и из рода в род передавали древние иконы, писанные на липовых досках.

У краеведов своя версия. Изданный в шестидесятых годах путеводитель по Вилкову утверждает: «Наиболее популярной и многочисленной религиозной едой у казаков были филипповцы. «Пилипоны» — так называли их на свой лад местное украинское население. Время и люди исказили чужое непонятное слово, и оно стало звучать как «липованы».

Между прочим, древние, редкой выразительности иконы сохранились тут до сих пор — по местной староверческой церкви можно часами ходить, как по картинной галерее. Вилковчане с гордостью вспоминают, как нескользко лет назад восхищались этими иконами Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Хожу по городу и читаю объявления — на двух-трех специальных щитах, на заборах, на столбах.

Объявление немного — верный признак того, что жизнь в городе устойчива и спокойна. Но же, что винят любопытны.

Вот требуется рабочая сила.

Рыбокомбинат имени В. И. Ленина — рефмеханик и гидроакустик. Ему же — рабочие на прудовом хозяйстве.

Местному рыбнадзору нужны первый помощник, третий механик и кок-матрос. Судя по объявлению, рыбнадзор тут технически оснащен вполне прилично!

Вот зовут слесарей и ремонтников. Но не простых, а с уклоном: нужны слесари-монтажники судовые и судокорпусники-ремонтники.

Впрочем, нужны и обычные каменщики-штукатуры: город строится. Ни одного объявления о продаже

машины или мотоцикла и штук дешево — о лодках, с моторами и без.

Одно-единственное объявление об обмене: «Меняю домик, четыре комнаты, все удобства...» В скобках расшифрованы «удобства»: «сад коло дома, огород на острове, две лодки и дубовый причал».

На дверях комиссионного магазинчика, расположенного рядом с киоском мороженщицы, свое возвание: «С мороженым в магазин прошу не входить!»

В городе неплохие магазины. Но торговое сердце Вилкова все-таки рыбок. Начинается он рано, часов в шесть, и до восьми вечера живет полноценной жизнью — одни отторгвались, другие подъехали. На бетонных и деревянных лотках — весь августовский национальный: яблоки, сливы, груши, помидоры, перец, арбузы, картошка, морковь, огурцы. Ну и, конечно же, свежая, соленая, копченая и вяленая добыча местных рыбаков.

Перед закатом в квартале от центра можно увидеть, как возвращаются домой стадо. Небольшое, но есть.

Дома в основном в один этаж. Двухэтажные — гастроном, универмаг, поликлиника — кажутся большими, а первая пятиэтажка — вообще небоскребом.

Похоже, что Вилково, несмотря на богатую историю и крепкое хозяйство, в смысле быта удачно задержалось на том этапе развития, когда цивилизация уже встретилась с природой, но еще не успела ее подавить.

Может, и не подавит? Уж очень специфичен город, специфична его ведущая профессия, специфична земля, на которой он стоит.

Будем надеяться, что и на долю будущих поколений достанется не только вилковская рыба, но и вилковская тишина.

...Не «комета», не «метеор», не какой иной прогулочный красавец — обычный речной работяга. Масть темная, вид скромный, грузоподъемность пятнадцать тонн, имя — «Кооператор». Род занятий полностью соответствует названию: флагманский (и единственный) корабль местного Рыбкоопа. В Вилковском порту мы приняли нуж-

ный груз — хлеб, сахар, минеральную воду «Куяльник» — и вот уже час плывем по Государственной границе Советского Союза.

Граница течет плавно, широко, и вода в ней вопреки популярному мнению не голубая, а серая. И слева и справа — низкие берега, плавни, камыши, и одинаковые ивы роняют в Дунай одинаковые листья. Только вдоль левого берега плывут листья советские, а вдоль правого — румынские.

Дунай — граница не просто мирная, но и очень работящая. Как Волга — главная улица России, так эта река — главная улица Европы, длиннейший проспект, проходящий по землям семи государств.

А здесь, в дельте, буквально бок о бок, порой чуть всплески не цепляясь, пашут воду наши и румынские рыбаки.

Почти вся вилковская индустрия пахнет мокрой чешуйей. Самое многолюдное предприятие города — тысяча триста работников — рыболовецкий колхоз имени Ленина. Дальше — рыбозавод. Следом — судоремонтный завод.

Единственная торговая фирма — Рыбкооп, снабжающий местных жителей всем, чего душа не пожелает: от соли до кофе, от иголок до золотых часов.

Но главная забота Рыбкоопа, естественно, рыбаки. По пяти участкам разбросаны их бригады. Каждая за двадцать — тридцать километров. Каждая — сто с лишним человек. И как хлебный или молочный фургон ежедневно обвязывает заданные торговые точки, там и «Кооператор» с понедельника по пятницу уложит серую воду Дуная. Везет, что попросят. Порой товара и всего-то на сотню-полторы. Но остров на Дунае — не городской дом, в ларек за угол не сбегаешь. А, например, хлеб приятнее свежий. Вот и пылит маленький «Кооператор» вверх-вниз по огромному реке...

Рыбацкий стан «Большое» расположился в одном из дунайских рукавов — на острове, близ устья. Остров низенький — река поднимается, его как бы и нет, только торчит из воды камыши. Непрочная земля!

Естественно, сам рыбстан представлялся мне столь же непрочным, временным.

И зря.

Вдоль глубокой и чистой протоки, отделяющей остров от соседнего, тянется бетонный тротуарчик — «главная улица» поселка. В сторону отходят тесовые кладки — переулки и тупики. Куда они ведут? К двенадцати стационарным, достаточно удобным общежитиям. К магазину. К складу. К пункту сортировки и сдачи рыбы. К электростанции (невелика, но есть!). К красному уголку, куда дважды в неделю приезжает кинопредвижка. «Зона цивилизации» на острове узка — от сильных метров тридцать, дальние плавни. Зато тянутся чуть не на километр. На этой полоске хватает места не только для жилья и рабочих помещений, не только для виноградника, слив, груши и свеклы-морковки, но и для озеленения! Да, да, лет восемь назад бригадир Петр Желтиков самолично посадил тут первые ивы и тополя.

Ну, а земля? Тверда, метра на полтора поднята над топью? Неужели и это все руки?

Руки приложить, конечно, пришлось. Но не прямо к плавням, а косвенно. Пригнали к острову баржу с экскаватором и бульдозером, расчистили и углубили протоку, насыпали, разровняли берег. Вот уже восемь лет рыбстан «Большое» стоит на твердой земле.

ЦВЕТЫ В ВИЛКОВЕ... ИХ МНОГО. И ПОТОМУ ПЧЕЛИНОЕ ХОЗЯЙСТВО ЕСТЬ ПОЧТИ В КАЖДОМ ДВОРЕ.

А нынешнему рыбаку нужна твердая почва под ногами.

Работа на «Большом» длится с марта до декабря. Ритм жизни почти заводской: с понедельника по пятницу — работа, суббота и воскресенье — выходные. Естественно, внутри рабочего дня график определяет рыба — ей не прикажешь ловиться с девяти до шести с перерывом на обед.

Бригадиру Желтикову за сорок. Моложав, подтянут, вежлив — чем-то похож на сельского учителя. На рыбе уже лет двадцать. Коренной вилковчанин, из известной рыбачьей фамилии. В его бригаде еще четверо Желтиковых — Николай, Сергей, Прокофий и Андрей, все Акиндиновичи, родные братья бригадира. Отец, Акиндин Трифонович, прожил 78 лет, из них рыбачил полвека. И дед Трифон был рыбак — шустрый, веселый, удачливый.

Конечно, масштабы нынче иные, не дедовские — под началом у Петра Акиндиновича 120 рыбаков, 120 лодок с моторами, современная снасть и все прочее бригадное хозяйство. И самый бы сейчас момент описать, с каким восторгом и доброй завистью посмотрел бы дед на славные дела внуков.

Но не стану описывать, не рискну. Ибо рядом с восторгом наверняка нашлось бы место и тревоге.

Да, здорово работают вилковские рыбаки. Да, держатся уловы. Да, работают доходы колхоза и колхозников.

Но если пятнадцать лет назад местные газетчики со вкусом описывали лов белуги и осетра, то сегодня упирают на трудовой героизм при добывке хамса и кильки.

Уловы осетровых падают — тревоги вилковских рыбаков растут. Не пусты сеть, но из тысячи килек не сложишь одну севрюгу. Черноморская красная рыба — драгоценный подарок природы, и пора всерьез задуматься о ее судьбе. Иначе, чего доброго, внуки Петра Акиндиновича смогут познакомиться с белугой лишь по чучелу в музее...

Не удивлюсь, если окажется, что по насыщенности автомобилями Вилково занимает одно из последних мест в стране.

Еще меньше удивлюсь, если выясняется, что по насыщенности лодками Вилково занимает первое место в стране.

Здесь имеет лодку каждая вторая семья. А порой и не одну. Ибо в Вилкове лодка не роскошь, а — спасибо за идею Остапу Бендери — средство передвижения.

Хозяин дома отправляется порыбачить — значит, необходима местного

типа лодка с расширенным и поднятым носом — по-здесьнему, «чердаком». Почему именно такая? В устье, где Дунай сталкивается с морем, волна идет дробная, беспорядочная и этой бестолковостью особенно опасная. А «чердак» дает лодке добавочную устойчивость.

Бабусе надо на рынок? Значит, не обойтись без легкой шаланды-плоскодонки — для здешних узких ериков она в самый раз.

А если подросшему парню, как говорится, пригрело в выходной покатать девушки? На мотоцикле в Вилкове особо не разгуляешься — значит, нужен цельнометаллический форсистый «прогресс» с быстрым мотором.

Ну и, само собой, сотни лодок у колхоза. И у рыбзавода — свои...

Вилковскую лодку творят только в Вилкове. занимаются этим опытные, с длинноющим стажем мастера.

Отличаются лодки прежде всего величиной. Но счет идет не на тонны и не на метры, а на количество шпангоутов — поперечных креплений из особо прочного, выдержанного дуба.

Десять пар шпангоутов — это шаланда, единственная среди местных лодок плоскодонка. На спокойной воде хороша и удобна, но море не для нее.

Восемнадцать пар — это просто лодка. Так и называется.

Тридцать — сорок пар — магуна, самая большая из вилковских лодок. На

может, вилковский пляж — в немалой степени будущее города, его козырная карта, золотой самородок, о который вот-вот ударит заступ старатель.

Впрочем, быть ли здесь курорт — вопрос в достаточной мере риторический. Ибо курорт уже есть. Хороший, плохой — но существует. В июньские дни на пляже трудится сорок тысяч человек! Не меньше, чем в Гурзуфе, Лазаревском или Адлере.

Курорт есть, но в то же время его как бы и нет. Земля под базы отдыха предприятиям Измаила, Килии, Кинесии и Львова выделена временно. Кемпинги — вообще понятие условное: приезжают люди на «Москвичах» или «Запорожцах», ставят машины, раскладывают палатки, где приглядывается. Вновь приывающие лепятся поближе. Глядишь, через неделю к кемпингу.

Все бы это неплохо. Но...

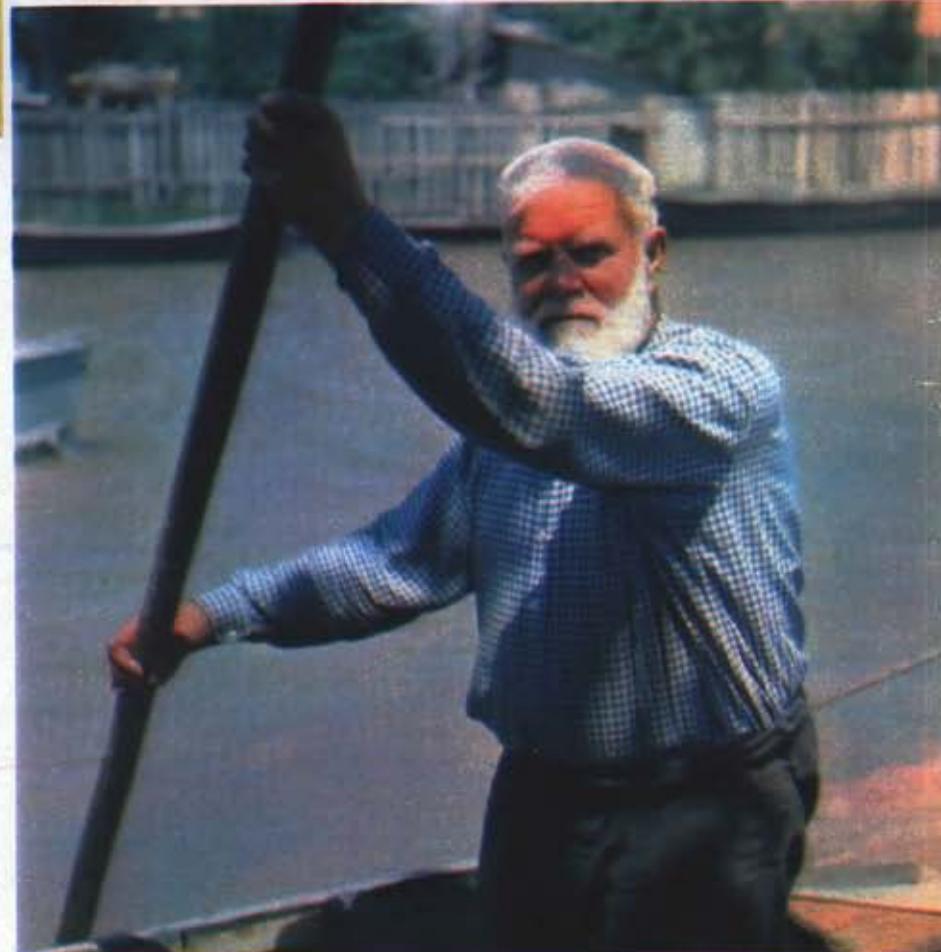
Кирилл Сидорович Тарасов — потомственный липованин. Работа у него хлопотная, зарплата умеренная — сто десять рублей — зато должность особенная: начальник пляжа. Звучит странновато и немного пугающе — вроде как «директор Моря» или «заведующий Лесом». Под начальством у нашего начальника шесть уборщиц и один сторож, охраняющий ночью пятачок, вокруг которого толпятся пляжные ларьки и киоски.

Тревожит Кирилла Сидоровича многое, а прежде всего — вода. Своей воды у пляжа нет — приходится цистернами возить из Вилкова. Дорого и нерационально. Но не только в этом проблема.

Дело в том, что Вилково — город, стоящий на воде, — сам нуждается в воде. Старый водопровод едва справляется с нуждами горожан. Не хватает уличных колонок — утрами многие вилковчане на лодках плавят по воде за питьевой водой. А в Дунае не зачерпнешь, рискованно: муть и грязь со

ДОМА ВИЛКОВЧАНЕ СТРОЯТ И ИЗ ПОДРУЧНОГО МАТЕРИАЛА — ГЛИНЫ И ТРОСТНИКА.

ТРАДИЦИОННЫЙ ВИД «ГОРОДСКОГО» ТРАНСПОРТА ЗДЕСЬ — ЛОДКА ИЛИ КАТЕР.

СИСТИ — ПТИЦЫ, ПРИНОСЯЩИЕ СЧАСТЬЕ, ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ В ВИЛКОВЕ КАК ДОМА.

ОДНА ИЗ ПОЧЕТНЕЙШИХ ПРОФЕССИЙ НА ДУНАЕ — СУДОВОДИТЕЛЬ.

ИЗ-ЗА СВОЕЙ НЕПОВТОРИМОСТИ И КРАСОТЫ ВИЛКОВО СТАЛО ПОИСТИННЕ ХУДОЖНИЧЕСКОЙ МЕККОЙ.

протянут временный водопровод. А потом что? Ломать?

Не прошло ли время временных решений? Не настал ли час выработать единый генеральный план и будущего Вилкова и будущего курорта?

Золотистая, чистая, стометровой ширины лента пляжа тянется на десятки километров. Дышит Черное море — вдох, выдох, накат, откат.

Дунайская Венеция готова стать дунайской Ялтой.

В таких случаях принято осторожничать: за что купил, за то и продаю.

Но я оправдываться не буду. Потому, что не покупал. Сам видел. И даже пробовал. И даже получалось. Ночью, на том самом пляже, о котором шла речь.

Известно, что, кроме большого рыболовства, существует и малое — в

масштабах страны куда менее важное, зато более азартное да и более веселое, не зря породившее бесконечную серию рыбакских анекдотов.

Естественно, у любителей нет ни морозильных траулеров, ни километровых сетей. Ничего — обходится. Спиннинг тоже годится. Нет спиннинга — удочка. Нет удочки — сачок. Ну, а если ни того, ни другого, ни пятого? Тогда как?

Не отчайвайтесь. Вон медведь на Дальнем Востоке кету передней лапой ловит. А мы, чай, не медведи. Цари природы. И передние лапы при нас.

Я не рыбак, поэтому врат не стану. Скажу правду; только правду и ничего, кроме правды.

Короче, иду вечером к морю, а на встречу — парень с ведерком. И в ведерке поблескивает.

— На удочку? — спрашиваю.

— Да нет, — говорит, — руками.

С юмором у меня в порядке, шутки понимаю. Киваю вполне серьезно.

— Ну, что ж, — говорю, — пойду и я попытаюсь.

На берегу — как всегда вечером: кое-какой народ, голоса, на песке пятна одежек, уже плохо различимые в сумерках.

Все, как обычно, вот только карманых фонарей многовато, да спички жгут, и не на берегу, а в воде.

Пригляделясь — люди, закатав штаны и подоткнув юбки, бродят по мелководью. Шупают воду подручным светом. И берут рыбу. Как берут? Руками. Как медведь на Дальнем Востоке кету.

Вот так вышло — вода похолодала, и рыбешка, бычок и камбала, пришла к берегу, к той межевой полоске мокрого песка, которая принадлежит то морю, то суще в зависимости от наката и ухода волн.

Камбала (или ее разновидность — здесь она зовется глоша) была невелика, с мужскую ладонь. Бычки — нормального размера. Их хватали руками, прижимали ногой, теряли и вновь ловили. В свете фонарика рыба стояла спокойно, лишь от прикосновения шарахалась и уходила — порой недалеко.

Я уже сказал, что не рыбак. Но не выдержал — разулся и полез в море,

пригибаясь, нацелив на воду обе свои пятерни — природой данную счастье.

Одна камбала попалась вполне приличная. Азарт необычной рыбалки захватил из посторонних не меня одного. Юная театроведка, не найдя и не выпросив полизтиленового мешочка, сняла с ноги носок, прополоскала в море и минут за двадцать доверху набила креветками.

А в стороне темное море было густо усыпано светлыми пятнами — чайками. Они не взлетали, не кричали — работали.

Почему рыба пришла к берегу?

Кто говорил — погреться на мелководе. Кто уверял, что ее отжала к берегу избаламученная волнением донная мертвая черноморская вода.

Директор базы отдыха «Электрон» испугался за своих отдыхающих: а вдруг массовый мор, рыбы болезнь, опасная и человеку? Позвонил врачам на санэпидстанцию: можно ли есть?

Люди в белых халатах ответили:

— Пусть едят, только и нам оставят.

И объяснили казус по-своему: мол, некоторые виды рыб, как и люди, могут страдать морской болезнью — если волнение длится долго, их укачивает.

Может, и так. Не ручаюсь. Вот тут за что купил, за то и продаю...

В отличие от нормальных хищников человек охотится и когда сыт — даже если питание в столовой оплачено на двое суток вперед. Утром добычики — театроведка с носком и автора этих строк терзали новые заботы: рыба поймана — теперь нужно поймать того, кто ее будет есть.

Дары моря богаты фосфором. Фосфор благородно влияет на мозг. Поэтому вилковские кошки съедаются, нахальны и на редкость хитры. От них романтически пахнет морем, сочущейся сетью, мокрой чешуей.

Говорят, в свое время Великий Петр замыслил на одном из невских островов устроить северную Венецию и даже начертил план, где быть каналам. Но то ли рук не хватило, то ли казна отошла — не состоялась задуманная Венеция...

Вилковские мужики оказались упорнее величайшего из русских царей.

всей Европы безропотно тащит могучую реку...

Директора солидных предприятий, чьими базами и лагерями застроен пляж, хотят и проблему водопровода решать солидно. Собрали совет, выдвинули из своей среды главного директора, генерального. Говорят, хорошее начальство — залог успеха. С этим теперь в порядке — начальство есть. Воды пока нет.

Но тут вот какой вопрос.

Землю под базы выделяли временно. Строили их тоже как бы временно. Ну,

А ЧТО У ВАС?

МУЗЕИ

МЫ С КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Эта школа находится на легендарном месте. Здесь шли революционные бои, здесь многое связано с именем вождя пролетариата. Вот почему школьный музей ребята назвали Ленинским. И ученики и педагоги восемьдесят седьмой московской школы по праву гордятся своим музеем. Ему от роду двадцать лет. Но, конечно, не только возраст — достоинство музея: он стержень всей общественной жизни школы.

Здесь много вещей, принадлежавших прежде революционным бойцам Красной Пресни. В своеобразную летописную книгу собраны воспоминания ветеранов. Это рассказы о далеком, грозном времени, когда шли бои за власть Советов, о судьбах тех, кто эту власть добывал с оружием в руках. Многие имена легендарных пресненцев были известны, но встречались и такие, о которых ребята ничего не знали. И тогда началась поиск...

Сколько писем им пришлось написать, по скольким архивам походить, пока не узнали судьбу рабочего Трехгорной мануфактуры Василия Чеснова, одного из участников восстания. Того самого Чеснова, который на суде появился в красной рубашке и после оглашения приговора первым запел «Марсельезу». Или вот: пришло письмо в музей с просьбой узнать, имеет ли отношение поселок Красная Пресня, что в Калининской области к событиям на Красной Пресне в 1905 году. Опять поиск, и доказательства налицо — да, имеет. Самое прямое. Туда были сосланы участники восстания.

А цепочка тянется дальше, связывая события героического прошлого с днем сегодняшним. Становится понятной связь времен и то, почему в одной витрине соседствуют экспонаты, рассказывающие о Николаеве, который возглавил боевую дружину мебельной фабрики Красной Пресни (теперь его имя носит улица, на которой стоит школа), и документы рабочего «Трехгорки» Анатолия Живова, Героя Советского Союза, повторившего подвиг Александра Матросова, и почему следопыты ведут поиск летчика Серова, о котором известно только, что он родом с Красной Пресни.

А ежегодно в апреле, в день рождения Ильина, ребята бывают в гостях у рабочих знаменитой «Трехгорки». Здесь проходит традиционный слет трех поколений краснопресненцев. Седые ветераны с наградами Родины на груди, нынешний рабочий класс Пресни и юная поросль легендарного московского района встречаются радостно — им есть что рассказать друг другу в этот торжественный день. Ведь все они с Красной Пресни.

Людмила КОХАНОВА.
Фото Александра КОСТЕНКО

ТРИ ТАРАНА В ОДНОМ БОЮ

История Великой Отечественной соткана из множества примеров героизма советских патриотов. Об одном эпизоде боевых будней Карельского фронта я хочу напомнить в эти безоблачные майские дни.

Апрель сорок второго. Пятнадцать бомбардировщиков «юнкерс-88» и пять истребителей «мессершмитт-110» шли на Мурманск. В воздухе фашистскую армаду встретила шестерка краснознаменных «ястребков». Летчиков, воспитанников Ленинского комсомола, вел в неравный бой гвардии капитан Алексей Поздняков.

В первой же атаке бесстрашный офицер сам сбил гитлеровского стервятника. Его друг и одногодчанин гвардии лейтенант Алексей Хлобыстов тоже взял на прицел вражеский истребитель. Но дать очередь он не решался: «мессер» пристроился в хвост одному из наших самолетов, и лейтенант мог выстрелами задеть своего. Ждать же, пока фашист скрежет очередью советский самолет, он не мог. Хлобыстов прибавил газу и, бросив машину вперед, ударили крылом гитлеровца по рулем. «Мессер» рухнул. Истребитель лейтенанта по-прежнему оставался надежен в управлении.

Враги, сбросив бомбы где попало, убрались восвояси. Радуясь, что налет неприятеля на город сорван, наши летчики, уже израсходовав боеприпасы, повернули назад. И вдруг на них, словно стая хищных птиц, свалилась из-за туч восьмерка «мессершмиттов». Из боя выйти было нельзя. И Поздняков мгновенно принимает решение: он разворачивает машину и ведет ее в лобовую атаку на ближайшего к нему гитлеровца. Фашистский летчик не смог увернуться... Погиб и Поздняков.

Хлобыстова в эти критические минуты пытались зажать два «мессера». Не растягиваясь гвардии лейтенант: повернувшись к одной из немецких машин, он смело пошел на сближение. Фашистский летчик не смог увернуться... Погиб и Поздняков.

— За Родину! Иду на таран!

Через мгновение он ударил по килью гитлеровского самолета своей уже поврежденной плоскостью. Враг рухнул вниз. Но и у нашего «ястребка» отлетела почти половина покалеченного крыла. И все же советскому авиатору удалось выровнять машину.

Так в одной воздушной схватке советские летчики, презрев смерть, совершили три таранных удара.

Через месяц Алексей Хлобыстов вновь, уже на обремененном горящем самолете врезается в фашистскую машину, не давая врагу уйти неотомщенным. Хлобыстову удалось выброситься с парашютом. В госпиталь он узнал: две Звезды Героя пришли в полк — ему и павшему смертью храбрых Алексею Позднякову.

Иван ТОРОВ

ПОДВИГ ПАМЯТИ

Воинские кладбища. Не на всех обелисках, увенчанных красной звездой, начертаны имена. Но и спустя десятилетия советские люди ищут тех, кто вершил в те грозные годы военный подвиг и остался неизвестным.

Заслуженный работник культуры Дагестана Валентина Васильевна Макарова решила установить имена бойцов, умерших от ран в госпиталях Махачкалы, списки которых затерялись в военные годы. Но не только установить, а и отыскать родственников воинов. Поиск занял несколько лет. И вот самоотверженность патриотки помогла вырвать из неизвестности имена более чем 2000 солдат и офицеров, прежде считавшихся пропавшими без вести.

Ныне из всех краев и областей страны едут в Махачкалу близкие и родные тех, чью судьбу установила Макарова. Едут, чтобы поклониться паху павших за Родину, чтобы поблагодарить Валентину Васильевну, совершившую поистине подвиг. Подвиг памяти.

Надежда ТЯНИНА

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

ПРИЗ ЖУРНАЛА — ГВАРДЕЙЦАМ

На дружеской встрече с представителями журнала гвардейцы высказали пожелание писателям, работающим над военной темой, чаще обращаться в своем творчестве к геромическому прошлому десантных войск, к их сегодняшнему ратному труду.

На снимке: член редколлегии журнала «Смена», лауреат премии Министерства обороны СССР писатель Александр Кулешов вручает переходящий приз, вышел и Диплом «Смены» победителем соревнования.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

РУКОПОЖАТИЕ ПОКОЛЕНИЙ

В мотострелковом подразделении Московского военного округа, которым командует капитан П. Черевиков, стали традиционными встречи с бывшими фронтовиками — отцами тех, кто сейчас проходит срочную службу. Нынешней весной в такой встрече, наряженной название «Рукопожатие поколений», приняло участие десять ветеранов Великой Отечественной войны.

Разведчики и танкисты, связисты и пехотинцы рассказали воинам о своих солдатских судьбах, выслушали рапорт комсомольского актива роты об успехах мотострелков в боевой и политической подготовке.

На стрелковом полигоне состоялись соревнования по стрельбе, в них участвовали и отцы и сыновья. По очкам победили нынешние солдаты.

Поздравляя сыновей с победой, кавалер двух орденов Славы Сергей Иванович Лычков, сын которого Алексей служит механиком-водителем БМП, сказал: «Три с лишним десятилетия минуло после войны. Мы постарели, зато мы выросли, совершенное стало оружие, умнее техника. Видим: это оружие в надежных руках».

Ян ПЕТРОВ

Поет труба о ратной славе

Захватывающее это зрелище: под пение труб и гром барабанов чеканит шаг солдатский строй!

Музыка армейских маршей всегда сопровождала русских воинов. Под звуки свирели и бубна ходили в походы «за моря», княжеские дружины Киевской Руси. Плечом к плечу с суворовскими богатырями переходили военные музыканты заснеженные Альпы. Разгромив «великую армию» Наполеона, донские казаки с бравурной мелодией гарцевали по улицам Парижа. Воодушевляя воинов, дисциплинируя ратный строй, военные оркестры пользовались особой любовью выдающихся полководцев Румянцева, Багратиона, Кутузова. «Музыка удваивает, утраивает армии» — говорил Суворов.

А сколько песен и легенд сложено о безымянных трубачах, звавших «Марсельезой» и «Интернационалом» бойцов на «последний и решительный...» в годы гражданской войны! Фрунзе и Ворошилов, Щорс и Буденный лично содействовали развитию советского военно-оркестрового искусства. В Великую Отечественную тысячи военных музыкантов отправились на фронт. Среди тех, кто, покончив с коричневой чумой, расписался на стенах поверженногоreichstага, были и армейские орденоносцы-оркестранты.

Любима военная музыка и в наши мирные дни. Строевая марш, походный, колонный, фанфарный, встречный, парадный — ее основные жанры.

Вот уже более сорока лет участвует во всех парадах на Красной площади в Москве главный музыкальный коллектив Советских Вооруженных Сил — Отдельный показательный оркестр Министерства обороны СССР. Его хорошо знают фронтовики: музыканты выезжают на передовую, играли в окопах, на полевых аэродромах, на палубах боевых кораблей, в госпиталях. Пели славу доблести советскому воину их серебряные трубы на церемониях вручения в действующей армии гвардейских знамен. Сейчас оркестр — частый гость концертных залов, театров, радио и телевидения. В репертуаре коллектива (а он впечатляюще — более ста исполнителей) музыка Алябьева, Глинки, Римского-Корсакова, Чайковского. Особой любовью слушателей пользуются симфонические произведения и инструментальные концерты Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мурадели... Оркестр выезжает не только в военные округа и флоты, но и за рубеж. Недавно французская публика горячо аплодировала мастерству наших музыкантов на Парижском международном фестивале военных оркестров.

Николай РУСИН

Венец победы

Каждому знакомы эти кадры кинохроники, снятые 24 июня 1945 года на Красной площади: парад Победы. По брускатке чекают шаг сводные полки фронтов — пехотинцы и танкисты, моряки и саперы, артиллеристы, летчики, связисты. И впереди каждого из двенадцати полков пьют в руках героями, символизируя нашу несокрушимую мощь, победные штандарты.

Штандарты Победы... Сейчас они заняли почетное место в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Здесь мне и довелось встретиться с ветераном войны И. Лучаниновым.

— Для всех это реликвии славы, — сказал Иван Владимирович, — а для меня они были и заданием особой важности...

Подразделению военных строителей, которых командовал Лучанинов, передали приказ Ставки: изготовить 12 штандартов. В них должны сочетаться величие подвига советского народа, радость и торжество Победы.

— Сразу встал вопрос, где достать нужные материалы, — вспоминает Лучанинов. — Я обратился за помощью к работницам художественно-производственных мастерских Большого театра СССР. С начальником буфетного цеха В. Терзибашяном и начальником слесарно-механического цеха Н. Чистяковым мы создали пер-

вый образец. Но Верховный Главнокомандующий его забраковал, объяснив, какими именно ему хотелось бы видеть штандарты. А до парада оставалось двадцать дней...

Мы работали круглосуточно. Требовалось выпилить модель, вычеканить лавровый венок, обрамляющий пятиконечную звезду, нанести серебрение и позолоту. Да еще изготовить основное вертикальное дубовое древко и вспомогательное горизонтальное. Бархатное полотнище штандарта расшивалось вручную золотом. Все эти тонкие и кропотливые операции повторялись двенадцать раз с разными вышивками наименования фронтов: «1 Прибалтийский фронт», «4 Украинский фронт» и другие.

Штандарты получились очень впечатляющими. Но тут произошло непредвиденное. Их вес оказался таким, что пронести на

вытянутых руках штандарты через Красную площадь оказалось никому не по силам. А до парада оставалось два дня...

И тут Лучанинов вспомнил о своей прежней службе в корпусном артиллерию, где он был знаменосцем. Вспомнил, и как крепилось развернутое знамя в конном строю на марше или параде. Спешно изготовили двенадцать широких кожаных портупей с опорными «стаканами» для упора древка. Задача оказалась решенной!

Утро 24 июня выдалось пасмурным, накрывал дождь. Но улицы столицы были заполнены ликующим народом. Над головами готовых к торжественному маршу войск алым морем плескались 360 боевых знамен. И вот полки двинулись. Впереди каждого гордо возвышался величественный штандарт.

Николай САУТИН

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Большого плавания, Москва!

Коллекция Государственного Эрмитажа пополнилась золотой наградной медалью с изображением парусника в штормовом море и надписью «корабельник». Для историков эта находка уникальна. Ведь отчекана медаль была... в XIV веке, и не где-нибудь, а в белокаменной Москве. Русь еще стонала под ханским игом, а наши свободолюбивые предки уже думали о славе флотоводцев...

Заглянем же в хронику отечественного мореплавания. В IV—X веках древние славяне совершали на своих кораблях походы в Италию, Византию, Константинополь. Черное море так и именовалось — Русским. В Софийском соборе в Новгороде хранятся бронзовые ворота — трофей морского похода славян в 1187 году на шведские земли. Действовал водный путь с Балтики на Черное море — «из варяг в греки». После освобождения от 240-летнего иноземного ига Москва стала и центром судостроения.

Из престольной столицы уходили и отряды в поисках «новой земли», «мягкой рухляди и рыбьего зуба». Московская дружина воеводы Курбского в 1499 году добралась до устья Печоры, вышла к Ледовитому океану.

Первое военно-морское учебное заведение — Навигацкая школа — было открыто также в Москве в 1701 году. В ней учились прославленные арктические мореходы Степан Малыгин и Семен Челюскин. Столица не только готовила морские кадры, но и обеспечивала корабли пушками и порохом, полотном для парусов. Вместе с мастеровыми работали и матросы. В Сокольниках до сих пор сохранились названия мест — «тишинка», где трудились моряки: улица Матросская тишина, Матросский мост, Матросский переулок.

Связь Москвы с флотом, ее непреклонное стремление к мореходству возросли в советское время. В столице в октябре 1922 года состоялся V съезд РКСМ. На нем Ленинский комсомол принял шефство над Военно-Морским Флотом. В годы Великой Отечественной войны на личные средства москвичей было построено свыше десятка боевых кораблей, которые прославились в морских сражениях с гитлеровскими захватчиками. Московский флотский экипаж направил на сухопутные фронты около ста тысяч военных моряков.

Тысячи километров отделяют древнюю Москву от синих морей и океанов. Но именно этот город дал путевку в большое плавание нашему могучему отечественному флоту, превратив Советскую страну в великую морскую державу.

Никита ТОЛСТОКОСОВ

ВЕРНИСАЖ

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ МОРИЮ

Ростислав Иванов принадлежит к плеяде художников-графиков, с самой первой картины раз и навсегда связавшей свое творчество с военной темой. Так уж сложилась его судьба, что в дни Великой Отечественной

войны еще подростком встал он к станку, точил головки для снарядов. После победы был призван на Северный флот. Подводник, старшина группы торпедистов, Ростислав Иванов побывал во многих морских походах. Тогда-то и родилась в его сердце любовь к этому суровому краю, людям, бдительно несущим океансскую вахту. В свободное время он рисовал своих сверстников-матросов, командиров, фронтовиков-орденоносцев.

Арктика. Заполярье. Художник вдумчиво изучает их историю. Так появляется «Северная серия» его работ, одна из которых — «Гибель «Тумана». Удивительна судьба корабля. «Туман» вступил в бой с тремя гитлеровскими судами. Уже объятым пламенем, корабль продолжал сражаться. Радист Блинков, сорвав с перебитого фашистским снарядом флагштока флаг, поднял его высоко над головой. Так и погрузился «Туман» в студеные воды Баренцева моря, но не спустил боевой стяг перед врагом.

А вот другая картина — «У лисса»; напряженно застыли перед дальним походом советские подводные лодки. Их грозные стальные тела напоминают туловища гигантских китов. Не раз заслуживала высокой оценки жюри и графическая работа «На страже».

После службы в армии Ростислав Иванов как художник и журналист побывал на многих морях и океанах.

Выставка картин Ростислава Иванова, открывшаяся в Доме культуры «Известий», посвящена 36-й годовщине победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Александр ДРОЗДОВ

СУДЬБЫ И УВЛЕЧЕНИЯ

КУЗНЕЦ РУЧНОЙ КОВКИ

Дома у Варганова хранятся две медали: «60-летие Вооруженных Сил СССР» и «30-летие Победы» (это как участнику трудового фронта). Но сын его, взрослый уже человек, никак не может заставить Семена Михайловича носить свои награды. Ответ отца один: «Не я форсироват-то».

Осенью 1917 года Семен Варганов, житель деревни Бор Архангельской области, семи лет от роду, начал ходить в школу. Встречные взрослые, зная его еще издали, непременно требовали: «Ну-ка, Семка, бросай книжки, бери гармонь да пошли с нами на праздник». А он стеснялся приглашений, хотя уже тогда играл на гармошке лучше всех в своей деревне.

Планки своей первой гармони Семен Михайлович сделал из винтовочных гильз. Затем отрезал от материнской шубы рукав, расправил его с двух сторон загода сооруженным деревянным квадратами. За шубу ему попало, но главное — гармонь играла.

Ковал Семен Михайлович тридцать лет. С тех самых пор, когда молодой колхоз «Бедняк» принял Варганова на должность кузнеца ручной ковки. Правление постановило выделить кузену лошадь для перевозки имущества и гарантировало оплату труда в размере 8 килограммов хлеба, 8 килограммов мяса и 1 килограмма масла в месяц.

Семидесят крестьянских дворов держалось на колхозной кузнице в мирное время. А когда настало военное, — двадцать окрестных деревень не чаяли души в его делах и заботах. Делал Варганов подковы, ковал лошадей, правил сломанные зубья борон, лемеха плугов — для победы.

И строил гармони. Уже пошла гулять по свету вторая сотня инструментов, на дереве которых изнутри написано карандашом: «Гармоний мастер Варганов». Летом ночи на Севере белые. Частенько и сутки напролет сиживал Варганов в своем «заводе» — закутке за печь. «Пилит-точит, пилит-точит, — ворчит первая супруга его Василиса Андреевна, — а потом заспрашивает, и не унять. Зевонит, зевонит, покоя не дает...»

Не просто добиться хорошего звука. Чтобы добрая сложилась у гармони песня, надо взять желтой меди по планке и красной меди по планке. А красную обязательно — от нее густота тонов. А потом найти ольху и березу. Ольху — на корпус, березу — на гриф. А кнопки-клавиши вырезать из лосиного рога. Гвозди, чтобы не портили вида, отковать фигуры и переключи их — будут помягче и лишнего дерева не испортят».

Некоторым инструментам, кроме своей подписи, мастер присваивает имя. Выкладывает его из цветных кусочков пласти массы на деревянном боку гармони: «Лира», «Оркестр», «Слава», «Рекорд». Лучшие свои гармони Семен Михайлович называет «Рекорд».

Петр НОВИКОВ. Фото автора

А ЧТО У ВАС?

смена 19

Этюды о художниках

Алексей КОРЗУХИН

РАДИТА В НЕНАСТЬ

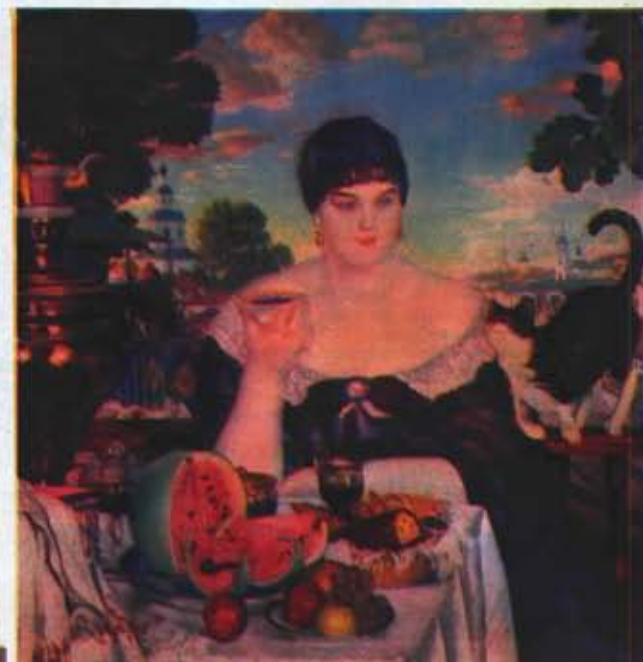
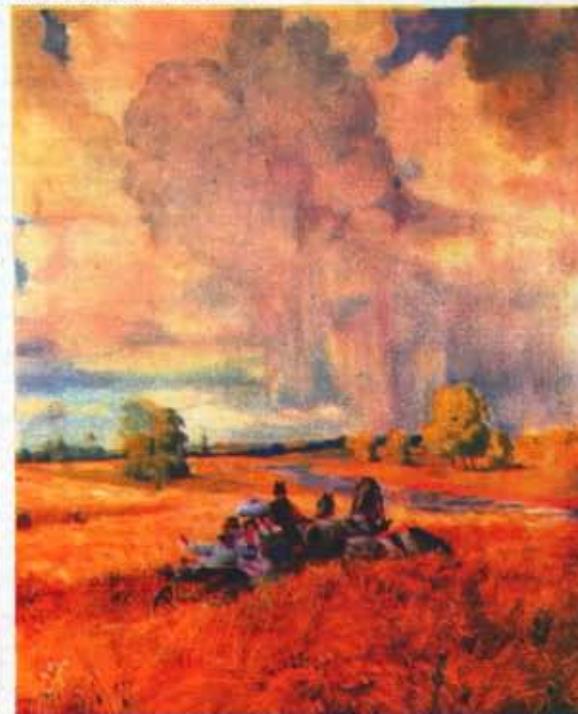
Счастлив тот художник, чьи образы стали нарицательными, как «нестеровские березки», «суриковские боярыши» или же «кустодиевские купчихи»... Когда определенный образ превращается в символ громадной жизненной и духовной реальности, более того — реальности исторической, то это говорит не только о том, что великий художник нашел себя в данной теме, но и о том, что сумел совместить две основные правды большого искусства — правду личного мировидения и правду народного самосознания.

По-разному писали русские художники народ русский. Разные исторические, социальные, нравственные задачи преследовались ими в разные эпохи. Было и любование молодецкой удали, фольклорной пестротой, балалаечно-лубочкой экзотикой, как у романтиков начала XIX столетия, впервые открывших для художества простолюдина; было и исполненное горечи и скорби сострадание к униженным и оскорбленным, забытым крепостным и нищим городским мастеровым, как у реалистов середины прошлого века; было у зреющих передвижников, скажем, у Репина, воспевание самобытного ума и громадной потенциальной энергии, таившейся в русском мужике...

К рубежу XX века казалось, что «мужицкая» тема уже начисто исчерпана, закрыта, скомпрометирована неумеренным показом героя из социальных низов, якобы неспособного воплощать в себе ни высшие интеллектуальные ценности, ни утонченную эстетическую культуру. Так думали многие, например, неоромантики «серебряного века», повлиявшие на некоторые течения предреволюционного двадцатилетия. Они прямо-таки ополчились на мужика в искусстве, противопоставляя ему то древнего славянина (Рерих), то изысканно-томного дворянина онегинской поры (Сомов), то грациозного версальского придворного (Бенуа), то, наконец, сказочно-былинного «доброго молодца» (Билибин). Но общество «Мир искусства», объединявшее подобных мастеров, все

же не стояло в стороне от столь характерной для первых лет нынешнего века тяги к постижению глубинной, исконной сути национального начала.

Наряду с сильной «западнической» струей здесь процветали искренние симпатии к набойкам и игрушкам с русского базара, к лубкам и вышивкам русского Севера. Только все эти симпатии были по большей части умозрительными или декоративно-прикладными, не трогавшими сердце «мирикусников» — типичных городских, книжных интеллигентов. При всей

КУПЧИХА ЗА ЧАЕМ.

ЛЕТО. 1922 г.

широке кругозора они страдали и целым рядом исторических предрассудков. В жаркой полемике с предшественниками рвались многие узы логической преемственности. Пойти в провинциальный трактир? Балаган? Лавку грязноватого «сидельца» из торговых рядов? Нет, они не были на это способны без некоторой внутренней борьбы, без кружевного платка с французскими духами, поднесенного к носу, без назойливых воспоминаний о выродившихся низкопробных «народнических» поделках поздних эпигонов передвижничества. Мира окраин они хотя и не чурались, но отводили ему второстепенную роль. А купцов с их зверогодобными рожами и смазными сапогами не то чтобы напрочь игнорировали (все-таки как-никак в них во многом и реализовался во всю ширь романтический «местный колорит»), но на порог тщательно продуманного интерьера в стиле «модерн» все же не допускали. Многим из «Мира искусства» все это казалось опошленным, избитым, примитивным, а сами персонажи — одномерными, грубыми, засалеными. Врубелевский «Демон» — и продавец лаптей... Смешно-с!

И вот объявился среди самих же «мирикусников» художник, которому мир «низовой» и простолюдин-

ПРАЗДНИК НА ПЛОЩАДИ УРИЦКОГО В ЧЕСТЬ ОТКРЫТИЯ II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА.

ный, мир разудалого народного гулянья «с топотом и свистом», мир немощных, то пыльных, то непролазных улиц показался не столько смешным и курьезным, сколько прекрасным, чудесным и здоровым в основе своей. Имя этого художника — Борис Михайлович Кустодиев. Ему сейчас минуло бы сто лет.

Один из любимых учеников и помощников Репина, он не отвернулся от богатейшего наследия пионеров народной темы в русском искусстве, а развел ее по-своему, по-новому, с невиданной дотоле широтой и размахом. Кустодиев был среди рафинированных эстетов «Мира искусства» отчасти едва признаваемой за «восточное варварство и безвкусие» белой вороной, отчасти вполне «своим», глубоко понятным по идеалам и стилистике живописцем. Кустодиев

протестовал в адрес скептиков: «Во всяком случае не нам, русским, называть пестроту варварской,— пусть это делают европейцы. А я считаю пестроту, яркость именно весьма типичной для русской жизни...» И вот, с одной стороны, он подчеркнуто, последовательно, из года в год шлифуя свое монолитное творческое кредо, настойчиво разрабатывал тему, шокирующую контрастную по отношению к «мирикунческим» изыскам и виньеткам. Здесь было много и от передвижнической типичности и фольклорных ценностей — смачная, ядреная краснощекая упругость тел и окружающих их предметов, прилизанная «роскошь» купеческого быта, все такое внешне увесистое, первосортное, добротное. А с другой стороны, Кустодиев все-таки оставался стилизатором, чуть-чуть театральным режиссером своих провинциальных балаганов и ярмарок и в еще большей мере откровенным насмешником, доводящим до грани неправдоподобного гротеска всевозможные чудачества и прихоти зажиточных слобод.

Кустодиев не вошел в «Мир искусства», не будь он сам эстетом — пускай даже эстетом на собственный лад, «себе на уме». С «мирикунческими» его роднило многое: и активная проращка сил, помимо живописи, также в графике, скульптуре и театре, и тяга к слегка пародийной иронии по отношению к традиционным изображениям и самим персонажам, и, что самое важное, взгляд по преимуществу в прошлое нации. Взгляд романтика, мечтателя, фантазера. «Ведь все мои картины сплошная иллюзия!... — воскликнул Кустодиев. — Мои картины я никогда не пишу с натуры, это все плод моего воображения, фантазия. Их называют «натуралистическими» только потому, что они производят впечатление действительной жизни, которую, однако, я сам никогда не видел и которая никогда не существовала...»

Сказано решительно и точно. Традиции реализма — это еще не сам реализм; главное — где, в чем видит художник прекрасное, как его созидает. А если мы вспомним, была ли Россия действительно такой сырой, ломящейся от изобилия плодов и яств, добродушной и самодовольной, беспечной и свято чтущей домостроевский уклад, как на полотнах Кустодиева, то двух ответов быть не может: нет, не была. Или почти не была — поскольку Кустодиев как археолог, этнограф, коллекционер буквально по крупицам собирая по провинциальным захолустьям последние остатки и свидетельства былого идиллического благоденствия «старой, доброй Руси».

В его годы ее уже почти не существовало. Молох

ПОРТРЕТ Ф. И. ШАЛЯПИНА.

«СТЕПАН РАЗИН».

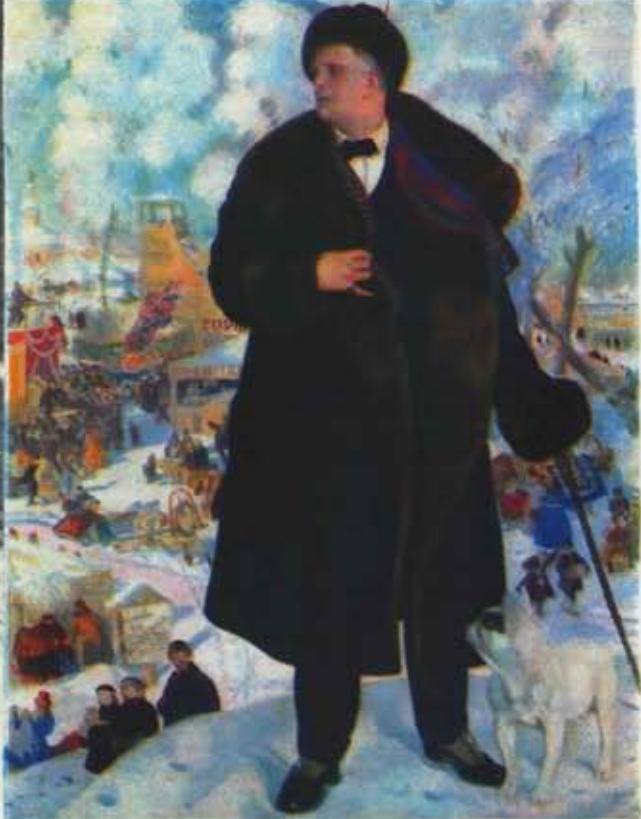
капитализма, унифицирующий личность и ее самобытные приметы, мрачно и совсем не «эстетично» раздавил, разметал, загнал в подполье отмирающую пестроту и уникальность идущего от средневековья, национального антуража. Стеклянного колпака, где бы это все сохранилось, в жизни не было — как не было, прав Кустодиев, и раньше в таком изобилии узоров и самоваров, платков и кафтанов. Требовалось многие годы путешествовать по старинным русским городам, дыша их вольным воздухом, заглядывая в лавки старьевщиков и в заросшие паутиной боярствы, чтобы затем мысленно воссоздать некий условный «русский образ жизни» в самом полном, совершенном и законченном его выражении. Ветры исторических перемен пролетели мимо кустодиевских ков. Здесь показано только окончательно ставшее, сложившееся, застывшее. Свою миссию художник и усматривал в возможно более развернутом, как кадр некой исторической киноленты, панорамном запечатлении взгляда народа на самого себя, пускай отраженном и в романтическом зеркале, порой даже утопическом — но основанном на оптимистическом, жизнеутверждающем начале. Художник сознательно как бы самоустранился, расставляя «со своей стороны» лишь едва приметные акценты.

Известную роль сыграли здесь и детские впечатления Кустодиева, жившего с матерью во флигеле у купца Догадина в Астрахани и наблюдавшего воочию жизненные прообразы, прототипы всех тех сцен и героев, которые затем перешли на сотни его полотен. Кто бывал в теперешней Астрахани — родном городе Кустодиева, где картинная галерея сейчас носит его имя, — тот хорошо помнит пережитое им щемящее чувство грустной нежности при виде чудом пощаженных безжалостным временем сухих, горбатых проулочков с сероватыми деревянными палисадниками. Тут воистину можно снимать «XIX век» без каких бы то ни было декораций. Видел, впитывал в свою зрительную память это и Кустодиев, хотя в его работах и нет буквальных, натуралистически точных «портретов местности». Такое, подчеркивал автор, бывало на Руси повсюду.

Но реконструировал Кустодиев не только внешний бытовой уклад — он «домысливал», что существенное, и гармонически ему соответствующие межчеловеческие, социальные отношения. Редкостью сделались во времена Кустодиева не одни лишь сарафаны и пряничные узоры, но и патриархальная, благочинная доброжелательность, снисходительность к классовым перегородкам и привилегиям, смиренная покорность вообще. Вместо разудалых, шалка набекрень, чуб на сторону, крестьянских парубков и лихих приказчиков, вместо упитанных, расфранченных купчих современная действительность все чаще выдвигала в качестве героя времен невзрачных, чахлых «фабричных» и сереньких, скромных интеллигентов. Вместо ярких и звонких народных гуляний на масленицу или по случаю ярмарки суровая жизнь предлагала иной тип массового действия — политическую демонстрацию, маевку, стачку. Во время революции 1905 года Кустодиев зарисовал несколько подобных сцен — «Манифестация», «Первомайская демонстрация»... Но проникнуться пафосом революционной борьбы, глубже всмотреться в лица рабочих художник не сумел. Так и прервалась эта едва начавшаяся линия — вплоть до первых советских лет, когда праздничное ликование и революционный пафос сольются у него — воедино. А пока Кустодиев — эстет и романтик, — в общем, прошел мимо конфликтов реальности ради утопического идеала «Руси уходящей», Руси, какой она должна была бы быть. Хоть и никогда фактически таковой не была.

Ясно отдавая себе отчет в хрупкой условности, легкой ранимости воссоздаваемого «живописного мира» (от соприкосновения с трезвой правдой исторического бытия), Кустодиев с тем большим рвением и упорством изгонял с полотен малейший намек на возможные социальные коллизии. Вот отчего все люди у него обращены друг к другу исключительно самыми светлыми, прекрасными сторонами. Не беда, что порой они открываются при этом и пошлыми — убогим ханжеством, приторной изворотливостью, закостенелым чванством. Его герои чужды социальной розни, протesta, бунта. Здесь каждый на своем известном месте. Это и делает умильно-приглаженным самого последнего нищего странника, ибо он не чувствует себя заброшенным и потерянным, находясь у основания социальной пирамиды. «Выломаться» из нее — вот для кустодиевского героя настояще горе. Да у живописца и нет таких. Как нет действительно голодных, нищих и ничтожных, даже просто людей в скверном расположении духа. Все запечатлены на «пике» своих духовных и нравственных возможностей, в полноцветии благополучия и внутренней приподнятости. Это сообщало искусству мастера высочайшую эстетическую цельность и в то же время лишало его потенциального соприкосновения с животрепещущими проблемами момента.

Художник все возводит в наивысшую степень,

доводит до наивозможного предела, до грани художественно-вероятного, до рискованного порога, за которым и впрямь таилось беззакусие русопятского, с черносотенным душком, кича. Но Кустодиев, человек высочайшей культуры и такта, никогда и нигде эту грань не переходит. А там, где он откровенно дает своему зрителю знать, что и сам не особенно-то верит в «заправдашность» изображаемого, он предлагает вступить с ним в остроумную и увлекательную эстетическую игру. Это слово-игра является ключевым для понимания существа кустодиевских замыслов. Люди на его полотнах не столько живут, любят, молятся и торгуют, сколько именно «играют в жизнь». Кустодиевские типажи все как будто снабжены утрирующим гримом для последнего ряда. Все они в той или иной мере «переигрывают», как провинциальные балаганные плясуньи. Все исполняют свои социальновтиражные и декоративные роли с энтузиазмом и рвением самодеятельных статистов. Оттого и краски Кустодиева благоуханно-полифоничны, мажкорны, радостны. Он избегает серых, приглушенных соцветий, потому что и его героям не любят их. Вот за этот пафос провинциализма, за едкую пародию на «высокий» театр «мирикунски» — эти почитатели классических портиков «града Петрова» и интеллектуальных драм Ибсена и Метерлинка — Кустодиева недолюбливали. Но без этой несколько двойственной и художественно рискованной игры в жизнь Кустодиев не был бы Кустодиевым. В лучшем случае — плохоньким историческим иллюстратором. А у него все окрашено грациознейшей, прочувствованной, «стильной» поззией...

Уж если презираешь издерганного, рефлексирующего интеллигента и суетливого, озлобленного, пошлого буржуя новейшей формации — этих «героев нашего времени», то поневоле владеешь в слегка фарсовую, водевильную условность театрализованной ретроспекции, поневоле создаешь свой «театр масок», поневоле превращаешь героев в каких-то дергающихся по прихоти автора марионеток, кукол, заводных механизмов. И здесь отрешенность Кустодиева от безликой «механичности» современной жизни, его страстный порыв к былой естественности патриархального состояния обернулись (подспудно, конечно, иначе художник не вынес бы явной неправды) своей противоположностью — мольчаливой пантомимой немых сценических силуэтов, которым практически нечего сказать «от себя» новейшему зрителю. Кроме того, что «как хорошо, как весело, вольготно» жилось на просторах матушки Руси.

Но, невзирая на изнанье в дверь, дух исторического времени все же влетел в творчество Кустодиева, буквально говоря (о чем ниже), в окно. Недаром он и начинал свою карьеру живописца исторически-костюмированными эскизами. Постепенно кристаллизясь и саморазвиваясь, ретроспективный идеал Кустодиева, основанный на воспевании совершенного быта, волей-неволей «через голову» настоящего все чаще обращался в будущее. Разумеется, фантазии мастера не превратились в фантастику, и лишь 1917 год позволил Кустодиеву наконец зирко распознать черты осуществимости своей утопии. Он принял революцию — принял, быть может, с ее чисто эмоциональной, улично-праздничной стороны (как этого и следовало от него ожидать), но сумев почувствовать за раскованной взволнованностью массы близящийся приход своего «живописно»-полноценного человека непосредственно в живую жизнь.

Уже события февраля всколыхнули вдохновение Кустодиева: вопреки обыкновению не копировать натуру он в картине «27 февраля 1917 года» дал почти точное изображение увиденного в тот день из окна своей мастерской. Это были решительно настроенные солдаты петроградского гарнизона, свергнувшие царя, красногвардейцы, радостные горожане, высывающие на заснеженные улицы под яркие лучи предвесеннего солнца. И хотя такого рода сцены революционных празднеств еще долгие годы перемежались у Кустодиева привычными для коллекционеров и зрителей «купальщиками», провинциальными ловеласами и попами, было ясно: революционная тема развивалась по восходящей, а «купеческо-декоративная» — по нисходящей. Творчество Кустодиева, столь крепкое и монолитное ранее, словно раздвоилось на картины о современности — в них властвовал пафос уверенности, победы целеустремленности — и чисто условные, праничные, всецело ностальгические воспоминания о навсегда ушедшем прошлом. Кустодиев параллельно искал образ нового советского человека — работника и общественного деятеля — и донашивал блекнувшие от времени одежды своих старых знакомых — обывателей Полесья. Он не мог расстаться с ними, как неспособен ни народ, ни художник мысленно покинуть, стряхнуть с себя воспоминания о счастливом и безоблачном детстве, об этаких сладких снах наяву...

В 1918 году, когда Кустодиев создавал большое монументальное панно «Степан Разин» для праздничного украшения города, к нему на квартиру зашел матросский патруль. Быстро был найден общий язык.

«Хорошее дело,— сказал «браташка» в адрес мастера,— теперь художники очень нужны пролетариату, вот какая теперь начинается прекрасная жизнь!» Кустодиев и сам это понимал со всей отчетливостью. О своих переживаниях того бурного периода он писал другу: «Было жутко и радостно все время. Глаза видели, а ум еще не воспринимал. Как будто все во сне и так же, как во сне, или, лучше, в старинной «феерии», все провалилось куда-то старое, вчерашнее, на что боялись смотреть, оказалось не только не страшным, а просто испарилось «яко дым»!!! Как-то теперь все это войдет в берега и как-то будет там, на войне. Хочется верить, что все будет хорошо и там. Ведь это дело показало, что много силы в нашем народе и на многое он способен, надо только его до предела довести. А уж, кажется, он «доведен» был, особенно нашими «охранителями».

Кустодиев имел полное право так заявить: ведь еще в революцию 1905-го он ядовито и жестоко прошелся в карикатурах для сатирических журналов «Жупел» и «Адская почта» по тупым и скотоподобным рожам царских министров, палачей и изменников народному делу...

Теперь Октябрь выдвинул перед ним задачу создания положительного образа революционера-большевика. Картина 1920 года «Большевик» во многом оказалась аллегорической. Над городом, заполненным бурными толпами демонстрантов, широко и уверенно шагает, держа в руках алый стяг, вожак революции — пролетарий-большевик. Он хозяин земли, и потому разномасштабен с городской архитектурой, вырос во всепобеждающего колосса. Здесь дает о себе знать навык романтического гиперболизма в почерке Кустодиева, однако нельзя не признать за этим полотном огромной впечатляющей, убеждающей силы.

Но что же помешало Кустодиеву запросто выйти с этюдником на улицу, пойти на завод, чтобы непосредственно перенести на холст новые, рожденные революцией, типы. И здесь мы должны затронуть одну решающую важную причину сугубо интимного, личного свойства, по которой Кустодиев советских лет был поневоле обречен на иносказания. Об этом нельзя умолчать, ибо это причина того же порядка, что и старческая глухота Гои, горбатость Борисова-Мусатова, сломанный нос Микеланджело, тяжелейший недуг Врубеля. Дело в том, что с середины 1910-х годов Кустодиев, находясь в зените своих сил и дарования, оказался с парализованными ногами, прикованным к креслу-каталке. И это — на фоне совершившегося семейного счастья (известны многочисленные портреты его жены и детей), общественного и профессионального признания (звание академика живописи, приглашения на профессорскую должность), мировой популярности (одному из немногих русских художников итальянская галерея Уффизи заказала ему в 1912 году автопортрет для своей знаменитой коллекции)... Трудно передать словами масштаб обрушившейся на Кустодиева трагедии!

Когда оперировавший его спинной мозг хирург вышел на минуту в коридор клиники, чтобы спросить жену, что дороже сохранить — подвижность рук или ног, та, не задумываясь, воскликнула: рук, конечно же, рук! Ведь он — Художник. И Кустодиев остался художником, больше того, стал трудиться еще упорнее, ожесточеннее, упрямее, напрягая как свою память, так и воображение. Но — практически без свежих натурных впечатлений... Реалиста по преимуществу это бы подкосило, романтика только заставило замкнуться в своей «башне из слоновой кости». Кустодиев, не ропща на судьбу, выбрал некий средний путь — сочинять заново на основе конкретных явлений. Недуг не сделался рубежным, поворотным пунктом творческой эволюции Кустодиева: нюансы различий в его полотнах «до» и «после» уловит только внимательнейший знаток. Но немочь подспудно и шаг за шагом отражала Кустодиева от кипящей вокруг него жизни, от необходимых для созидания новых образов примет революционной современности.

И все же без таких примет Кустодиев просто не был в состоянии работать. Получив от Петровского заказ на картину «Праздник на площади Урицкого в честь открытия II конгресса Коминтерна», он наблюдал за происходящим из автомашины. И даже такие беглые натурные впечатления сразу оказались в расширении круга типических образов эпохи: на полотнах появляются матросы с «Авророй», образованный рабочий, читающий «Правду», солдат, работницы. Бывшая Дворцовая площадь бурлит толпой, состоящей из представителей разных возрастов и национальностей; их сплачивает воедино не благость, не утробное веселье, а подъем революционной энергии. Солидарность в общей борьбе обеспечивается общностью их идеальных и исторических устремлений — устремлений, не «консервирующих» старое, а рушащих все старое ради нового. В 1923 году было закончено другое «праздничное» полотно Кустодиева — «Ночной праздник на Неве», также посвященное летним гуляньям, но на сей раз под лучами

морских прожекторов, в сверкании фейерверков, под рокотом авиационных моторов. Оно более романтично, театрализовано, чем зрелище демонстрации на площади Урицкого. Кустодиев в чем-то похож тут на Сомова с его ночных маскарадами и искусственным освещением. Но мы не отыщем и следов самоповторов, подражаний. Просто вынужденная опора на силы собственного таланта, на опыт соратников...

«Только ради бога... не говорите о моей болезни никому,— просил Кустодиев друга в письме,— а на-против, что я здоров, а главное, весел, впрочем, это правда, несмотря на ужасные боли,— я сам удивляюсь на свою жизнеспособность и даже жизнерадостность. Уж очень люблю, видно, «жить»!!» Кустодиев, конечно, не подозревал, что эти строки могли послужить своеобразным эпиграфом ко всему его творчеству. Силы ему придавала всеподчиняющая любовь к искусству.

После смерти В. И. Ленина Кустодиев порывался сразу же создать композицию о прощании с ним народа. Но отсутствие живого контакта с личностью такого архисложного, многогранного человека не позволило сразу реализовать этот план. О проблемах, связанных с созданием своей, кустодиевской Ленинианы, художник говорил так: «Самое существенное в вопросе о портретах Ленина — это то или иное задание, данное портрету. Ленин-ученый — одно лицо; Ленин-агитатор, говорящий речь на площади, — другое и т. д. На чем же остановиться? Если говорить о каком-то одном портрете, который должен суммировать все стороны характера и деятельности Ленина, то от художника требуется синтез целого ряда образов. **Похожий** портрет — это такой портрет, который **внутренне похож**, который дает представление о сущности данного человека. И тут нужно предоставить художнику возможность выражать свое понимание этой сущности».

И вот за основу искомого синтеза Кустодиев решает принять литературный текст; в частности он создает обширные иллюстративные циклы к двум сборникам биографического порядка: «В. И. Ленин и юные ленинцы» и «Детям о Ленине». Первая книга содержала 21 иллюстрацию, вторая, наиболее известная, — 44. Само собой разумеется, что Кустодиев, этот «мирикунек» по природе, великолепно справился также с оформлением обложки, переплета и тому подобных деталей книжного организма. Представляя массовому, пока еще малообразованному читателю сцены биографии Ленина от гимназии до руководства правительством и государством, Кустодиев стремится быть предельно доходимым, понятным. Здесь в полной мере пригодилось умение Кустодиева обыгрывать выразительную деталь. Например, в речи Ленина, обращенной к аудитории из рабочих, солдат и крестьян, он особо останавливает внимание на характерном динамичном ленинском жесте. А вот Володя Ульянов из ученической партии — напротив, задумчив и сосредоточен.

Не все в равной мере удалось в этом цикле Кустодиеву; он в глубине души завидовал тем коллегам, которым довелось зарисовать Ильи с натуры, — особенно Альтману. По сравнению с его беглыми набросками иллюстрации Кустодиева к другой книге о Ленине — «Один день с Лениным» А. Ильина-Женевского — отдают некоторой неуверенностью, даже робостью. «Мне приходится, — сознавался Кустодиев, — создавать иллюстрации к книгам о Ленине исключительно на основании фотографического материала. Прежде всего, необходимо выбрать из разнообразных снимков наиболее достоверные, а человеку, не видевшему Ленина, сделать такой выбор особенно трудно...» Но Кустодиев, как всегда, не сдавался, пробуя, варьируя образ Ленина вновь и вновь. Опять-таки в графике он выполняет в 1924—1926 годах для почтовой бумаги, массовым тиражом по заказу Комитета популяризации художественных изданий, четыре портрета Ленина — пишущего за столом, принимающего парад на Красной площади, на трибуне и в овале из советских эмблем.

Кустодиев, бесспорно, один из пионеров советской Ленинианы. Художник твердо верил, что образ Ленина — ключ к верному, адекватному постижению коренных процессов, совершающихся в России и преобразующих ее и народ. И потому на фоне многочисленных работ Кустодиева начала 20-х годов (таких, как иллюстрации к русским классикам, лубки и композиционные литографии) штудирование материалов о Ленине приобрело особо значительное место. Тем более что жить художнику осталось совсем недолго — он умирает от случайной простуды в 1927 году, немного не дожив до пятидесяти лет...

Кустодиев — новатор традиционализма и одновременно завершитель поисков обширной плеяды художников, преданно воплощавших в той или иной форме заветы служения искусством своему народу и отображения в искусстве русского народа. Он внес свою, теперь уже абсолютно необходимую и обязательную для нас лепту в совокупную панораму народной жизни. Не будь Кустодиева, какой громадный кусок ее был бы навсегда, невосполнимо потерян!

НАУКА

ТРУД
на пороге
третьего
тысячелетия

Будущее начинается
сегодня

Есть книги, над которыми надо сидеть за письменным столом, тщательно следить за мыслями автора, сопоставляя их со своими думами, делать выписки, а порой и расчеты. К таким книгам принадлежит и фундаментальное исследование В. К. Врублевского «Труд на пороге третьего тысячелетия» (Полиграфиздат Украины, Киев, 1980).

Одним из основополагающих факторов эффективности любого научного исследования является системный, комплексный подход. Главное достоинство рецензируемой работы и заключается в применении этого научного принципа к исследованию проблемы общественно-го труда в условиях научно-технической революции.

Влиянию научно-технического прогресса на характер и содержание труда посвящено немало работ. Поэтому как несомненную заслугу следует отнести умение автора из всего многообразия задач выделить и исследовать менее разработанные. В их числе всестороннее, углубленное изучение категории «общественного труда», тенденций качественного изменения содержания и характера социалистического труда в условиях научно-технической революции, специфических особенностей труда в сфере науки. Особое внимание удалено автором раскрытию роли КПСС, других братских партий, а также социалистического государства в ускорении научно-технического прогресса.

В монографии охвачены главные аспекты проблемы общественного труда в условиях НТР. Изложены общетеоретические проблемы труда в соответствии с важнейшими практическими задачами повышения эффективности общественного производства, проанализировано содержание научно-технической революции и ее влияние на характер социалистического труда и процесс формирования личности.

Выполненное исследование отличается высоким уровнем, фундаментальностью разработки многих аспектов проблемы общественного труда в условиях научно-технической революции, важными научно-теоретическими выводами, глубиной осмысления вопросов методологического характера. Все это позволило избежать односторонности, присущей многим ра-

ботам прикладного характера в области экономики, психологии, истории, кибернетики, медицины и др.

Не случайно рецензируемая работа с большим вниманием встречена широким кругом читателей, и прежде всего молодежью, изучающей проблемы политической экономии.

Доступная и своеобразная форма изложения, яркие и интересные примеры, нестандартная форма введения и заключения, несомненно, заинтересуют студентов, преподавателей вузов, научных работников, пропагандистов, слушателей сети партийного и комсомольского про-вещения.

Антонина СИДОРОВА,
кандидат экономических
наук,
председатель совета
молодых ученых
Института экономики
промышленности
АН УССР

ПРОЗА

Андрей Яхонтов
«Плюс минус
девять дней»

Не задержаться
на перекрестке

Одна из повестей, вошедших в книгу молодого писателя Андрея Яхонтова «Плюс минус девять дней» («Молодая гвардия», 1980 г.), носит необычное название — «Светофор». Цвет — желтый. Однако дело не в оригинальности названия — важно, что в нем отражено главное, характерное для творчества прозаика — молодой человек на перекрестке жизненных путей. В напряженных раздумьях, в острых ситуациях приходят герои Яхонтова к выбору пути. Их характеры еще не сложились, нет четко определенной жизненной позиции, но есть стремление понять себя, осознать свое предназначение. И в этом — залог их человеческого и гражданского возможного.

Писатель с завидной тонкостью и тактом доносит до нас душевые состояния героев, не навязывая при этом читателю своего оценивающего «я». Нет, он не скрывает, что проделывает одинаковую со своими героями трудную работу ума и сердца — отыскивает светлые и чистые истины бытия, которые бывают порой затуманены ошибками, разочарованиями, горестями. Коснувшись этого света и чистоты, вступающий в жизнь человек становится способным преодолеть внутреннюю инертность, достичь нравственных вершин. Не задержаться на перекрестке.

Оптимизм по отношению к своим героям вовсе не приводит писателя к этакой «розовой» описательности недостатков, которые беспокоят в современной молодежи. Нет, за внешне беспристрастным фиксированием событий чувствуется искреннее волнение, чувствуется страстное желание автора не только подметить отрицательные черточки, но и найти способ, как избавиться от того, что мешает человеку стать собой настоящим. Ибо своего «героя на перекрестке» Яхонтов не просто «рисует», но с его помощью решает сложные, острые социальные проблемы.

— Просто не знаю, что с вами делать, Искорцев. Даже «тройки» и той поставить вам не могу.

— Я занимался, — ответил я. Разговор происходит между студентом, героем другой повести Яхонтова «Плюс минус девять дней», и преподавателем. Легко узнаваемый разговор, часто подобное приходится слышать в той или иной обстановке: в школе, техникуме, институте, на предприятиях... Стоп! Только на предприятии эта самая «тройка» выпливается в убыток обществу. И за знак «плюс» или «минус» перед отрезком времени в десять дней люди должны нести суровую ответственность. Так что инфаркт Искорцева не такой уж безобидный, касающийся только его и маленько-го мира его компании. Но за бесцельно проведенные десять дней Искорцев, естественно, при участии автора, раскрывает читателю свой отнюдь не бедный внутренний мир, показывая себя человеком мыслителя. Не случайно его взгляд слишком часто обращается к аппликации с романтическим сюжетом — мальчик выпускает в небо лебедя. Обретут ли крылья помыслы героя, облекутся ли они в материю? Дано ли будет ему стать романтиком действия или его романтика так и останется рисованной? Вопросы эти, заметите, острые.

В книгу вошло и десять рассказов молодого прозаика. Чем интересны их герои? И молодой шофер, как мальчишка, мучимый первой любовью («Книга»); и талантливый журналист, незаметно, но бесповоротно разменивающий себя на мелочи («Лето кончилось...»); и «толстокожий» яхтсмен, которому трагедия открыла естественность права человека на неповторимость («Ветер с юга»); они и герой других рассказов пытаются найти свой, порой дорого оплаченный ответ на извечный вопрос о предназначении человека на земле.

Книга Андрея Яхонтова интересна проблемами, своеобразным видением мира. И, что не менее важно, острым социальным зрением.

Андрей КОМАРОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Страна детства

Эта книга вышла в Международный год ребенка, когда вся планета и каждое государство как бы подводили итог сделанного для детей. Под веселой, яркой обложкой книги «Чтобы солнечко светило, чтоб на всех его хватило» («Детская литература») собраны очерки Станислава Фурина, написанные для детей и о детях. Идеиную направленность этого сборника можно определить словами из авторского предисловия: «Каждое поколение вносит свой вклад в историю, и тебе, — обращается автор к маленькому читателю, — тоже предстоит влиять на свою страницы в биографию человечества».

Станислав Фурин ведет серьезный разговор со своими читателями о жизни нашей детворы,

обращающаяся к документам истории, рассказывает и об ином, безрадостном детстве их сверстников в капиталистических странах. В каждом очерке неизменно присутствует — иногда впрямую или как смысловой итог — сопоставление общественных нравов, условий жизни и быта стран с различным социальным строем.

С первых лет Советской власти наше государство проявляло особую заботу о подрастающем поколении («Декрет», «История по буквам», «Мы идем на смену»): уже в июне 1925 года открылся всесоюзный пионерский лагерь Артек. Более полу века существует этот уникальный ребячий город, сюда на отдых приезжают дети из всех стран мира. Здесь, на международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце», собралось 4,5 тысячи ребят из 103 стран мира. Навсегда останутся в памяти огромная площадь, расцветшая алыми гвоздиками в руках участников праздника, песни и вкус печеной картошки у пионерского костра, «поляна космонавтов», рисунки-плакаты на асфальте... Подружившись в Артеке, ребята получили первые уроки пролетарского интернационализма, а «солидарность, рожденная в детстве», — высокое чувство, которое каждый честный человек пронесет через всю жизнь.

Об ином детстве рассказывают известный писатель Джинни Родари, американская коммунистка Шарлен Митчелл, журналистка Дина Ринальди, доктор Бенджамин Слок («Три встречи», «Дина Ринальди не ошиблась»). Лишь незначительная часть маленьких граждан этих стран имеет возможность учиться, а каникулы, проведенные в загородной местности, — для многих невыполнимая мечта.

Оптимизм самой высокой пробы проникнулся очерки «Про автобус № 32554» и «Мечты сбываются, Хуан!». Юный вьетнамский разведчик Фан Ван Бин, приехавший в Болгарию после тяжелого ранения, увозит на родину подарки от болгарских, финских и венгерских пионеров. А маленький Хуан — гражданин новой Кубы, изучающий русский язык, сможет пекать учиться в Советском Союзе.

Книга прекрасно иллюстрирована, она написана задушевно, с проникновением в непростой мир маленького гражданина планеты. Думается, что она будет прочитана всеми с интересом — всеми, кому дорога страна детства.

Ирина ЕВТУШЕНКО

ПУБЛИЦИСТИКА

Новорожденный

Любая, даже небольшая по размерам статья о памятниках культуры вызывает неизменный отклик в сердцах соотечественников, тем более что они, как правило, пишутся людьми одержимыми, радеющими о ценностях нашей культуры, принимающими близко к сердцу потери или разрушения, и нет читателя, сердце которого не скажлось хотят бы в недолгом отклике — в скорби, радости или гордости за великое наследие своего народа.

Передать же все чувства, охватывающие, когда листаешь целый сборник таких статей («Памятники Отечества», изд-во «Советская Россия», 1980), просто невозможно, но главное из них, пожалуй, — удивление перед богатством и многообразием этого наследия, и если одна статья всегда найдет струну, которая дрогнет в нас, то сколько же стрункоснется сборник! Ибо в нем рассказывается о многом и многими, радеющими и одержимыми бесконечно любящими свое Отечество.

Предваряет сборник своего рода обзор самого движения по охране памятников, ибо «просто так, само по себе ничего не сохраняется, случайность есть — творение может погибнуть от пожара, войны, невежества или непонимания, но то, что история сберегла, то, что отбрано веками, — величайшая ценность, данная нам в наследство. Это уже закономерность. Все бездарное, ремесленное, пошлое живет недолго, оно чуждо народу и отмирает», — пишет председатель редакционного совета альманаха академик И. В. Петрянов-Соколов. С первых шагов молодое Советское государство подняло оголю в защиту национальной культуры и ее памятников. Альманах воспроизводит на всю страницу введение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, само по себе ставшее уже культурным и историческим памятником: «Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу. Граждане, берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших...»

Секретарь Архангельского обкома партии Б. В. Попов, рассказывая о памятниках Севера, настойчиво говорит о необходимости постоянной заботы о них, всенародной заботы. Ему вторит поэт Сергей Викулов:

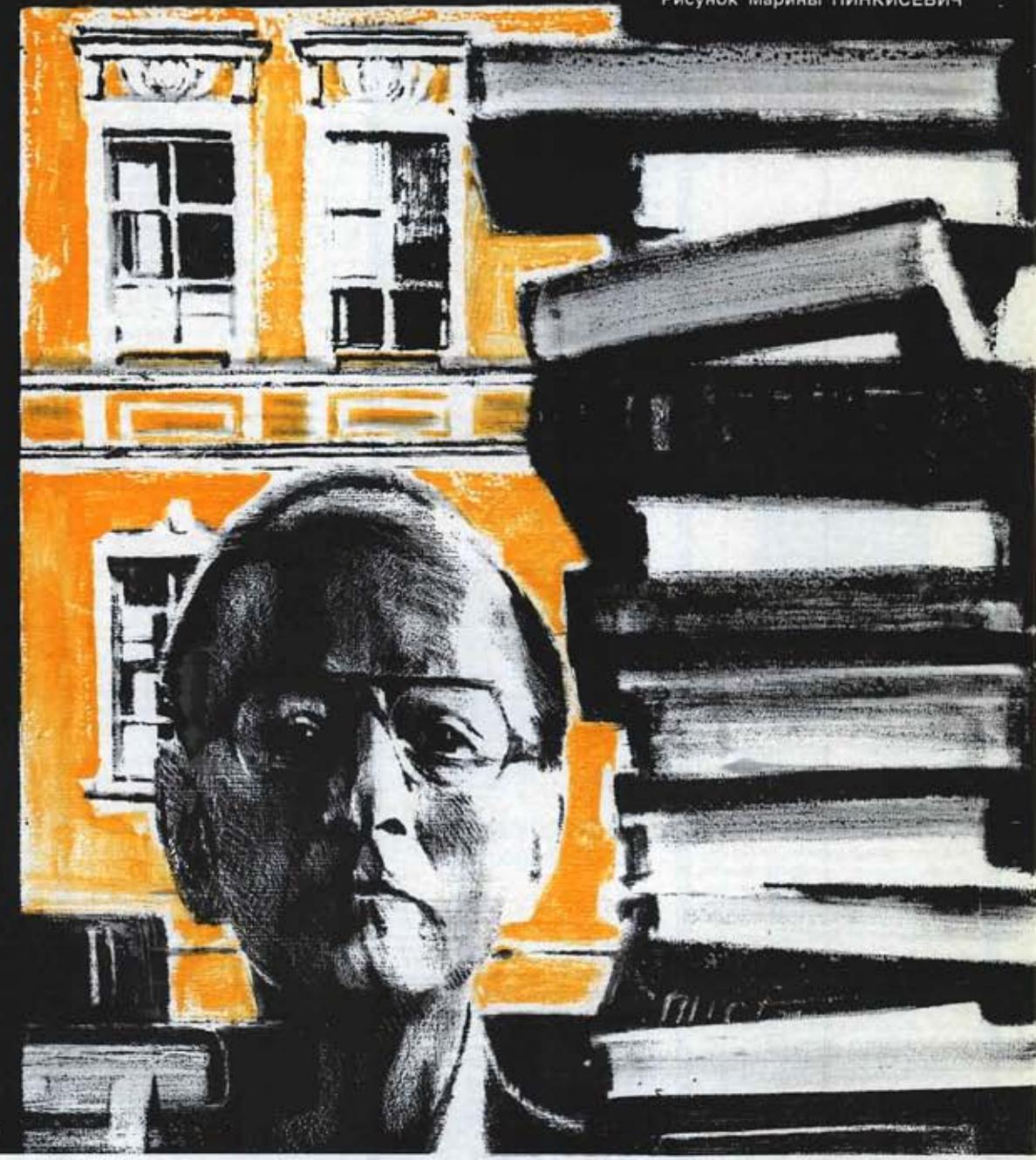
«Почувствуй стык времен плечами. Ведь ты всего лишь знак колыча в цепи, которой нет начала и не предвидится конца!»

О воссоздании, о чуде восстановления сказочных росписи храма Спаса на Ковалеве, фактически стертого с лица земли фашистами, о многолетнем подвиге художников Грековых иначе не скажешь...

Отпущенного для короткой рецензии места не хватит, чтобы хотя бы перечислить все, вошедшее в сборник, обозначить диапазон его — это и две редакции «Предисловия, откуда и от кого времени начали быти в нашей Рустей земли осыглагное пение», и о проекте «энциклопедии русского отечествоведения», об иконе XVII века с изображением «Сказания о Мамаевом побоище», обнаруженной в 1951 году в Ярославле, и о Красной площади времен Дмитрия Донского, о Звенигородском чине Андрея Рублева и о том, что есть, вернее, был в Даровом за Зарайским дом, где прошли детские годы Достоевского, о дальнейших мерах сохранения памятников при современном градостроительстве, о новостях реставрации и боли потерян, и о фольклоре и глубинных основах его, ибо «в наших сказках не мешки ищут с золотом, а ищут Жар-птицу и отправляются за живой водой...» И если вам удастся подержать в руках, прочесть этот прекрасно составленный и прекрасно иллюстрированный сборник, уникальный уже только по количеству тепла и любви к Родине, содержащегося в нем, то сколько же струн отзовется в душе вашей!

«Сумен услышать это эхо, глубинным нервом ощутить, чтоб, не плутая, дальше ехать, чтоб не всплесну дальше плыть...»

Лариса БОБРОВА

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

СРЕДА ОБИТАНИЯ

— Когда я выходил из дома, меня задержали.

— Куда же делся ваш «дипломат»?

— Понимаете,—смутился Платонов,—я очень испугался, когда товарищи... меня... увидели. Темно, пустой дом. Я побежал, наткнулся на кого-то, упал с крыльца... Ну и...

— Говорите, говорите,—подбодрил подполковник.

— Совершенно машинально я сунул один «дипломат» под крыльце. Там была дырка. Совершенно машинально...

«Недооценил я этого типа,—подумал Корнилов.—На его месте не каждый сообразил бы так ловко отделаться от опасного груза».

— Почему же вы сунули под крыльце свой чемоданчик?

— Я же говорю — машинально. Я даже не помнил, в каком из них лежали мои иконы, в каком — иконы Барабанщикова.

— Поразительное совпадение,—покачал головой

Игорь Васильевич.—Вы только в одном ошиблись — зачем же свои иконы в чужой «дипломат» засунули?

Платонов жалко улыбнулся.

— А что лежало в чужом «дипломате», когда вы взяли его из бюро?

— Какие-то старинные рукописи и эта книга.

— Евангелие?

— Ну да. Рукописи я выложил в бюро, а книгу оставил.

— Почему же выложили рукописи? Чтобы освободить место для икон?

— Чужие рукописи. Они ведь, наверное, на учете. А книга могла пригодиться.

— Аристарх Антонович, а билет на «Стрелу»? Он был в чемодане?

— Не знаю. В отделение для бумаг я не заглянул. Торопился.

— Как бы вы, Аристарх Антонович, облегчили себе участку, если все это рассказали сразу,—сказал Корнилов.—И как бы сократили наш путь к истине.

23

«Ему слишком многое придется потерять,—подумал Корнилов, вышагивая по пустынному парку. Первые желтые листья, нападавшие за ночь, шуршили под ногами. Неяркое утреннее солнце чуть пригревало спину, легкие волны сизого дыма расплзались по аллеям — где-то рядом, за кустами, жгли костер.— Слишком многое... Если дом поджег Озеров, то он будет отбиваться до последнего. Голыми руками его не вольешь!»

Когда Корнилова мучил какой-нибудь нерешенный вопрос, он любил пройтись один, вдали от людей, от уличной суеты. Любил, если позволяло время, сесть на электричку и выехать за город. Не очень далеко — в Лисий Нос, в Александровку, — и пройтись по лесу. Но долгого одиночества он не выдерживал. Ему нужен был собеседник, скорее даже слушатель, на котором он проверял бы свои суждения. С годами научившись разбираться в своем характере, подполковник сожалению замечал за собой такое непостоянство, но избавиться от него не мог.

«Неужели Озеров поджег дом только потому, что не нашел там своего «дипломата»? И боялся, что его найдем мы?» — Корнилов знал теперь содержимое этого маленького портфельчика как свои пять пальцев: три иконы Барабанщика, положенные в портфель Аристархом Антоновичем, евангелие, билет на «Стрелу» на второе сентября, маленький листок в клеточку, согнутый пополам, использованный как закладка в книге. На листке размашистым почерком странный буквенно-цифровой набор: ОФ 45113 614. «Чего больше всего боялся Озеров? Если рукописей, выложенных Платоновым из «дипломата», то он их, наверное, нашел в бюро. Чего же еще? Билета на поезд? Думал, найдем билет и выясним, кто его покупал, — подполковник усмехнулся. — В этом случае он сильно преувеличил наши возможности. Пробовали. Ничего не получилось. Если бы билет выдали из брони, тогда успех гарантирован. А из свободной продажи — ищи ветра в поле. Ну а потом, даже если билет покупал Озеров, что это доказывает? Ровным счетом ничего. Купил и отдал Барабанщикову. Скорее всего Озеров боялся замки, за книгу, за редкую книгу. Но вот парадокс: казалось бы, найти владельца редкой книги несложно. А библиофилы разводят руками!»

Об этом евангелии знали только то, что оно принадлежало знаменитому книжнику Хлебникову. И откуда оно вдруг снова появилось на свет божий, никто даже предположить не мог. «Скорее всего привезли из-за границы», — сказал Корнилову Феликс Демьянович Уточкин, один из старейших ленинградских библиофилов, приглашенный в Главное управление для экспертизы. Часть библиотеки Хлебникова еще в прошлом веке была вывезена на Запад его племянником Полторацким.

Корнилов проверил — за последние три года Озеров за границу не выезжал. Правда, ему могли эту книгу привезти, но в таком случае о ней, наверное, знали бы и в институте, на службе Георгия Степановича.

«Книга украдена? Какой бы ценной она ни была, подождите дома — преступление более серьезное, чем кража книги. Так рисковать из-за нее? В конце концов мы же нашли чемодан! Как теперь доказать, что он принадлежит Озерову? Мало ли в городе людей с такими «дипломатами»? — Корнилов вдруг почувствовал волнение, еще не осознанное, подспудное, предчувствие того, что он нащупывает в этой мутной, илистой воде твердый грунт, спасительную переправу. — Так, так, так, товарищ сыщик, думайте, думайте, — прошептал он, радуясь. — Надписи, инициалы на этом «дипломате» нет, значит, с этой стороны Озеров опасности не ждал. Но его сослуживцы, соседи, жена знали, какой чемоданчик у него имеется. И, наверное, знали какие-то индивидуальные приметы «дипломата»? У того, что мы изъяли, плохо закрывается левый замок, темное пятно на подкладке... И Озеров мог бояться, что этот чемодан опознают. Почему боялся — вопрос иной. Но боялся настолько, что пошел на преступление. Что бы сделал я, если хотел скрыть продажу «дипломата»? Если бы это был, допустим, Олин подарок и я не хотел ее расстраивать? Купил новый, точно такой же!»

Корнилов остановился посередине аллеи и оглянулся, отыскивая телефонную будку. Ничего похожего поблизости не было. Он быстро зашагал по направлению к Крестовскому мосту. «Там домик сторожа, там, наверное, есть и телефон», — подумал Игорь Васильевич.

Пожилая сторожиха даже не взглянула на удостоверение, которое подполковник предусмотрительно — на случай, если откажется — протянул ей.

— Звони, миленький, звони, — сказала она доброжелательно. — От него не убудет, а двушек-то не напасешься.

Корнилов раскрыл записную книжку, нашел домашний телефон Лебедева. И уже когда набирал номер, ему пришла в голову еще одна интересная мысль, но он не успел додумать ее до конца — Лебедев снял трубку, сказал меланхолично: «Слушаю...»

— Володя, это я, Корнилов.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — почтительно обрадовался старший лейтенант.

— Ты когда с Озеровым встречался, не заметил, «дипломат» у него был или нет?

Лебедев помолчал немного. Потом сказал:

— Был, товарищ подполковник. Я еще подумал: чего он ко мне с «дипломатом» вышел? Ведь снова к себе в кабинет возвращался. Боялся, что кто-то из сотрудников туда залезет?

— Какого цвета «дипломат»?

— Коричневый. Такой же, как мы у Аристарха изъяли. Небось, им всем «хаусмайор» доставал.

— Молодец. Соображаешь, — сказал Корнилов. — В некоторых деталях ошибаешься, но направление верное. На службу не опоздай. — Он повесил трубку и поплыл записную книжку. Раскрыты ее и несколько секунд внимательно разглядывал чистую, в мелкую голубенькую клетку страницу, словно ожидал, что на ней вот-вот появится ответ на мучивший его

вопрос. «Похоже, что тот листок тоже из блокнота», — прошептал он.

— Записать чего надо? — спросила сторожиха, оторвавшись от вязания. — Карапашик могу дать.

— Спасибо, — улыбнулся подполковник. — Обойдусь без карапашика. Еще разок позову. — Он захлопнул книжку, сунул ее в карман. Номер диспетчера гаража Корнилов знал наизусть.

Уже в машине, по пути в управление, он подумал: «А все-таки Озеров слупил. Нелегко было бы нам доказать, что «дипломат» с билетом и книгой принадлежит ему. У страха глаза велики...»

24

Корнилов посмотрел на часы. Было ровно десять. И в этот момент в динамике раздался голос секретаря:

— Товарищ подполковник, к вам пришел Георгий Степанович Озеров.

— Пусть заходит, — как можно спокойнее отзвался Игорь Васильевич, а сам подумал, чуточку волнуясь: «Какая точность. Показная бравада или жизненный принцип?»

— Здравствуйте. — Озеров остановился в дверях, и Корнилов отметил: коричневый «дипломат» у него в руке.

— Здравствуйте, Георгий Степанович. Проходите смелее, не стесняйтесь.

Озеров сел в кресло, поставил чемоданчик рядом.

— В последние дни замечаю пристальный интерес к своей особе. — Он улыбнулся, неестественно широко растигнув губы.

— Есть у нас к вам интерес. Не буду скрывать, — серьезно, не отзываясь на улыбку, не подыгрывая, сказал подполковник.

— И это все из-за Алика Барабанщикова? — На его лице, имевшем какие-то неуловимые птичьи черты, промелькнула легкая гримаса сожаления.

— Если я буду ходить вокруг да около, — подумал Корнилов, — я ничего не добьюсь. Этому человеку есть что терять — он будет выкручиваться до последнего.

— Сам по себе Барабанщиковых для нас уже ясен...

— Но меня, надеюсь, ни в чем плохом не подозревают?

— Георгий Степанович, с разрешения следователя я сейчас допрошу вас.

— Допросите?! — удивленно сказал Озеров и склонил голову чуть набок.

— Да. Допрос будет записан на магнитную ленту. — Корнилов щелкнул переключателем.

Озеров пожал плечами, словно бы говоря: «Записывай, мне все равно». Но подполковник уловил еле заметную перемену в посетителе — Озеров сразу как-то собрался, исчезла напускная вальяжность, хотя глаза по-прежнему излучали доброжелательность.

— Когда вы купили ваш «дипломат»?

— «Дипломат»? — удивился Озеров. — Вот этот? — Он поднял чемоданчик с пола и показал подполковнику.

— Да. Этот.

— Давно. Точно не помню. Года два тому назад. Мне достал его Барабанщиковых. У него точно такой же.

— Вы ничего не путаете? Может быть, этот «дипломат» у вас совсем недавно?

— Я ничего не путаю, — отрезал Озеров. — А в чем дело?

— Георгий Степанович, — жестко сказал Корнилов. — Вы купили этот чемодан три дня тому назад. Взамен оставленного вами в доме Барабанщиковых.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? — начал Озеров. Лицо у него стало бледным. Подполковник предостерегающе поднял руку.

— Выслушайте меня до конца спокойно. Вы купили этот чемодан три дня тому назад. Из новой партии. «Дипломат» чешского производства, их не было в Ленинграде больше года. Можно проверить. — Игорь Васильевич потянулся к чемодану.

Озеров беспрекословно отдал его. Корнилов щелкнул замком, поднял крышку и показал на малярную шелковую полоску, вшитую в подкладку:

— Вот, видите, здесь несколько цифр, по которым торговые эксперты подтвердят мои слова. Вы поторопились восполнить потерю, Георгий Степанович. Покрасовались с чемоданом перед Лебедевым. И даже пришли с ним ко мне. Эта демонстрация вам серьезно повредила.

Озеров сидел не двигаясь, сцепив руки так сильно, что побелели пальцы.

— От кого вы узнали о гибели Барабанщикова?

— А он разве погиб? — деревянным голосом спросил Озеров.

Корнилов усмехнулся.

— Вы неосторожно себя ведете, Георгий Степанович. Сказали нашему сотруднику, что «хаусмайор» всегда возил ваш автомобиль на ТО, и тут же сослались на то, что в субботу едете на станцию техобслуживания сами. Почему же сами? Да потому, что вы уже знали, что Барабанщикова

нет в живых. — Он помолчал с интересом присматриваясь к Озерову. — Так кто же сказал вам о его смерти?

Озеров молчал. Теперь его бросило в жар. Очки его чуть запотели, он снял их и стал совсем похож на птицу. Чуть припухшие верхние веки наползли на закатившиеся красноватые глаза. Корнилову вдруг показалось, что Георгию Степановичу стало плохо, но Озеров провел рукой по лицу и пристально посмотрел в глаза подполковнику, словно хотел узнать, а что еще, какой сюрприз поднесет ему этот человек.

— Не хотите отвечать? Подумайте, — спокойно сказал Корнилов. — У вас, Георгий Степанович, есть два пути: первый — все рассказать начистоту. Этот путь самый короткий. И самый легкий для вас и для следствия. Второй путь — от всего отказываться. Ждать, пока вас не припрут к стенке уликами.

Озеров молчал.

25

Бесконечные, тягучие беседы с клиентами «хаусмайора» Барабанщикова — когда одни из них, начиная испытывать запоздалый стыд за столь сомнительное общение с ординарным жуликом, выкладывали о нем все, что знали, другие, щадя свое самолюбие, ограничивались однословными ответами на вопросы о практических выгодах, полученных от этого общения, — наконец-то стали приносить свои плоды. Так бывает у исследователя, который долгие дни и недели следит за показаниями приборов, разносит их по графикам рабочего журнала, строит графики, и в один прекрасный день картина поиска предстает перед ним во всей своей прекрасной обнаженности. События ускоряют свой бег, застывшее, казалось, еще недавно время словно срывается с цепи. Так произошло и с делом «хаусмайора». Все сходилось на долговязой фигуре Георгия Степановича Озерова. Требовалось только собрать улики, удовлетворившие бы следователя, судей, которым в будущем предстояло решать судьбу Озерова, а самого Георгия Степановича заставить поднять руки. Или, если он не склонен к подобному проявлению эмоций, молча опустить голову. Но сделать это нередко бывает так же непросто, как и отыскать преступника.

В ЭНТЭ Главного управления провели по просьбе Корнилова тщательную почерковедческую экспертизу страниц из записной книжки. Сравнили почерк, которым была сделана непонятная для сотрудников запись, с почерком Озерова и убитого Рожкова. Оказалось, что запись сделана Рожким.

Заместитель директора института, в котором работал Озеров, согласился принять Корнилова немедленно.

— Третья комната на втором этаже, — сказала вахтерша.

«А Озеров работает в шестой, — вспомнил подполковник. — И тоже на втором этаже».

Он поднялся по лестнице, ступени которой за долгие годы были истоптаны тысячами посетителей, и прошелся по коридору. Комната заместителя директора находилась рядом с лестницей. Игорь Васильевич прошел мимо, разглядывая номера на дверях, остановился у той, на которой красовалась маленькая бронзовая табличка с номером шесть. За дверью слышались голоса. Подполковник постучал.

— Войдите, — раздалось из комнаты. Он узнал голос Озерова и распахнул дверь. Георгий Степанович сидел за небольшим канцелярским столиком, заваленным книгами. За двумя другими столами сидели женщины. Одна молодая, какая-то бесцветная, другая — пожилая яркая брюнетка. Увидев Корнилова, Озеров насторожился и начал отодвигать стул. На ворвое, хотел встать.

— Простите, а товарищ Трофимов где сидит? — спросил подполковник.

— Вы прошли. Виталий Иванович находится во втором кабинете, — ответила брюнетка приятным грудным голосом.

Корнилов поблагодарил и закрыл дверь, успев заметить растерянность на лице Озерова.

«Волнуйтесь, Георгий Степанович, переживайте. Может быть, это поможет вам принять важное решение, — подумал Корнилов. — Вы должны знать, что уже горячо. Мы уже рядом, мы не спим».

— Вы товарищ Корнилов? — спросила сухонькая седая старушка в маленькой приемной. Наверное, секретарь. — Виталий Иванович вас ждет.

Крупный, кряжистый мужчина лет пятидесяти, с копней чуть высыпших светлых волос вышел из-за стола, протянул руку:

— Трофимов.

Показал Корнилову на единственное поистершееся кожаное кресло возле маленького столика с мраморной столешницей. Сам сел за стол. Сказал, кивнув на книжный шкаф:

— Книги и архивы скоро вытеснят из этого дома людей.

На одной свободной стене висела старинная гравюра с изображением наводнения в Петербурге, на другой — огромная стеклянная табличка с надписью: «Курить строго воспрещается».

— За время моей работы в институте представитель милиции впервые в этом кабинете,—сказал Виталий Иванович.—А я здесь уже пятнадцать лет. Что-то стряслось серьезное?

— А разве после убийства Рожкина никто в институт не приходил?

Трофимов нахмурился.

— Да, приходили. Я знаю. Но сам был в экспедиции. Корнилов вытащил из кармана конверт, извлек страницу из блокнота, протянул заместителю директора.

— Виталий Иванович, эта запись ничего вам не говорит?

Трофимов взял листок, внимательно прочитал, посмотрел на оборот листка.

— Не очень понятная запись... Что имел в виду писавший? Какой архив? Если наш, то у нас всегда стоят переди буквы «Л» «И». Литературный институт. В Пушкинском доме «П» и «Д» — Пушкинский дом. А здесь...

— Значит, все-таки архив? — быстро спросил подполковник.

— Конечно! «О» и «Ф» — общий фонд. Первые три цифры, наверное, номер описи. Потом номер дела, номер листа. Если, конечно, речь идет об архиве.

— А если человек делает запись для себя? — сказал Корнилов.— Для памяти, так сказать. Зачем ему писать первые две буквы «Л» «И», он ведь их и так знает...

— А кто писал?

— Рожкин.

— Рожкин! Николай Михайлович? Значит, это наш фонд. Правда, он работал и в других архивах. В ЦГАЛИ, в Литературном музее.

— Можно посмотреть, что скрывается за этим номером в вашем архиве?

— Конечно.— Виталий Иванович что-то написал на маленьком твердом листке, встал из-за стола, открыл дверь в приемную.

— Мария Михайловна,— позвал он секретаря.— Очень прошу вас истребовать эту папку.— Трофимов протянул ей листок.

— Вы думаете, знакомство с архивом поможет вам в работе? — спросил он, вернувшись на свое место за столом.

Корнилов покал плечами.

— Так, так, так.— Быстро пробормотал Трофимов.— Интересно. Очень интересно. А почему вы заинтересовались только этой папкой? Ведь у Рожкина в его бумагах осталось, наверное, немало таких записей? Он все время работал с архивами.

— Убийца не тронул ни деньги, ни документы Рожкина. Дорогие часы — подарок института — остались на его руке. Пропала только записная книжка. Несколько дней назад мы нашли этот листочек.— Корнилов тронул рукой страницу.— Один этот листок в клеточку с записью. Может ли мы пройти мимо папки, номер которой написан здесь рукой убитого?

— Так, так, так.— Теперь в скороговорке Трофимова сквозила тревога.— В высшей степени любопытно. В высшей степени! Вы не курите? — вдруг обратился он к подполковнику.

— Курю. Но у вас такие объявления.— Игорь Васильевич кивнул на табличку «Курить строго воспрещается».

— Да, да! Запреты, запреты. У нас же всюду бумаги. Архивы. Ценнейшие архивы. Но мы закроемся.— Виталий Иванович хитро улыбнулся, достал из стола пачку «Столичных», маленькую пепельницу, повернулся в двери ключ.— Мария Михайловна поступит.

Они с удовольствием закурили.

— Виталий Иванович, а что вы можете сказать об Озерове? — спросил Корнилов.

— Вы и с ним знакомы? — удивился Трофимов.

— Немножко.

— Георгий Степанович способный учений. В двадцать семь защищался. У него уже была готова докторская, но...— Виталий Иванович поморщился.— Озеров стал разбрасываться, занялся кладоискательством.

— Кладоискательством? — удивился подполковник.

— Не в прямом смысле. Хотя при известном допуске.— Трофимову явно не нравилась тема «кладоискательств» Озерова.— Он стал искать пропавшие библиотеки. Библиотеку Ивана Грозного, которая якобы спрятана в Александрове Ярославской области, библиотеку Демидова.— Трофимов помолчал, раздавил в пепельнице сигарету.— Ничего плохого в этом нет. Я сам в молодости мечтал отыскать библиотеку Грозного. Но Озеров стал манировать научной работой, два года подряд не выполнил план.

Мы как-то поставили вопрос на ученом совете, предложили Георгию Степановичу провести летом экспедицию в Александров, привлечь студентов. Мы даже на это пошли. Он не захотел. Сказал, что массовость погубит дело. А получается, что он губит себя...

В дверь осторожно постучали.

— Прячьте сигарету, — шепнул Виталий Иванович. Корнилов загасил окурок, положил в пепельницу. Трофимов спрятал пепельницу в стол, разогнал какой-то папкой дым и только тогда открыл дверь.

На пороге стояла Мария Михайловна:

— Виталий Иванович, шестой папки на месте нет.
— Кто с ней работает?
— Никто не работает.

— Мария Михайловна, ну куда же она могла деться? — Трофимов говорил тихо, но в его голосе явно чувствовалась тревога.— Что говорит Герман Родионович?

— Герман Родионович крайне обеспокоен. Он...— Мария Михайловна не успела договорить. В кабинет вошел пожилой сухощавый мужчина. Наверное, от волнения на щеках у него горели пунцовье пятна.

— Виталий Иванович, — чуть заикаясь, громко сказал он.— У нас чэпэ, пропала шестая папка. Нет, нет! Это исключено, — мотнул головой мужчина, заметив, что заместитель директора хочет возразить.— В другое место она попасть не могла. Пропала также опись и формуляр из картотеки, — закончил он убитым голосом.

— Герман Родионович, что могло быть в этой папке? — тихо спросил Трофимов.

— Там были письма Жозефины.

— Черт знает что такое! — Виталий Иванович посмотрел затравленно на Корнилова, словно тот был виноват в пропаже, открыл стол, вытащил пепельницу и, уже не таясь, закурил.

Мария Михайловна и Герман Родионович молчали.

— Садитесь, Герман Родионович. Закурите.— Трофимов толкнул сигареты на середину стола.— Спасибо, Мария Михайловна, вы свободны.

Герман Родионович достал сигарету, закурил. Руки у него дрожали.

— Это товарищ Корнилов с Литейного.— Виталий Иванович кивнул головой в сторону подполковника.

— Герман Родионович заведует у нас архивом, — сказал Трофимов.— Никак не могу прийти в себя. Письма Жозефины! Куда их там заложили?!

— Их никуда не заложили, — медленно, чуть ли не по складам выдавил Герман Родионович.— Их украли. Товарищ Корнилов ведь недаром к нам приехал.

— Вы что, знали об этой пропаже? — с удивлением и надеждой воскликнул заместитель директора, обернувшись к подполковнику.

— Нет. Не знал. Но у меня есть листок, на котором рукою покойного Рожкина была записана эта шестая папка.

— Рожкина? — встрепенулся заведующий архивом.— Рукою Рожкина? Да, да! Николай Михайлович работал с этой папкой. Он брал ее за несколько дней до смерти. Он же занимался войной двенадцатого года.

— А кто еще работал с этими документами? — спросил Корнилов.

— Ну-у... — Герман Родионович смешно помахал перед собою руками, словно хотел отыскать ответ в струйках сизого табачного дыма.— Озеров работал. Ну, этот из праздного любопытства. Считает, что в переписке французов, воевавших в России, можно найти упоминание о том, где затопили подводы из разграбленной Москвы.

— Давно брал Озеров эту папку?

— Разве упомнишь, — ответил обиженный таким вопросом заведующий архивом. Но похоже было, что памятью он обладает отменной, потому что тут же добавил: — Думаю, что в апреле. В конце апреля.

— Вот и спросим сейчас Георгия Степановича, на месте ли были в то время письма Жозефины.— Виталий Иванович снял трубку и набрал трехзначный номер.

— Алла Семеновна? Здравствуйте. Это Трофимов. Попросите Георгия Степановича заглянуть ко мне.

Корнилов услышал, как густой женский голос ответил:

— Георгий Степанович ушел. Он плохо себя чувствует.

— Давно ушел?

— Только что.

Трофимов повесил трубку.

— Пять минут назад заходил ко мне в архив живой, здоровый, — проворчал Герман Родионович.

— Он был у вас в архиве, когда туда пришла Мария Михайловна? — Корнилов даже подался в сторону заведующего архивом.

— Да.

— Извините, Виталий Иванович.— Подполковник встал.— Мне нужно позвонить.

— Пожалуйста.— Трофимов пододвинул ему один из аппаратов.— Этот городской.

Трубку снял Белянчиков.

— Юрий Евгеньевич, возьми с собой Лебедева и срочно на квартиру Озерова. Пулей! Если его еще нет, подождите. Я попрошу у прокуратуры разрешение на обыск.

Корнилов положил трубку и посмотрел на часы: было без пяти два.

В четырнадцать двадцать он был уже в своем кабинете на Литейном, 4.

В четырнадцать тридцать Корнилову позвонил Белянчиков и доложил, что в квартире Озерова на звонок никто не отзывается.

— Ждите, — сказал подполковник.

В четырнадцать тридцать пять прокурор дал разрешение на задержание Озерова и проведение обыска в его квартире. Бугаев к этому времени уже выяснил место работы Елены Дмитриевны, супруги Озерова, у подъезда его ждала оперативная машина, чтобы ехать за Еленой Дмитриевной — обыск в квартире Озеровых хотели провести в ее присутствии.

На первом этаже, в просторном зале дежурного по городу, оператор передавал во все отделения милиции при вокзалах и в аэропортах подробные приметы Озерова. Работники Госавтоинспекции получили указание задержать автомашину «Волга» цвета «антракцит» с номерным знаком 14-59 ЛЕШ, а ее владельца доставить в Главное управление.

«Как бы этот тип не натворил еще глупостей, — с тревогой подумал Игорь Васильевич, когда в пятнадцать тридцать дежурный по городу доложил ему, что никаких сведений о разыскиваемом еще не поступило. Подполковнику почему-то казалось, что Озеров может решиться на самоубийство. — Разве мыслимо пережить момент, когда коллеги и ученики станут свидетелями твоего позора в зале суда? — Подумав так, Корнилов невесело усмехнулся.— Хорошо, что у вас в голове, товарищ милиционер, хоть изредка мелькают такие мысли. Можете не спешить с увольнением в запас. Только Озерова вы скорее всего переоцените».

В пятнадцать сорок дежурный позвонил снова и доложил, что Озеров задержан на Московском вокзале.

Георгия Степановича арестовали в тот момент, когда он доставал из багажного автомата небольшой, желтой кожи чемодан. В чемодане лежали несколько чистых рубашек, пижама, галстук, электробритва «Филиппс» и множество мелочей, без которых не отправляется в дорогу человек, привыкший к комфорту. Кроме того, там был фирменный институтский конверт с девяноста пятью двадцатью долларами двадцатидолларовыми купюрами и тонкий портфельчик с пожелтевшими от времени бумагами. Среди бумаг — подлинных бумаг! — подписанный императором Петром Алексеевичем мирный договор со шведами, письма канцлера Горчакова поэту Тютчеву.

— А где же письма Жозефины? — поинтересовался Корнилов, когда Озерова привели к нему в кабинет.

Георгий Степанович не ответил. Он рассеянно смотрел в окно на зеленые и коричневые ребристые крыши домов, где давно уже отслужившие свою службу печные трубы напоминали бессрочных часовых, расставленных каким-то сумасшедшим разводящим.

— Они у нас? Дома? — с тревогой спросил подполковник.

— Нет. Не у нас. Не дома, — совсем тихо, почти шепотом ответил Озеров и неожиданно закричал, стуча кулаком по костяльному колену.— Проклятая шпана! Шпана! Он взял их у меня, чтобы переснять, а через неделю принес эти доллары!

— А почему письма Жозефины оказались у вас? И Петровский договор? И письма Горчакова? Почему?!

Озеров посмотрел на подполковника с тоской:

— Вам знаком запах старых книг, запах архива? А древние копии? Вы держали их в руках? Листали? — Корнилову показалось, что Георгий Степанович вот-вот разрыдался.— Нет, нет, это может понять только такой книжный червь, как я...

— А Николай Михайлович Рожкин понимал? — спросил Корнилов.

Озеров вздрогнул.

— Вы думаете... я? Колю?

— Он обнаружил пропажу писем Жозефины?

Георгий Петрович кивнул.

— И вы сказали об этом Барабанчикову?

Снова молчаливый кивок.

— И после этого не считаете себя убийцей?

— Коля дал мне три дня, чтобы я вернул письма в папку. Но я хотел иметь хотя бы копии. Хотя бы копии... Чтобы лежали всегда под рукой, рядом, в моем шкафу. А эта шпана...

— Я вам не верю, Георгий Степанович, — тихо сказал Корнилов.— Хотите прикинуться библиоманом? А доллары? Вам не архивная пыль была нужна,

нет. Вы хотели превращать ее в золотую. Неужели всех ваших знаний не хватило на то, чтобы понять, на что вы подняли руку?

Машина остановилась у светофора. Корнилов расеянно смотрел в окно. На улице было многолюдно. У зеленого, наслег склоненного лотка стояла очередь. Продавали арбузы. «А я в этом году еще не попробовал», — подумал Игорь Васильевич. Собраться бы как-нибудь в Астрахань, пожить на бахче, поесть арбузов вдоволь...»

Уже загорелся зеленый, и машины медленно тронулись, когда подполковник наткнулся взглядом на большую красную вывеску: «Строительный трест 700». «Новорусский здесь заправляет делами. Может быть, зайди самому? Не ждать, когда Бугаев опять пикироваться с ним начнет?» Подумав так, Корнилов попросил водителя:

— Саша, развернись. Заедем в стройтрест.

В просторном коридоре, отделанном дубовыми панелями, было пустынно. Около двери с табличкой: «Управляющий». Прием по личным вопросам в четверг с 15 до 18 — висело большое объявление: «6 сентября профсоюзное собрание. Материальные и моральные стимулы нашего труда. Докладчик — управляющий трестом товарищ Новорусский М. И.». Корнилов прошелся по коридору. Из-за дверей красного угла доносился шум. Подполковник чуть-чуть приоткрыл дверь. На небольшой трибуне стоял немолодой загорелый мужчина в темно-сером костюме.

— Мы, Полина Владимировна, вернемся к вашему заявлению. Но твердо обещать, что до конца года вы получите квартиру, я не могу.

В зале зашумели.

— Я не хочу выглядеть болтуном, — чуть повысил голос мужчина. — Лучше мы назначим срок подальше, а квартиру дадим пораньше, чем наоборот.

Его слова встретили с одобрением.

— Есть еще вопросы к Михаилу Игнатьевичу? — спросил председательствующий, молодой широколицкий парень.

— Нет! — выкрикнул кто-то из зала.

— Собрание считаю закрытым, — быстро сказал председатель. Его слова потонули в шуме отодвигаемых стульев, в гуле голосов.

— Михаил Игнатьевич! — Корнилов остановил управляющего на подступах к его кабинету. — Подполковник Корнилов из гувэдэ.

Новорусский сердито вскинул голову, пристально взглянул на подполковника. Какую-то долю секунды он медлил, словно оценивая, стоит ли принимать Корнилова. Наконец, решившись, показал на дверь.

— Прошу. — И обернувшись к секретарю, сказал: — Ко мне никого не пускать.

В кабинете они молча сели друг против друга за большим, накрытым зеленою скатертью столом.

— Михаил Игнатьевич, несколько лет подряд вы снимали дачу в деревне Орлино.

— Да. Снимал.

— Нам стало известно, что вы бывали в старой Орлинской церкви. Интересовались иконами?

— Вы бы мне сразу сказали, в чем дело, — устало попросил Новорусский. — А то будем ходить вокруг да около.

— Я не в прятки пришел к вам играть, — рассердился Корнилов. — Отвечайте на вопрос.

Новорусский как-то обреченно вздохнул и с силой раздавил сигарету в пепельнице.

— Да. Ходил в церковь. Интересовался иконами. Просил сторожа показать мне их.

— Рассказывали Барабанщикову про иконы?

— Рассказывали. Рассказывали! Черт бы побрал этого Барабанщикова! Чего он еще натворил? Меня уже неделю донимают вопросами об этом человеке.

— Барабанщикова полез в церковь за иконами. Упал и разбрзлся насмерть, — сказал Корнилов.

— Кто же мог подумать, что он вор! — Михаил Игнатьевич достал новую сигарету.

— Не только вор, Михаил Игнатьевич, но и убийца. В прошлом — дважды судимый. Не так давно застрелил ученого. И знаете почему?

Новорусский молчал, исподлобья глядя на Корнилова.

— Потому что другой ученый... — Подполковник брезгливо поморщился. — Нет, нет, что я говорю? Какой ученый? Просто клиент Барабанщикова, оказавшийся родственником ему по духу, стал сбывать через него иностранцам ценные для нашей истории документы и рукописи из архива. А когда честный человек поймал его за руку и потребовал все вернуть, этот клиент рассказал о грозящей опасности своему фуражиру... Убийце.

Новорусский подавленно молчал.

Корнилов поднялся. Посмотрел на управляющего с сожалением.

— До свидания, Михаил Игнатьевич.

— До свидания, — тихо, не поднимая головы, отозвался Новорусский. Он щелкнул изящной зажигалкой. Прикурил. Корнилов заметил, что рука его еле заметно дрожала.

СПАСИБО ЧИТАТЕЛЯМ! Новый Уренгой: КНИГИ собраны — библиотека работает

Строительство детской библиотеки в Новом Уренгое превратилось в благородное общее дело, явилось актом человеческого содружества и тем более ценным явлением, что самое деятельное участие приняли в нем наши дети.

Конечно, ребята участвовали в сборе книг и для взрослой библиотеки, но та активность, которую они проявляют теперь, вызывает у нас, взрослых, чувство огромного уважения.

Велика, захватывающая «подъемная» сила добра. Прочитали сменовскую заметку ребята 8-го класса 816 московской школы Гагаринского района, собрали 30 книг, а через несколько дней уже вся школа «поднялась на уренгойскую операцию»: две тысячи книг ребята отправили своим ровесникам в далекое Приполярье. А вот еще один «уренгойский сюжет»:

— Дорогие ребята из Нового Уренгоя!

Пишут вам ученики 6-го класса «А» специальной школы № 40 Ленинградского района Москвы. Наша пионерская дружина носит имя прославленного героя гражданской войны Павла Ефимовича Дыбенко, а наша класс — герой Балтийского флота Федора Спиридоновича Кузнецова-Ломакина. Жизнь в нашей дружине очень интересная. Недавно был смотр строк и песни. Нам очень хотелось победить. Наш класс занял первое место, разделив его с параллельным классом. И в отряде у нас очень интересно: ездим на экскурсии по ленинским местам, в Мелихово, где жил А. П. Чехов, в Петрищево, где совершила подвиг Зоя Космодемьянская, ходим в музеи и в театры, шефствуем над третьим классом, проводим с маленькими разные интересные дела. А недавно мы решили организовать кукольный театр в школе. Желающих было очень много. Теперь мы занимаемся в кружке при кукольном театре Сергея Владимировича Образцова. Решили поставить спектакль про пингвинов. Мы сделали куклы, декорации и уже репетировали спектакль на малой сцене театра. Спектакль наш смотрел Сергей Владимирович, он сделал свои замечания и похвалил нас. Дорогие уренгойцы! Приезжайте к нам в гости, мы покажем вам свой спектакль. Обо всех делах в одном письме не расскажешь...

Мы собрали для вас 220 книг. Мы будем очень рады, если книги вам помогут выбрать профессию, ответить на волнующие вас вопросы, узнать много нового. Будем вам благодарны, если вы ответите на наше письмо. До свидания. Ответственная за сбор книг Астахова Наташа и весь 6 класс «А».

Сообщаем имена читателей, приславших книги в Уренгойскую детскую библиотеку.

Из Москвы: Т. Дударева, Л. Волкова, Л. Шестаков, учащиеся школы № 75, О. Волоцук, К. Сашардаков, О. Чернова, А. Георгиева, А. Елхина, учащиеся 4 «Д» класса школы № 6, учащиеся 3 «А» класса школы № 375, учащиеся школы № 915, А. Карташкин, В. Чернышев, Т. Добротин, В. Старостин, учащиеся 4 «А» класса школы № 31 и № 97, Хотеева, О. Литвина, учащиеся 3 «В» класса школы № 612, М. Дрепичев, Н. Чугунова, Н. Вартанов, Болдырева, А. Кузнецова, Т. Скобелева, М. Холодов, Н. Шатрова, сотрудники ясли-сада № 685; из Ленинграда: В. Ермоленко, М. Соловьева, учащиеся 1 «А» класса школы № 89, Е. Евсеева, учащиеся 7 «А» класса школы № 308, учащиеся музыкальной школы, учащиеся 7 «Б» класса школы № 522, В. Марченко, З. Петрова, Ю. Секретов; сотрудники детского сада «Теремок» из Абазы, Т. Макрушина из Алма-Аты, А. Шацкая и Л. Таликова из Алматы, Л. Достовалова из Анапы, И. Котович из Артемовска, сотрудники ЦНИИМОД из Архангельска, В. и Н. Попицук из Антрацита, Р. Морозова из Ардашова, учащиеся 5 «А» класса школы № 45 из Армавира, учащиеся 2 класса школы-интерната № 7 из Артемовского, сотрудники комбината «Ураласбест» из Абеста; из Баку: учащиеся школы № 245, Ф. Векилов, учащиеся 7 класса школы № 15; учащиеся школы № 18 из Бийска, А. Аксеновская и К. Бузинова из Братска, В. Карлухина из Брянска, учащиеся 7 «А» класса школы № 9 и учащиеся 5 «А» класса школы № 2 из Биробиджана, К. Демьяненко из Борисова, А. Мочалов из Бреста, Т. Григорьева из Бухары, школьники из Белокриницы, Л. Смык из Белой Калитвы, учащиеся школы № 28 из Буйнакска, Н. Размыслович из Бобруйска, В. Машков из Благовещенска, Ю. Артемьев из Бердичева, Бахрас из Балашова, студенты пединститута и О. Журавлева из Ворошиловграда; из Воронежа: И. Гришина, сотрудники областного совета профсоюзов, учащиеся 8 «А» класса школы № 24; из Волгограда: Р. и Ю. Пустоваловы, учащиеся 3 «Г» класса школы № 78; М. Фролов из г. Владимира, И. Вишторская и члены комсомольской организации института ботаники из Вильнюса, учащиеся 7-х классов школы № 2 из Вознесенска, Н. Попова из Верещагина, В. Угольникова из Владивостока, учащиеся школы № 10 из Воткинска, Титова из Воркуты, учащиеся 10 «Д» класса школы № 2 из Волжского, сотрудник детской библиотеки имени Гайдара, И. Зернова из Грозного; из Гродно: учащиеся школы № 16 и школы № 4, Т. Иванова; Н. Кузнецова и Н. Догоша из Гайворона, учащиеся 4 «Б» класса школы № 20 и учащиеся школы № 1 из Губки, Т. Лаговская и В. Вознесенская из Гурьева, учащиеся школы № 7 из Губкина, Г. Полопская из Городовиковска, А. Лындина из Горловки; из Днепропетровска: А. Чепель, Н. Мазук, учащиеся 6 «Б» класса школы № 67; Д. Мундштуков из Донецка, В. Кохевин из г. Дзержинского, М. Дмитриев из Дубны, члены детского клуба «Звездочка» из Дубков, учащиеся 4 «Б» класса школы № 5 из г. Жуковского, Марчук из Житомира, Л. Ильинченко из г. Желтые Воды; из Запорожья: Л. Долина, учащиеся 2 «В» класса школы № 75, студенты ЗГМИ; Р. Фридман из Енакиево; из Ижевска: Л. и О. Сутягини, Т. Новиковна, Ю. Чикин, И. Собина, В. Фетцер; О. Мрачковская из Иркутска, Л. Карагаев из Иловли, Н. Коваленко из Иваново-Петровска; С. Гранкин и А. Гуляев из Краснодарска; И. Борин из Каменна-Оби, из Киева: Н. Староуменко, Е. Григорьева, учащиеся школы № 182, сотрудники библиотеки; из Казани: Паназеевы, Г. Куршев, М. Никифорова, Н. Булатова; из Каунаса: учащиеся 8 «Б» класса школы № 10, члены комитета комсомола школы № 38, Н. Шадрина, учащиеся школы № 34, учащиеся школы № 29; учащиеся 6 «Б» класса школы № 71 из Кривого Рога, из

Краснодара: работники почтамта и Л. Ладыгина; из г. Куйбышева: Г. Тумазева, А. Хорошев, учащиеся школы № 11, учащиеся 3 «В» класса школы № 132; Н. Брехов и учащиеся 3 класса школы № 4 и студенты 93 группы КМТТ из Кировска; из Калуги: Т. Яковлева, Т. Лещенко, Н. Калугина, работники детского комбината «Чебурашка»; Ф. Раздымахо и учащиеся школы № 62 из Кемерова, М. Лусс из Костромы, Н. Скрябина из Кирово-Чепецка, Г. Пискунова из Курска, З. Ковалева из Краснодона, учащиеся 3 «Б» класса школы № 5 из Камышинского, учащиеся 5 «Г» класса школы № 35 из Каменск-Уральского, учащиеся школы № 10 из Кандалакши, А. Петунин из Кара-Балты, А. Мальышев из Канаша, Н. Чочлава из Кутаиси, А. Королева из Красного Сулина, учащиеся школы № 18 из Кизела, В. Бондаренко из Кизляра, сотрудники почвенно-грунтовой лаборатории и студенты из г. Кирова, З. Никитина из Кышловска, учащиеся 4 класса школы № 11 из Ключевска, И. Гребенева из Кяхты, В. Яковлев из Коканды, учащиеся школы № 2 из Колпашева, Н. Рудь из Корсакова, Г. Иванова из Калининграда, Н. Лосева из Красногорска, студенты Политехнического института из Кишинева, Н. Захарова из Котласа, С. Мальцев из Львова, Л. Щукина и В. Батурина из Липецка, С. Гасников из Ладыжина, учащиеся 5 «В» класса школы № 2 из Ленска, учащиеся школы № 178 из Ленинска, учащиеся школы № 3 из Лобни, Л. Калюк и Брыков из Махачкалы, С. Нечава и А. Мифтахутдинов из Магадана; из Минска: Л. Шевелева, Кузнецова, А. Поленова, В. Туник, Конобревы, Т. Вересковская; из Мурманска: Л. Коригина, учащиеся 6 «А» класса школы № 4, учащиеся 4 «А» класса школы № 38, А. Дроздова, С. Туркевич; студенты физико-математического факультета МГПИ из Могилева, А. Куций из Мешона, С. Авдеенко из Мелитополя, учащиеся школы № 10 из Маргарица, Е. Лаврентьева из Мурома, Н. Меркушева из Миасса, З. Батурина из Медногорска, Г. Сорокина из Макушин; из Новокузнецка: учащиеся 6 «В» класса школы № 81, Н. Салогова, Н. Соломатова, Н. Курганова; И. Витрук из Нежина, Н. Окунев из Нальчика, Л. Мелунян из Навои, Н. Мава из Новочебоксарска, учащиеся 2 «Г» класса школы № 18 из Набережных Челнов, учащиеся 2 «А» класса школы № 72 из Нижнего Тагила, Т. Гуслякова и Л. Дергач из Новгорода, учащиеся 10 «А» класса школы № 5 из Нижней Туры, Фроловы из Новых Химок, Е. Литвиненко из Новомосковска, учащиеся школы № 4 из Николаева, учащиеся 6 «Б» класса школы № 1 из Нефтекамска; из Обнинска: учащиеся 4 «Б» класса школы № 2, учащиеся 7 «А» класса школы № 53; И. Шаралова и М. Ефремов из Оренбурга, Гриценко и В. Бережной из Одессы, учащиеся 8 «В» класса школы № 11 и учащиеся 5 «А» класса школы № 48 из Орска; Кортишев, Т. Абрамова, учащиеся санаторно-лесной школы из Омска, студенты медицинского училища 3 «Б» курса из г. Орджоникидзе, учащиеся школы № 7 из Оленегорска, Тонгузов из Пензы; из Перми: учащиеся 3 «Г» класса школы № 17, учащиеся 3 «Б» класса школы № 114, Л. Аристова; учащиеся школы № 4 из Пикалевы, учащиеся 9 класса школы № 2 из Питкяранты, Н. Решетников из Подольска, учащиеся школы № 8 из Почкина, учащиеся 3 «А» класса школы № 17 из Пятигорска, А. Еровицкая из Погорина, Л. Петрина из Рассказова, учащиеся 4 «А» класса школы № 6 из Ровно, учащиеся 7 «А» класса школы № 23 из Риги; из Ростова-на-Дону: В. Киселев, С. Зубкова, учащиеся 2 «А» класса школы № 55; работники областной детской библиотеки из Рязани, А. Рябский и Н. Степочко из Саратова; из Свердловска: учащиеся школы № 28, учащиеся школы № 18, учащиеся 4 «В» класса школы № 5, Е. Башкатова; Д. Григорьева из Ставрополя, Е. Быстрицкая из Сенгилея, учащиеся школы № 7 из Севастополя, Т. Афанасьева из Северо-Енисейска, П. и Б. Васюковы из Ступина, Г. Смирнова из Сокола, учащиеся ПГТУ № 7 из Старой Руссы, учащиеся 4 «Б» класса школы № 80 из Сочи, П. Давиденко из г. Стаканово, А. Лукин из Солнечногорска, работники центральной городской библиотеки из Солнечногорска, учащиеся 4 «В» класса школы № 7 из Охи, учащиеся школы № 3 и Т. Терентьева из Саранска, И. Степанова и П. Ивансон из Томска, работники Дворца пионеров из Тюмени; из Тбилиси: Н. Новикова, Т. Кази-заде, Ж. Якименко, И. Радиани и А. Куканова; Копельников из Таллинна, А. и В. Хасанова из Тихорецка, учащиеся 7 «Б» класса школы № 4 из Тельновска, учащиеся школы № 52 из Тулы, учащиеся 9 «Б» класса школы № 1 из Тараси, учащиеся 3 «А» класса школы № 41 из Унечи, учащиеся 4 «А» класса школы № 29, Н. Лисовская, Покрас из Ульяновска, учащиеся 2 «В» класса школы № 4 из Урайя, Н. Лабыгина из Улан-Удэ, учащиеся школы № 2 из Ужара, из г. Фрунзе: Н. Боровицкий, М. Судаков, Н. Валиуллин; учащиеся из ГПТУ № 3 из Фокина, С. Горковен из Целинограда; из Челябинска: М. Шмидт, И. Рыжова, учащиеся 9 «Б» класса школы № 30, А. Февралева, учащиеся 2 «Б» класса школы № 127, Ю. Спротина, учащиеся 7 «Б» класса школы № 24; работники Дома пионеров из Чанага, Л. Староверова из Череповца, Л. Витсман из Чебоксар, С. Барышев из Чукотки, Л. Валитова из г. Чайковского, учащиеся школы № 10 и Малахова из Черкесска, В. Сердюк из Черкасс, А. Батанбаев из Чимкента. Пузырьева и В. Грушкова из Читы, Л. Кочетова из Шумерли, учащиеся 3 «В» класса школы № 2 из г. Шевченко, студенты ШГПИ из Шуи, Г. Байкиева из Шахрисабз, учащиеся школы № 33 из Электроуглей, студенты медучилища из Экибастуза, члены молодежного клуба из Юрмалы, учащиеся 3 класса школы № 5 из Ярославля.

Редакция благодарит читателей, приславших книги в детскую библиотеку Нового Уренгоя.

Новые книги просим посыпать по адресу: 626718, Тюменская область, город Новый Уренгой, библиотека имени журнала «Смена», детям Уренгоя.

ДЖОНА ЛЕННОНА?

Пять выстрелов из пистолета, прогремевшие 8 декабря 1980 года в ночном Нью-Йорке, всколыхнули пушечной канонадой не только Америку. Они отдались в сердцах миллионов людей многих стран болью и потрясением, когда радиозефир, как обычно, перегруженный разноязыкой информационной текучкой, вдруг на секунду замер, а затем разрядился трагической «молнией»: убит Джон Леннон!

Композитор, поэт, певец, один из создателей знаменитого английского ансамбля «Битлз», открывшего эру поп-музыки, был убит наповал у подъезда своего дома на манхэттенском Вест-сайде — в цен-

американцев такого брожения, сумятицы и отчаяния, какое вызвала смерть Джона Леннона...

Вот как все произошло...

Трагедия, разыгравшаяся на Манхэттене и завершившаяся столь молниеносным фатальным исходом, вырвала не в Нью-Йорке. Нити новой «Вест-сайдской истории» тянулись в Гонолулу — столице «райского штата» Америки на Гавайских островах. Для полиции и следственных органов Нью-Йорка обнаружить эти нити не составило никакого труда, ибо главный действующий персонаж трагедии — убийца Джона Леннона — сам во всем сразу и признался. Он даже не пытался бежать. Когда подъехала полицейская машина, он бросил пистолет на землю и спокойно произнес: «Я убил Леннона». Убийцу зовут Марк Чэпмэн.

КОГДА ДЖОН ЛЕННОН, ОДИН ИЗ ЧЕТВЕРКИ «БИТЛОВ», ПОДПИСЫВАЛ СВОЙ НОВЫЙ ДИСК ЭТОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ С ДОБРОДУШНОЙ УЛЫБКОЙ КТО-ТО РЯДОМ НАЖАЛ СПУСК ФОТОАППАРАТА. ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЧАСОВ ЭТОТ САМЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МАРК ЧЭПМЭН НАЖМЕТ СПУСК ПИСТОЛЕТА. ЧТО БЫЛО ПОДЛИННОЙ ПРИЧИНОЙ ТРАГЕДИИ? ДАСТ ЛИ ПРОЦЕСС НАД УБИЙЦЕЙ ОТВЕТ НА ЭТУ ВОПРОС?

тральном районе города. За два месяца до этого, 9 октября, ему исполнилось 40 лет. Уже через несколько минут после трагедии, случившейся около 11 часов вечера по местному времени, к «Дакоте» — старииному, похожему на замок зданию в готическом стиле на 72-й улице, где Джон Леннон жил с женой Йоко Оно и пятилетним сыном Шоном, — стали стекаться людские потоки со всех концов взбудороженного американского «Вавилона». Чугунные ворота перед входом в сумрачный двор здания исчезли из виду — они были сплошь увешаны букетами цветов, открытками, фотографиями Леннона.

За свое пятилетнее пребывание в Нью-Йорке, где я работал в Секретariate ООН, мне ни разу не довелось быть свидетелем такой бурной и волнующей реакции людей. На моей памяти ни убийство голливудской «звезды» Шарон Тэйт, ни «уотергейтское» дело и публичная отставка президента Никсона, никакие другие драмы и трагедии не вызывали у

В конце октября 1980 года 25-летний американский гражданин Марк Дэвид Чэпмэн, безработный, вошел в один из магазинов в центре Гонолулу и выразил желание купить пистолет. Владелец магазина навел в ближайшем полицейском участке справки и, удостоверившись, что его клиент не числится в «черных списках» уголовников и прочих правонарушителей, продал Чэпмэну оружие. Торговец не придал никакого значения (или сделал вид, что не придал?) тому, что Чэпмэн, как он указал в анкете при оформлении покупки, нигде не работал. Он, конечно, мог бы и полюбопытствовать: откуда у безработного деньги на приобретение пистолета? Но когда коммерческий дух оттесняет на задворки гражданские соображения — стоит ли дознаваться, откуда у покупателя деньги? Главное, чтобы они побыстрее перекочевали из его кармана в твой собственный — а дальше все трин-трава.

На тот факт, что будущий убийца Леннона числился безработным, не обратила внимания и гавайская полиция. Ее представитель заявил впоследствии корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс, что приобретение Чэпмэном огнестрельного оружия было «обычной» процедурой, предусмотренной американскими законами.

Потом, уже в момент ареста, в карманах у Чэпмэна было обнаружено 2 тысячи долларов наличными. Эту сумму, по словам его адвоката Адлерберга, он «заянял», чтобы по приезде в Нью-Йорк «сделать то, что сделал...».

Так или иначе, вооружившись пистолетом 38-го калибра, безработный гонолулец отправился на континент — в надежде, как потом строили догадки эксперты, «получить автограф» у одного из своих

МИР КАК ИДОЛЫ ИДЕАЛО

Вначале — два свидетельства, каждое из которых можно с полным основанием называть свидетельством обвинения...

Первое. Известный американский социолог Олавин Тоффлер, автор книги «Столкновение с будущим», пишет о современной Америке: «Во всех сферах нашей жизни можно обнаружить приметы некоей болезни. Эта болезнь все более проявляется в нашей культуре, в нашей философии, в нашем отношении к реальности. Неудивительно, что многие называют наше общество домом для умалищенных».

И второе. Говорят американский философ и социолог Дж. М. Камерон: «Возведенное в ранг института насилие чаще всего обнаруживается в различных формах действий с применением оружия... Самоутверждение насилия — признак того, что что-то в этом обществе происходит не так, что совершаются если не юридическое, то моральное преступление».

ПИТАДА: ВМЕСТО

идолов, Джона Леннона? Звучит парадоксально. Но Чэпмэн действительно заполучил автограф экс-битлы. Это произошло в день убийства. А за несколько дней до кровавой трагедии некоторые жильцы «Дакоты» и прилегающих кварталов заприметили «опрятно одетого, спокойного с виду» молодого человека в черной кожаной куртке, прогуливавшегося около фешенебельного дома на углу 72-й улицы и Центрального парка. Это был Чэпмэн. В руках у него была новая, выпущенная несколько недель назад пластинка Джона Леннона «Двойная фантазия». Демонстрация незнакомца перед воротами «замка» никого не удивило — ведь в «Дакоте» живет немало знаменитостей сцены и экрана, которых почитатели хотят увидеть воочию или взять у них автограф.

8 декабря в 5 часов после полудня Джон Леннон и Йоко Оно вышли из «Дакоты», направляясь в одну из звукозаписывающих студий. У ворот к ним подошел неизвестный молодой человек в черной кожаной куртке и, протянув диск «Двойная фантазия», попросил у автора автограф. Леннон расписался на альбоме и поспешил с женой к машине. В течение последующих шести часов Чэпмэн не отходил от «Дакоты», дожидался возвращения Леннонов. В 22 часа 50 минут к дому подъехал лимузин, из него вышли Джон и Йоко и направились через арку с массивными чугунными воротами к подъезду здания. В этот момент из темноты к ним шагнул человек в черной куртке — и выстрелил. Через несколько минут, когда Леннон был доставлен в расположенную неподалеку больницу Рузвельта, врачи сообщили, что он мертв.

Добровольно сдавшийся полиции Чэпмэн был направлен для обследования в психиатрическую клинику, а американская Фемида поспешила предъявить ему предварительное обвинение в «убийстве со смягчающими вину обстоятельствами».

«Голоса сверху»

Первые дни убийца невозмутимо отлеживался в отдельной палате нью-йоркской психиатрической клиники «Бельвю», куда к нему каждые 15 минут заходили дежурные врачи или полицейские, чтобы убедить возможное самоубийство. Потом его стали везти из клиники на судебное разбирательство. Чэпмэн, такой же «спокойный с виду», как и накануне совершенного им преступления, этакий «тихий американец», являлся в суд в окружении плотного кордона полиции и в пуленепробиваемом жилете — слишком много было телефонных звонков с угрозой расправиться с ним. Кстати, примерно полтора года назад Джон Леннон ассигновал для нью-йоркской полиции тысячу долларов на приобретение таких пуленепробиваемых жилетов...

Так вот, пока шло разбирательство по делу гавайского преступника, американские криминалисты и эксперты в области социальной психологии на страницах газет, по радио и телевидению ломали голову над возможными мотивами «необъяснимого» преступления, пространно рассуждали о «загадках» человеческой природы, а некоторые пытались найти какие-либо зацепки и «смягчающие обстоятельства» в биографии убийцы.

Биография Чэпмэна — не ключ-универсал к разгадке «дакотской» трагедии. Но в ней есть такие штрихи и обстоятельства, которые вкупе с определенными чертами характера преступника из Гонолулу в самом деле могут пролить какой-то свет на маниакальные действия этого человека. Так что с некоторыми моментами жизни Чэпмэна и его особенностями как личности имеет смысл познакомиться — это знакомство поможет нам лучше понять саму американскую действительность, которая способна порождать таких чудовищ, как убийца Леннона.

Марк Дэвид Чэпмэн родился в 1955 году в штате

Техас в семье сержанта американских ВВС. В начале 60-х годов он учился в школе в Атланте (штат Джорджия), когда «Битлз» уже взмыли на гребне мировой славы. С 10-летнего возраста Чэпмэн стал заядлым битломаном. На предвыпускных школьных фотографиях он изображен с длинноволосой прической «а-ля битлз». Марк играл на гитаре в школьной рок-группе и все годы собирали пластинки «Битлз».

После школы Чэпмэн нигде не учился, у него не было определенной профессии. В период после окончания школы и до ареста у ворот «Дакоты» он много путешествовал в качестве «агента по делам азиатских беженцев». География его поездок включала Южную Корею, Японию, Гонконг, Таиланд, Ливан и Англию. Из Ливана Чэпмэн привез магнитофонную запись уличной перестрелки. Дома он прослушивал эту ленту по нескольку раз. По свидетельству очевидцев, она его «сильно возбуждала и одновременно наводила на него ужас».

С декабря 1979 года Чэпмэн устраивается сторожем в кооперативном доме «Вайкики» в центре Гонолулу. Управляющий кооператива Джо Бустаменте отзывался о Чэпмэне в самых лестных тонах. Это был «очень добросовестный работник, нормальный во всех отношениях», заверил он американского журналиста, взявшего у него интервью вскоре после трагической гибели Леннона. От управляющего репортер узнал несколько любопытных деталей, связанных с уходом Чэпмэна из «Вайкики». Во-первых, оформляя расчет, Чэпмэн заявил, что уходит с работы «по

БОЛЕЗНЕННОЕ, ИСТЕРИЧЕСКОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ — ОБЫЧНАЯ АТМОСФЕРА В ЗАЛАХ, ГДЕ ВЫСТУПАЮТ «ИДОЛЫ». ДИАПАЗОН ПРОИСШЕСТВИЙ — ОТ ОБМОРОКОВ ДО ПОЛОМАННЫХ СТУЛЬЕВ И КРОВАВЫХ ДРАК...

личным причинам». Во-вторых, он сказал, что сразу уезжает в Лондон. В-третьих (самая, пожалуй, любопытная деталь), в последний день работы в «Вайкики» (23 октября 1980 года) сторож Чэпмэн расписался в рабочем журнале не как «Марк Чэпмэн», а как «Джон Леннон». «Мы заметили это только тогда», — сказал Бустаменте, — когда у нас стали наводить о нем справки после смерти м-ра Леннона».

Рассчитавшиеся с «Вайкики», Чэпмэн, как уже упоминалось выше, купил пистолет, занял 2 тысячи наличными и, не объяснив толком жене, куда он едет, отправился через Тихий океан в самый большой город Америки, чтобы «сделать то, что сделал».

Фанатичное поклонение битлам и подражание им во всем переплетались в душе Чэпмэна с еще одной «неуправляемой» чертой — неотступной верой в бога, в «неземные силы». Один из его однокашников по средней школе вспоминал, что Марк стал «очень религиозным» еще в начальных классах. Позднее Чэпмэн сделался неутомимым читателем Библии. По словам приятеля Чэпмэна, работавшего вместе с ним в 1975 году в агентстве по делам азиатских беженцев, Марк время от времени приходил в ярость от фразы, произнесенной в шутку Джоном Ленноном еще в 1965

Сколько произнесено и написано слов, фиксирующих различные симптомы той болезни, которая раздирает капиталистический мир и против которой бессильна любая терапия, ибо неизлечимая болезнь эта возникла из самой сути общественной системы, чьи законы и принципы определяет чистоган. Имя ее — антигуманность.

Психически неуравновешенный подонок стреляет в того, кому поклонялся и кого одновременно ненавидел... Сын знаменитого актера, «звезда» из «звезд», пускает себе пулю в лоб... Убийство, самоубийство... И в том и в другом случае — дикая иррациональность действий. Патологические отклонения? Или логическое порождение той духовной и нравственной, в точнее, бездуховной и безнравственной атмосферы, которая утвердилась в метрополии капитализма — США?

Об этом материалы, предлагаемые вашему вниманию.

году: «Битлз» стали более популярны, чем Иисус Христос». Для Чэлмэна никого выше Христа не было. В ходе следствия по делу убийцы Леннона в руки полиции попал подписанный документ, в котором утверждается, что Чэлмэн услышал «голоса сверху» и что на убийство его «толкнул дьявол».

Есть еще один момент в биографии этого американца, который, несомненно, свидетельствует о ненормальности его психики. Чэлмэн признался своему адвокату, что дважды пытался покончить с собой. Первый раз мысль о самоубийстве пришла к нему, когда развелась его родители, второй — когда его покинула девушка, на которой он намеревался жениться. Чэлмэн был также активным наркоманом.

701-я жертва

Разумеется, биосоциальные пружины, подобные тем, что были заложены природой и обществом в Чэлмэне, не всегда толкают человека на преступление. У человека может трудно сложиться жизнь, может расшататься нервная система, но он не впадает в отчаяние, не уходит в фанатизм, не прибегает к «крайней психотерапии», как это сделал Чэлмэн. У Чэлмэна психика не выдержала — и он «успокоил» себя, разрядил напряженность, выпустив пистолетную обойму в невинного человека.

Но, может быть, поведение Чэлмэна не характерно для американского общества? Может быть, его преступление — лишь сугубо патологический, из ряда вон выходящий, не типичный для «американского образа жизни» случай, что и нужно было учитывать психиатрам и следователям при поисках ответа на вопрос: «Почему этот человек убил Леннона?»

Но в том-то и дело, что «казус Чэлмэна» весьма типичен для Америки. Британец стал 701-й жертвой вооруженного нападения в Нью-Йорке лишь в 1980 году. В 1979 году по стране в целом от пули погибли, по данным Федерального бюро расследований, 10 тысяч 728 человек — это 29 смертей в день, по убийству каждые 50 минут! Всего же с начала века в США от выстрелов преступников и психически ненормированных граждан вроде Чэлмэна погибло более 800 тысяч американцев — на 250 тысяч больше, чем погибло во всех войнах, в которых участвовали Соединенные Штаты за свою 200-летнюю историю. Есть также данные о том, что каждый четвертый американец живет в постоянном страхе быть ограбленным или убитым. Страх перед насилиственной смертью и сама смерть от руки психопата, фанатика или политического террориста — уже одна эта трагическая и реальная возможность «общества изобилия» сводит на нет любые разглагольствования о его преимуществах...

Но преступность и преступники, как всякая сорная трава, не растут на голом месте, в безвоздушном пространстве. Для жизнедеятельности им нужны определенные условия, определенный климат, среда. Так вот, уже не статистика ФБР, а другие данные — наблюдения ученых, деятелей культуры и искусства, высказывания государственных политических деятелей — свидетельствуют о том, что такая среда, почва для «преступномании» в США прочно утвердилась. Эта среда — сама американская действительность, весь комплекс политических, экономических, юридических и нравственных институтов крупнейшей страны капиталистического мира.

«Американское общество — больное общество», — заявил представитель печати профессор Калифорнийского университета Питер Сампсон, когда узнал об убийстве Леннона. — Всякий в нем может начать стрелять в кого вздумается и когда вздумается. А известные люди в любой момент могут оказаться здесь жертвами безумцев, имеющих при себе оружие». Президент американского «Общества Джона Берча» Р. Уэлч сравнил Америку с «огромным домом для сумасшедших», в котором верховодят «самые безнадежные пациенты». Американский историк А. Шлезингер еще лет десять назад указывал, что американская нация таит в себе угрозу для других народов. Киноактер Марлон Брандо, сыгравший главную роль в «Крестном отце», фильме об американской мафии, назвал действующие в США синдикаты преступников «эталоном капиталистического предпринимательства».

Мафия действует не только в системе капиталистического хозяйничанья США. Дух «мафиози», «кошки настра», так или иначе, в большей или меньшей степени пронизывает, по сути, все судебно-правовые инстанции, все законодательные и исполнительные органы страны. Главная общая черта всех этих юридических систем — мягкотелость по отношению к преступникам, которые подчас пользуются полной безнаказанностью.

Безнаказанность — благодатная почва для преступников и кошмар для честного человека. О том, насколько обеспокоены таким положением честные американцы, говорят данные опроса общественного мнения, проведенные статистическими службами Гэллапа и Харриса. В 1965 году 45 процентов всех

опрошенных граждан США считали, что американская Фемида относится к правонарушителям слишком снисходительно. В 1970 году это число возросло до 64 процентов, а в 1973-м 74 процента американцев считали, что отношение органов правосудия США к преступникам должно быть в корне изменено, стать более строгим. По данным той же службы Гэллапа, основная причина роста преступности в США — «недопустимая мягкость законов». За примерами далеко ходить не надо. Во время войны во Вьетнаме американский лейтенант Колли приказал расстрелять и сам участвовал в расстреле нескольких сот ни в чем не повинных вьетнамских крестьян в деревне Сонгми. Сегодня этот военный преступник на свободе. Десять лет назад маньяк Мэнсон убил в Голливуде актрису Шарон Тэйт, а недавно из США пришло сообщение о том, что ему тоже собираются дать «вольную». Наверняка отделается легким испугом и убийца Леннона — если, конечно, с ним не расправится кто-нибудь без суда и следствия.

Кулак и пистолет — символы «образа жизни»

Одним из законов США, который наиболее активно повторяет деятельность преступников, стал закон о продаже огнестрельного оружия населению. Пример Чэлмэна показывает, насколько легко можно приобрести пистолет в американском магазине. Если оружие попадет в руки «спокойному с виду» садисту — ждите очередной трагической сенсации. На следующий день после убийства Джона Леннона новому американскому президенту Рейгану был задан вопрос: не собирается ли он запретить продажу огнестрельного оружия частным лицам? Глава администрации ответил, что не собирается. Зловещая усмешка судьбы: через три с половиной месяца после этого врачи университетского госпиталя в Вашингтоне извлекали пулю, которую всадил в президента Джон Хинкли, 25 лет, неонацист по политическим симпатиям и владелец пяти (пяти!) пистолетов, «типичный американский парень», согласно характеристике, которую дал ему один из его школьных учителей...

Нежелание американских властей взять под эффективный контроль продажу оружия частным лицам английская газета «Таймс» прокомментировала так: «Тупое упрямство властей США, не желающих изменить закон о продаже оружия, — лишь одна из сторон давно сложившейся практики правления в этой стране».

Преступности в США способствуют не только общий «больной» климат Америки, не только антигуманная «мягкотелость» ее юридических институтов, не только «тупое упрямство» политического «истзблишмента». Важнейшим звеном в цепи многочисленных причин и факторов, которые могут лежать в основе совершаемых преступлений, нередко оказываются определенные черты культивируемого «национального духа», присущие янки мерила нравственности.

Во многих странах считают — и тому в немалой степени способствовала и способствует пропагандистская машина США, — что типичному американскому национальному характеру издавна присущи такие черты, как энергичность, практическая сметка, целеустремленность, мужественное благородство. Да, американцев с такими чертами много. Однако не все знакомы с выводами тех ученых, которые считают, что Америка с самого начала заселялась людьми не только дерзающими и благородными, но и такими, которые из-за своих личных качеств не могли добиться успеха в родной стране и поэтому уезжали куда глаза глядят — и прежде всего в Новый Свет. Такие люди составляли львиную долю иммигрантов в США, пишет американский социолог Ф. Слизтор в своей книге «Преследование одиночества». Это были люди, которые «нигде не имели пристанища, не брезговали никакими средствами, люди, которые ставят деньги выше человеческих отношений, а самовозвеличивание — выше любви и порядочности».

Кстати, люди с такими качествами составляют немалый процент и сегодняшних иммигрантов в США. И они, как и первые европейцы, осевшие в Новом Свете из-за неудач в родной стране, продолжают закреплять и углублять эту черту в американском национальном характере — когда материальное благополучие становится выше духовного богатства, а надменность и себялюбие выше доброты, таланта и порядочности.

«Надменность и самоуверенность» — наиболее злые, выукные черты в характере сегодняшнего американца, отмечал старейший американский поэт, профессор Гарвардского университета Арчибалд Маклейш. В том, что это так, мне довелось не раз убеждаться, пока я жил за океаном.

Неуступчивость и надменность (открытая или замаскированная) присущи не только тем или иным американцам — живым носителям американского духа. Эти черты присущи также всей официальной, политической и даже эстетической иерархии Америки. В

газетах, публицистических статьях, трудах ученых, речах государственных деятелей США постоянно мелькают насыщенные оскоминой штампы: «великая американская мечта», «великое американское разочарование», «великий американский роман», «великое общество» и т. п. Самовозвеличение стало неотъемлемой чертой внешней политики США еще со времен военной колонизации «дикого Запада» в XIX веке — с тех пор, как американский генерал Шерман «узаконил» разбойнические действия «людей, не брезговавших никакими средствами», человеконенавистнической фразой: «Хороший индеец — это мертвый индеец!»

Индийцы, обитавшие на американском континенте в течение многих тысячелетий до прихода «бледнолицых» завоевателей, оказались для Вашингтона просто иностранцами — стало быть, второсортными людьми!

Работа выполняет приказ...

Иностранцем в Америке был и Джон Леннон. Власти не дали ему американского гражданства, предоставив после долгих проволочек лишь вид на жительство. Не дали из-за его прошлого: Леннон выступал против грязной авантюры США во Вьетнаме, боролся за мир, защищал права американских бедняков и нацименьшинств, в том числе индейцев. Официальный Вашингтон не мог простить композитору и поэту таких песен, как, например, «Представь себе», в которой поется: «Представь себе — нет собственников, нет голодных, и незачем убивать... Представь — все люди живут ради мира...»

Свести счеты с английским певцом намеревался, очевидно, и американец Марк Чэлмэн. Этот человек был не только по-американски надменен и неуступчив, но и злопамятен. Многие годы он таил в своей «боговерной» душе злобу на Леннона за его «антитристову» фразу. Уже после ареста возле «Дакоты», во время допроса в полицейском участке, Чэлмэн, как стало известно, заявил, что ему не понравилось, с какой поспешностью и небрежностью Леннон черкнул свое имя на пластинке, когда будущий убийца попросил у него автограф. Возможно, и этот момент сыграл какую-то роль в трагедии у стен «Дакоты».

Но какая теперь разница? Ведь убийца, который давно решил пойти на задуманное преступление, мог выстрелить в любой момент под влиянием любого слова, жеста или воспоминания, мелькнувшего в его голове. И ведь оттого, какие еще детали вскроют криминалисты в ходе следствия по делу Чэлмэна, итог трагедии не изменится. Артист Джон Леннон погиб не из-за поспешности, с какой он дал автограф «спокойному с виду» подонку, не из-за оброненной им шутливой фразы о Христе, которая так задела религиозного фанатика Чэлмэна, и уж никак не из-за того, что его убийца услышал в тот раковой день дьявольские «голоса сверху». Артист Джон Леннон погиб в Америке по другим причинам. Он стал жертвой действительности, выпестовавшей монстра Чэлмэна. По воле случайного или неслучайного стечения жизненных обстоятельств, под неизбежным воздействием всесильных социально-психологических факторов и законов американского общества сын безвестного сержанта оказался «великим избраником», роботом, послушно выполнившим очередной бессловесный приказ (№ 701) безликого земного «дьявола». У нынешних и всех последующих поклонителей таланта Джона Леннона и остальных битлов будет лишь одно мнение об американце Чэлмэне: он — выкорыши «великого американского разочарования», обычный беспалый неудачник, завистливо лелеявший «великую американскую мечту» самоутвердиться, прославиться любой ценой...

Вместо эпилога

По иронии судьбы, за несколько дней до своей смерти Джон Леннон заявил в интервью английской радиовещательной компании «Би-Би-Си», что ему нравится жить в Нью-Йорке, потому что он «чувствует себя в этом городе в безопасности». Певец редко выступал по телевидению, радио или в прессе.

С 1975 года, когда у Джона и Йоко родился сын, экс-битл и вовсе отошел от общественной жизни, решив заняться исключительно его воспитанием. Лишь осенью 1980 года он выпустил свой первый за последние пять лет диск — «Двойную фантазию»...

Утром 9 декабря, когда Джона уже не было в живых, Йоко Оно, плача и дрожа от горя и страха, с трудом объяснила сыну, что у него больше нет отца. Шон, испуганно выслушав мать, спросил, почему же все-таки незнакомый дядя стрелял в папу — ведь «дэдди» был такой хороший. Йоко ответила, что дядя был, наверное, не совсем нормальным человеком.

Мальчик уставился в одну точку, замер. Потом его глаза вдруг налились слезами, и он горько, безутешно заплакал.

Шон не мог понять, что же вчера случилось.

Леонид
ФЛОРЕНТЬЕВ

ОДИНОЧЕСТВО В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ

Сообщения о рождении сына Люси Болл, известной всей Америке героини телевизионного шоу «Я люблю Люси», вытеснили 27 лет назад с первых полос американских газет информацию о вступлении Дуайта Эйзенхауэра в должность президента Соединенных Штатов Америки.

Достоверный факт.

3

наменитости в силу своего рождения! Пришедшие в этот мир в лучах софитов и вспышках магниевых молний, они еще и говорить-то не умеют, а их фотографии уже прочно занимают место на первых страницах крупнейших газет.

Дети знаменитых пап и мам, «суперзвезд» массовой западной культуры, они с самого момента появления на свет становятся обладателями всего того, что могут дать деньги и положение их родителей и перед чем приучено безоговорочно преклоняться общество потребления. Умиленно взирая на портреты юных счастливцев, которым не предстоит вести изнуряющей борьбы за место под солнцем, не предстоит познать всепроникающего страха перед неопределенностью завтрашнего дня, обыкновенное может, даже не испытывает по отношению к ним элементарной зависти: слишком уж высокими, абсолютно недосягаемыми, как сами звезды, кажутся ему те сферы, где обитают сотворенные им же кумиры.

Но проходят годы, дети «звезд» взрослеют — и вдруг чья-то исковерканная судьба, чья-то трагически нелепо оборвавшаяся жизнь снова становится сенсацией дня, и обычатель, сохранивший в памяти фотоснимок счастливой мамы-«звезды» с розовощеким первенцем на руках, в недоумении вопрошаает сам себя, как же это случилось, как это могло произойти.

После очередной трагедии прессы, радио, телевидение докопаются до всех деталей, всех подробностей, на вопросы «Где? Как? Когда?» будут даны исчерпывающие ответы. Не будет, однако, дан ответ на решающий вопрос: «Почему?» Не будет дан, ибо тогда пришлось бы признать, что горькое чувство собственной никчёмности и ненужности, столкнувшись с лакированными стереотипами удачи и успеха, привело к драматическому исходу не случайно, а вполне объяснимо. Коммерциализация человеческих отношений в буржуазном мире сотворила пирамиду ценностей, в которых понятия «доброта», «порядочность», «достоинство» погребены под символами фальшивой и лицемерной «престижности». Мир, измеряющий ценность человеческой личности суммой, представленной в банковском счете, — способен ли он избавить людей от проклятия одиночества, самим же этим миром порожденного?

В тот тихий осенний день в маленькой начальной школе в Малибу, штат Калифорния, шел обычный урок, и ничто вроде не предвещало бурных событий, которые произошли нескользкими мгновениями позже. Молоденькая учительница вела неторопливый рассказ о житей-бытье муравьев и букашек, а дети затаив дыхание сопереживали. Внезапно дверь распахнулась настежь, и в класс ворвалась некая Сара Дилан в окружении трех частных детективов.

Забыв о муравьях, класс испуганно смотрел, как разгневанная дама пытается вырвать своего плачущего семилетнего сына из спасительных объятий учительницы. Преусперев наконец в этом занятии, миссис Дилан, успевшая ранее (тоже не без помощи детективов) захватить в других классах школы еще двух своих детей, с гордо поднятой головой покинула растревоженное учебное заведение.

Сцена, невольными свидетелями которой стали учителя и ученики, оказалась всего-навсего очередным раундом в ожесточенной схватке между Сарой и ее бывшим мужем Бобом Диланом — «божеством во плоти», «живой легендой» американской рок-му-

зыки. Осознав, как это принято говорить, что они «не подходят друг другу». Диланы теперь никак не могут поделить собственных детей.

Кстати сказать, подобного рода тяжбы между экс-супружескими — из-за детей ли, из-за имущества ли, мучительно долгие бракоразводные процессы, детали которых неизменно смакуются в газетах, чуть ли не выставляемые напоказ семейные неурядицы и громкие взаимные обвинения в разного рода смертных грехах — явление в среде знаменитостей отнюдь не редкое. Дело это, можно сказать, привычное и даже, если хотите, приносящее кое-кому проценты: газеты получают вожделенную порцию рекламы, которая не помешает, но кто может оценить неизбежный разлад в мире ощущений ребенка, наблюдающего, как два самых близких для него человека становятся участниками яростной публичной склоки?

Можно ли усомниться поэтому что-нибудь необычайное в том, что многие дети знаменитостей, подобно, например, сынишке американского певца Нила Даймонда, страдают серьезными психическими расстройствами и чуть ли не с пеленочного возраста находятся под наблюдением специалистов-психиатров?

...Про маленькую Честити, дочку эстрадных «звезд» Америки Шерилин Лаплер (известной под именем Шер) и Сонни Боно, не скажешь, что онарастет без отца; напротив, «пап», или, точнее сказать, временно исполняющих их обязанности, на своем коротком веку она повидала больше, чем нужно. Еще недавно Честити называла «папой» рок-музыканта Гретта Олмэна, который, по его собственному честосердечному признанию, имел в жизни одну лишь постоянную привязанность — наркотик ЛСД; потом в ее жизни появился другой любопытный персонаж — некто Джин Симмонс из ансамбля «Кисс». У этого оказались свои невинные причуды: покрывает лицо толстым слоем грима и никогда не выходит из дома без паранджи. Что же касается настоящего, без кавычек, отца Честити — Сонни Боно, то он, вероятно, видит свою воспитательную миссию единственно в том, чтобы использовать дочь для бесплатной «трогательной» саморекламы в своем телевизионном шоу.

А вот Татум О'Нил отстаивает свое право на долю внимания со стороны знаменитого отца-актера Райана О'Нила в условиях жесточайшей конкуренции борьбы с многочисленными поклонницами его артистического дара. В это время сам Райан выступает с откровениями такого типа: «Я — актер и должен думать прежде всего о себе. Не собираюсь менять что-то в своей жизни из-за этой маленькой зверюшки».

Факт непреложный: публика, которая с нетерпением ждет новых встреч со своими кумирами в концертных залах, на кино- и телевизионных экранах, изучает столбы светской хроники в надежде узнать какие-нибудь новые подробности из их жизни (какие рубашки носит певец X, какой диеты придерживается киноактриса Y и во сколько обошелся режиссеру Z его новый «Бентли»), не думает, да и не обязана в общем-то думать о том, что в то время, когда упомянутые режиссер или актриса позируют перед объективом и дают простоянное интервью — сегодня — в Голливуде, завтра — в Монреале, а послезавтра — в Гонолулу, — дома остаются их дети, которые передко месяцами видят своих родителей только на глянцевых обложках популярных журналов.

Только на короткое мгновение приоткрывается завеса, отделяющая реальную жизнь от расположенного по другую сторону рампы иллюзорно-причудливого мира, который населяют «звезды». Средне-статистическому зрителю, «человеку из толпы», он представляется воистину идиллическим, этот мир, где нет места болезненно-блеклым будням, где вся жизнь — красочный праздник, нескончаемая фиеста. Зритель упрямо верит в этот «имэдж», в этот навязанный ему образ. Зрителя шокирует, когда воображаемый Эдем внезапно взрывается не фейерверками, не карнавальными шутихами — настоящей, невыдуманной болью.

СКОТТ НЮМЕН, СЫН «ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА»
ПОЛА НЮМЕНА, НЕ ВЫДЕРЖАЛ
ИСПЫТАНИЯ ОТЦОВСКОЙ СЛАВОЙ.
ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА КАЛЕЧАЩИХ ДУШИ
ФАЛЬШИВЫХ И АНТИГУМАНИЧНЫХ
«СХЕМ ПРЕСТИЖНОСТИ»...

Полная свобода действий, не омраченная контролем или опекой со стороны «бесконечно занятых» пап и мам, плюс весьма крупные денежные суммы «на карманные расходы» дают печальные, но вполне закономерные результаты. Известно, что многие дети «звезд» рано свели знакомство с алкоголем и наркотиками (благо есть на что купить), знакомство, постепенно переходящее в фатальную зависимость от этих стимуляторов, в непобедимую, страшную болезнь.

В полицейских архивах хранятся досье на многих отпрысков знаменитых пап и мам. Дино, сын известнейшего американского певца Дина Мартина, такого же, как, скажем, Фрэнк Синатра, кумира добродородочных домашних хозяек, был арестован ФБР за то, что ухитрился собрать в доме целый арсенал оружия и боеприпасов; сын бывшего вице-президента США Спиро Агню был задержан полицией — проявлял чрезмерное любопытство к подробностям частной жизни посторонних людей...

Однако, если верить полицейской статистике, наиболее типичными, распространенными среди детей «звезд» правонарушениями можно считать два. Первое из них — управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Тут вроде бы все ясно.

А вот второе... Впрочем, здесь, вероятно, кончается область криминалистики и начинается сфера патологической психологии. Ибо речь идет о том, что дети богатых родителей, ни в чем решительно не испытывающие недостатка, часто, очень часто попадают в полицию по обвинению... в мелком воровстве.

Характерно, что украденные ими предметы порой не имеют на первый взгляд абсолютно никакой практической ценности. Известен, например, такой казус: маленький мальчишка, сын кинозвезды, украл кружевной платок. Детективы из полицейского участка долго бились над раскрытием мотивов этого «загадочного преступления», пока кого-то не осенило: злополучный платок отдаленно напоминал шаль, которой мама-актриса укутывала плечи в одной из популярнейших своих ролей...

Индустрия сотворения идолов нашла в обычателе, жизнь которого не согрета идеалами, а движется по рельсам навязанных ему и усвоенных им накрепко представлений о том, что деньги — единственное мерило общественного положения, потребителя истового и всеядного. Смачно прописанные и снятые телеобъективами «деликатные» подробности из жизни «звезд» — ну разве это не занятнее, чем сюжеты о росте безработицы или о волне инфляции? Читайте, смотрите, наслаждайтесь — и забудьте о собственном мире, зачастую горьком и убогом. И вот вам — целый каталог кумиров, на любой вкус!

И кумиры играют свою роль. Играют на экране, на сцене, на лакированных страницах иллюстриро-

Мир капитала:
идолы вместо идеалов

ванных журналов. Удержаться на верхних ступенях иерархии престижности — на какие только жертвы не идут для этой цели! И нередко приходит жестокая расплата...

Джейн и Питер Фонда — детям одного из популярнейших актеров Америки, а ныне известным киноактерам довелось на собственном опыте познать те опасности, которые подстерегают в жизни таких же, как они, наследников королей и королев «шоу-бизнеса».

Джейн и Питер рано потеряли мать — она покончила с собой в психиатрической клинике. Узнав об этом, Питер — ему тогда едва исполнилось десять — раздобыл где-то револьвер и совершил попытку самоубийства. Сегодня он рассказывает: «К 15 годам я был алкоголиком. К тридцати успел перепробовать все — от марихуаны до ЛСД. Все это произошло со мной, думаю, потому, что в детстве нас с Джейн страшно баловали и в то же время пренебрегали нами, не уделяя нам ни времени, ни внимания». А Джейн, у которой подрастают свои дети — дочь и сын, — клянется, что сделает все, что в ее силах, чтобы их детство ни в чем не походило на ее собственное.

И Джейн и Питер — из тех немногих, кто в конце концов выдержал нелегкое «испытание родительской славой». Для других это оказывается непосильным. С самых ранних лет они начинают примиряться с себя «звездное платье» отца или матери. Часто эти попытки ведут к трагической развязке.

Джонатан Пек, 30 лет, работал телеоператором в маленьком калифорнийском городке. Однажды утром в его небольшой, скромно обставленной квартире прозвучал выстрел, который поставил точку в жизни старшего сына «звезды» американского кинокрана Грегори Пека. Вот как пытаются объяснить самоубийство Джонатана его младший брат Стивен: «Величайшая беда Джонатана была в том, что он постоянно ставил перед собой цели, достичь которых не мог... Это происходило большей частью из-за того, что на него давила слава отца».

Скотт Ньюмен, сын актера Пола Ньюмана, которого пресса окрестила «символом американского мужского обаяния», умер в ноябре 1978 года, приняв чудовищную дозу наркотиков и алкоголя. До этого он на протяжении десяти лет безуспешно пытался излечиться от алкоголизма.

Скотт хотел стать актером, снимаясь под чужим именем, чтобы зрители не отождествляли его с отцом, и друзья считали, что он на верном пути к обретению уверенности в собственных силах. Друзья ошибались: бремя отцовской славы оказалось для Скотта непомерным. «От меня постоянно ожидают большего, чем я могу», — признался он незадолго до смерти.

Дженнифер Селзник было 22 года. Окружающие находили, что она очень похожа на свою мать, киноактрису Дженинифер Джонс. Ничего удивительного и тем более трагического в этом не усмотрели, однако именно этому обстоятельству суждено было сыграть в жизни девушки роковую роль. «То, что она была похожа на свою мать, не давало ей покоя», — говорила потом одна из подруг Дженинифер. — Она чувствовала, что мать и красивее и талантливее ее».

Прыжок с высоты двадцатистороннего дома вниз, на серый асфальт тротуара, — неожиданный и страшный конец жизни, которая только начиналась. Неожиданный и страшный, но поддающийся объяснению и даже логичный в меру той извращенной логики, согласно которой слава и богатство — высшая и единственная цель, а талант и красота — подручные средства для их достижения. Дочь знаменитой актрисы слишком твердо усвоила правила игры под девизом «Все или ничего», слишком резко ощутила трагическую дисгармонию собственных желаний и возможностей. Фатальный круг замкнулся: бытие определило сознание, а сознание определило выбор в пользу небытия.

Кто виноват — только ли знаменитые папы и мамы, которых никогда не было рядом, когда они были нужны, которые сыграли десятки блестящих киноролей, а в жизни не сумели исполнить однажды — роль отца или матери собственного ребенка? Но могут ли они не жить по законам того общества, которое превратило их в фетиши, в объект обрядового поклонения?

Эксплуатация глубоко личного, внутрисемейного ради «пабликита», конечно, безнравственна. Попытки откупиться от собственных детей, подменить заботу и внимание лишь обеспечением материального благополучия безнравственны вдвойне. Но трижды безнравственно общество, мораль которого превращает славу и деньги в высшие универсальные критерии человеческих поступков.

Рисунок
Александра ПАНАСЕНКО

Рисунок
Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

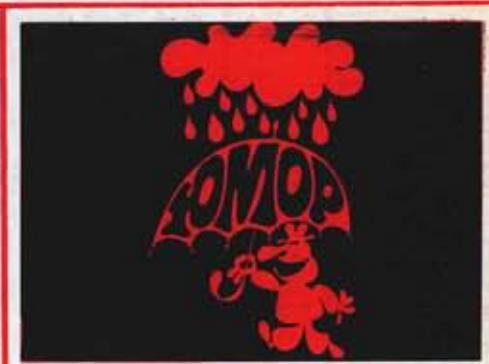

Рисунок
С. АЙНУТДИНОВА

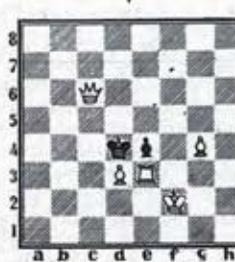

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

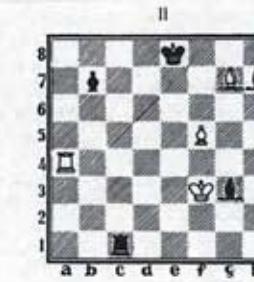
(Продолжение.
Начало см.
в №№ 1, 2, 5—8
журнала)

ДЕВЯТЫЙ ТУР

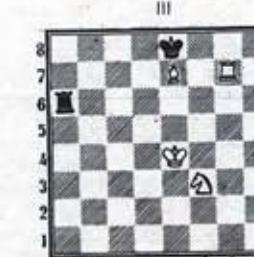

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

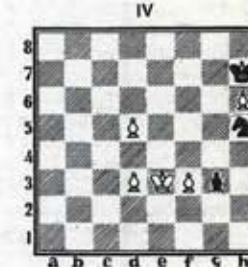
Под редакцией
международного арбитра,
заслуженного
тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

Ход черных. Как вы оцените шансы сторон в этой позиции? (3 балла.)

Ход черных. Могут ли они добиться победы при наилучшей защите белых? (3 балла.)

V

1. Kf3 Kf6 2. d4 g6 3. g3 Cg7 4. Cg2 0—0 5. c4 c5 6. 0—0 cd 7. K:d4 Kc6 8. Kc3 K:d4 9. F:d4 d6 10. Fd3 a6 11. e4. Каким дебютом начиналась эта шахматная партия? (1 балл.)

Не забудьте посыпать ответ на каждое из пяти заданий девятого, предпоследнего тура на отдельной открытке. На ее лицевой стороне над адресами слева вверху обязательна пометка «23-я шахматная олимпиада «Смены», девятый тур», а на обороте над решением справа вверху необходимо проставить свой учетный олимпиадный номер. Срок отправления писем на эти задания истекает 20 июня 1981 года (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.03.81. Подписано к печати 02.04.81. А 05072. Формат 70 × 108^{1/8}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 1015. Заказ № 446. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды». 24.

Стихи Иосифа УТКИНА.

Музыка Бориса РИВЧУНА

ТЫ ПИШЕШЬ МНЕ ПИСЬМО

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне,
моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончиши и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

Давно мы из дома.
Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых
писем.

Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И Родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

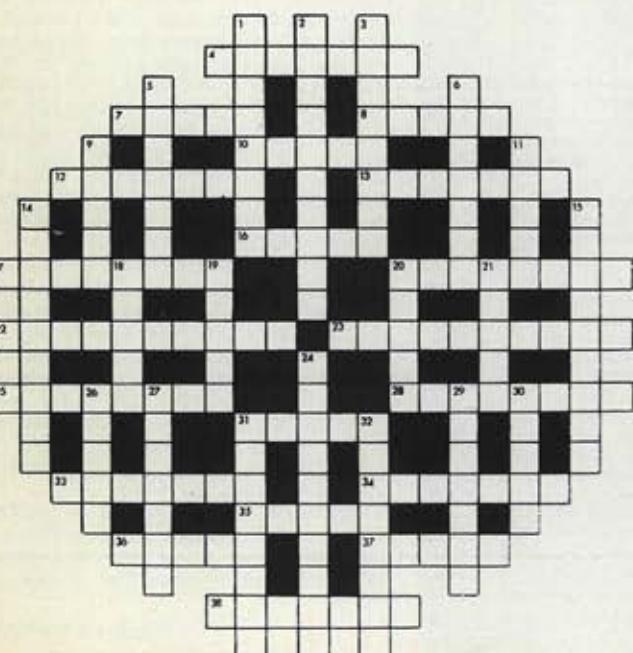
Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука
за дверью,

А в дом только радость войдет.
И как-нибудь вечером вместе
с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись
боя,
Как хронику чувств, перечтем...

КРОССВОРД

Составила М. КОВАЛЕНКО,
г. Жданов

По горизонтали:

4. Русская флейта. 7. Выдающийся польский композитор.
8. Мяч для игры в бадминтон. 10. Порт в Нидерландах.
12. Болгарская поэтесса. 13. Преобразователь электрических сигналов в звуковые.
16. Река, берущая начало с Валдайской возвышенности.
17. Героиня кинофильма «Член правительства».
20. Оркестровое вступление к опере, балету.
22. Руководитель певческого коллектива, дирижер.
23. Французская революционная песня.
25. Руководитель небольшого производственного коллектива.
28. Раздел стихосложения.
31. Выдающийся русский писатель.
33. Вид учебных занятий.
34. Романс Р. Шумана.
35. Вьющееся растение.
36. Народная поэтесса Литвы.
37. Пшеничная булочка.
38. Главное действующее лицо романа М. Горького.

По вертикали:

1. Войсковое подразделение, следующее впереди главных сил.
2. Декоративное растение, цветок.
3. Специальное сооружение для хранения зерна.
5. Высокий женский голос.
6. Профессиональный народный певец в Азербайджане.
9. Декоративная ваза для цветочного горшка.
11. Стихотворная форма.
14. Прибор для измерения коротких интервалов времени.
15. Порт на Каме.
18. Артист балета, народный артист СССР.
19. Создатель художественного произведения, проекта.
20. Огородное растение семейства зонтичных.
21. Узкий стальной брус, детали железнодорожного пути.
24. Симфоническая сюита Римского-Корсакова.
26. Один из героев романа А. Н. Толстого «Аэлита».
27. Действующее лицо оперы М. П. Мусорского «Хованщина».
29. Оценка успеваемости и поведения учащихся.
30. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
31. Бальный танец.
32. Испанский живописец XVII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

5. «Ленинцы».
7. Графтио.
9. «Перекоп».
11. Горький.
12. Крылов.
13. «Солдат».
15. Аргунь.
16. «Алпассионата».
18. Рокоссовский.
21. Леонов.
23. «Влтава».
25. Бирюса.
27. «Горение».
28. Клубень.
29. Грамота.
30. «Алшерон».

По вертикали:

1. Анкета.
2. Сырок.
3. Углов.
4. Карьер.
6. Неяды.
8. Трибун.
10. «Происшествие».
11. Горнозаводск.
14. Топорков.
15. Абалаков.
16. Амур.
17. «Абай».
19. Борона.
20. Шарнир.
22. Озеров.
24. Любаша.
25. Бихар.
26. Алтай.

МНОГОЦВЕТНАЯ СИМФОНИЯ ГОР

Если заглянуть в мастерскую художника Мурата Кабурова, что на старенькой горбатой улочке, где в воскресный полуденный час с протяжным голосом точильщика сливаются озорные голоса мальчишек, гоняющих в футбол во дворе под раскидистыми липами, где слышно иной раз свадебное веселье с осетинской гармоникой, с песнями, которым аккомпанирует гудящая кавалькада машин,— покажется странным, что Мурату не мешает, а словно помогает уличная симфония. Будто подлевая ей, он продолжает писать, и вдруг видится, что холст художника— многообразная мелодия красок, звучащая палитра, в которой тонкий слух уловит голоса и звуки улицы.

В мастерской десятки полотен, завершенных и только начатых, и к ним множество эскизов, набросков, запечатленных по памяти и с натуры: маслом, акварелью, карандашом, сангиной. Мальчик-водовоз, спускающийся от солнечного водопада к аулу по узкой тропинке на ушастом ослике; упругий взлет форели над кипящей пеной гор-

СВАДЬБА.

ПОЭТ КОСТА ХЕТАГУРОВ.

БУКЕТ.

ПЕРЕКРЕСТОК.

ной реки; сторожевая башня, смотрящая черными глазницами со скалистого утеса; табун лошадей, ветром несущихся по долине; альпийские луга, скрывающие от цветения тюльпанов...

Художник везде «ловит» жизнь, ее счастливые и грустные мгновения и не расстается с ними, пока не запечатлеет на холсте.

Мурата можно повстречать в домике егеря, оберегающего заповедник; у строителей, прокладывающих дорогу через горные массивы; на свадьбе в отдаленном ауле. Но больше всего его интересуют будни родного города, где прошли детство и юность. Вот набережная неугомонного Терека, в бушующих волнах которого он еще мальчишкой научился плавать, а вот старая липовая аллея, пересекающая центр Орджоникидзе,— место отдыха горожан в воскресный день, по соседству с ней театр. В вечерних сумерках он походит на сказочный домик, освещенный теплым светом фонарей. А вдоль берега реки старая мельница— высокая гладкая стена ее, выполненная искусственной рукой мастера, напоминает фасад средневекового замка.

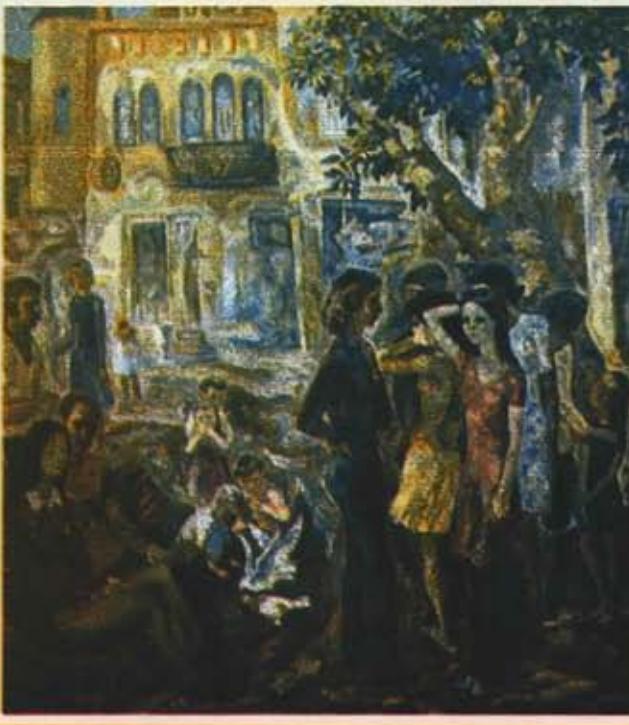
Мурат Кабулов закончил ленинградское художественное училище, а затем институт имени И. Е. Репина. Его учителем был прославленный живописец, народный художник СССР Евсей Евсеевич Моисеенко. Пройденную школу Мурат Кабулов достойно представляет своими работами на зональных, всероссийских и всесоюзных выставках.

— Слышишь песню гор? Она имеет свой цвет, найти бы его точнее...

Художник слушал песню, и, может быть, в нем рождался новый образ, который запечатлится на холсте мелодией, своей, не похожей ни на чью.

СЕЛЬСКИЕ СТРОИТЕЛИ.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

Руслан ГАЛАЗОВ